

И. Н. Петров

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ХОЗОРГАНОВ
ЗА НАРУШЕНИЯ
ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

21388

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ СССР
ВСЕСОЮЗНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
СОВЕТСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

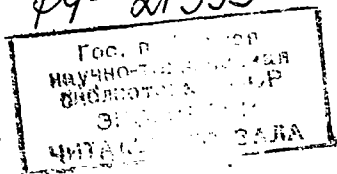
И. Н. Петров

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ХОЗОРГАНОВ
ЗА НАРУШЕНИЯ
ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

«ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва — 1974

34С4
П30

74-21399

14
29481

П $\frac{11002-008}{012(01)-74}$ БЗ-64-26-73

34С4

ВВЕДЕНИЕ

Одной из наиболее актуальных проблем правового регулирования хозяйственной жизни, возникших в ходе экономической реформы, является дальнейшее совершенствование механизма стимулирования хозяйственной деятельности предприятий и организаций. Соответствующая работа в области законодательства, начавшаяся с издания постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства» от 4 октября 1965 г. № 729¹, продолжается.

В Отчетном докладе Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза Л. И. Брежнев указал на значение усиления экономических стимулов в работе по совершенствованию руководства народным хозяйством. Он подчеркнул необходимость повышения роли хозяйственных договоров и ответственности за их выполнение². Одновременно Л. И. Брежнев отметил: «Опыт истекших лет позволяет сказать, что, начав осуществление экономической реформы, партия правильно оценила обстановку, взяла верный курс в деле совершенствования управления народным хозяйством. Вместе с тем еще далеко не все вопросы удалось решить»³.

Ответственность хозорганов за нарушение обязательств — один из видов стимулирования их деятельности. От того, насколько хорош механизм ответственности хозорганов, в значительной степени зависит состояние государственной и договорной дисциплины, выполнение предприятиями своих обязательств, в конечном счете —

¹ СП СССР 1965 г. № 19—20, ст. 153.

² См. «Материалы XXIV съезда КПСС», «Политическая литература», 1971, стр. 69—70.

³ Там же, стр. 69.

достижение народным хозяйством намеченных экономических результатов.

Механизм ответственности хозорганов за нарушение обязательств неоднократно критиковался, признавался недостаточно эффективным средством укрепления хозяйственного расчета и договорной дисциплины¹. В целях повышения его эффективности предлагались различные меры, в основном сводившиеся к повышению² размеров неустоек, к их дифференциации³, к установлению объема ответственности должника в зависимости от формы (степени) его вины⁴. Однако как вывод о недостаточной эффективности законодательства об ответственности хозорганов за нарушение обязательств, так и предложения по его совершенствованию базировались в значительной степени на субъективных суждениях, не подтверждались исследованием закономерностей в развитии регулируе-

¹ См., например, Л. М. Шор, Некоторые правовые проблемы укрепления хозрасчета в деятельности предприятий, «Материалы к Всесоюзной научно-технической конференции «Проблемы научной организации управления социалистической промышленностью», секция № 4, «Правовые основы руководства промышленностью», М., 1966, стр. 96; Н. С. Маленин, Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях, изд-во «Наука», 1968, стр. 124—136; Е. В. Анисимов, О хозяйственном договоре, «Ученые записки ВНИИСЗ», вып. 7, 1966, стр. 15; А. Г. Быков, Система и основные принципы применения санкций к хозяйственным организациям, «Советское государство и право» 1967 г. № 2, стр. 31; М. П. Ринг, Выступление на заседании ученого совета ВНИИСЗ, «Ученые записки ВНИИСЗ», вып. 7, 1966, стр. 49; Р. О. Халфина, Доклад на научной конференции, посвященной правовым проблемам экономической реформы, «Ученые записки ВНИИСЗ», вып. 10, 1967, стр. 65.

² См. В. Язев, Об изменении правового регулирования поставки продукции, «Советская юстиция» 1957 г. № 2, стр. 24; Е. Бриных, За эффективность имущественных санкций, «Советская юстиция» 1965 г. № 23, стр. 9; Л. М. Рутман, Правовое регулирование кооперированных поставок, «Юридическая литература», 1971, стр. 147.

³ См. Р. О. Халфина, цит. работа, стр. 65; И. Петров, Нарушения и санкции, «Известия» 1966 г. № 110.

⁴ См. Г. К. Матвеев, Вина в советском гражданском праве, Киев, 1955, стр. 240—242; О. А. Красавчиков, Выступление на межвузовской научной конференции, «Социалистическая законность» 1967 г. № 4, стр. 74; Н. С. Маленин, цит. работа, стр. 152; Ф. Л. Рабинович, Формы вины предприятия и договорная ответственность, «Советское государство и право» 1970 г. № 3, стр. 87; В. А. Язев, Промышленность и торговля, Правовые вопросы, «Юридическая литература», 1970, стр. 196.

мых правом общественных отношений. В результате по одному и тому же вопросу, как правило, существовало не менее двух точек зрения. Например, в противовес сторонникам повышения размеров неустоек ряд авторов полагал такую меру нецелесообразной¹. Имелись противники установления размера ответственности должника в зависимости от формы (степени) вины².

До последнего времени не было теоретической разработки вопросов эффективности законодательства, позволяющей производить ее сравнения, необходимые измерения.

Хотя в литературе эффективности законодательства в последние годы уделялось все больше внимания, однако под эффективностью понимались (впрочем, и понимаются) различные явления: от целесообразности норм права³ до признания нормы права социально эффективной, если она предусматривает оптимальный вариант поведения, требуемого для достижения научно обоснованной цели, и реально обеспечивает наступление фактического результата, соответствующего этой цели⁴.

В дискуссии по поводу определения понятия эффективности правовых норм было высказано мнение о том, что под эффективностью права следует понимать отношение между фактически достигнутым результатом и той целью, для достижения которой были приняты соответствующие правовые нормы⁵. Не боясь переоценить значения приведенного определения для дальнейших исследований эффективности правовых норм, следует подчеркнуть, что оно является не только правильным по сущест-

¹ См. Р. О. Халфина, Правовое регулирование поставки продукции в народном хозяйстве, изд-во АН СССР, 1963, стр. 249; О. С. Иоффе, Советское гражданское право, изд-во ЛГУ, 1961, стр. 63; М. Г. Масевич, Н. Г. Мурзин, В. В. Покровский, Правовые вопросы материально-технического снабжения предприятий совнархозов, Алма-Ата, 1962, стр. 206.

² См. М. Г. Масевич, Договор поставки и его роль в укреплении хозрасчета, Алма-Ата, 1964, стр. 311.

³ См. Д. А. Керимов, Свобода, право и законность в социалистическом обществе, Госюриздат, 1960, стр. 143.

⁴ См. А. С. Пашков, Л. С. Явич, Эффективность действия правовой нормы, «Советское государство и право» 1970 г. № 3, стр. 41.

⁵ См. И. С. Самощенко и В. И. Никитинский, О понятии эффективности правовых норм, «Ученые записки ВНИИСЗ», вып. 19, стр. 19.

ву, но и, представив эффективность как отношение, по нашему мнению, дало возможность перевести исследования эффективности из области теоретического осмысливания понятия в область сравнений и измерений. Так как отношение — это результат сравнения двух величин, то, определив члены отношения, мы можем получить количественное выражение эффективности.

Развитие правовой науки поставило задачу замены обоснований теоретических конструкций в области эффективности законодательства типа «очевидно», «по-видимому» и «следует полагать» объективными данными. Иными словами, речь идет о необходимости исследования такой актуальной проблемы, как критерии эффективности законодательства. Эта задача вытекает из принятого в декабре 1971 года постановления ЦК КПСС «О работе партийной организации Института экономики Академии наук СССР по выполнению постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве»¹.

Постановка вопроса о количественной оценке эффективности законодательства исторически обусловлена развитием кибернетики, теории информации, социологии, которые позволяют добиваться в управлении обществом оптимальных результатов. Новые методы и приемы изучения правовых проблем расширяют возможности научных исследований, содействуют изучению результатов практического применения норм права, помогают выявлять пробелы в действующем законодательстве, недостатки в практической работе и т. п.² Они помогут преодолеть образовавшееся «значительное отставание анализа процессов социальной жизни по сравнению с анализом экономических процессов»³.

Конечно, соответствующая перестройка в методах исследования требует времени и организации. Стоящие в этой связи перед юристами проблемы сложны и имеют несколько аспектов: философский, правовой, политиче-

¹ «Коммунист» 1972 г. № 1, стр. 4.

² См. В. П. Казимирчук, Право и методы его изучения, «Юридическая литература», 1965, стр. 17—19.

³ П. Н. Федосеев, Социологические исследования в СССР, Сборник «Социальные исследования», вып. 2, изд-во «Наука», 1968, стр. 11.

ский, экономический, социологический, психологический. Для их изучения необходимы усилия представителей различных наук, ибо «содружество ученых различных областей знания является непрременным условием плодотворного развития советской науки»¹. Сказанное полностью относится и к анализу эффективности законодательства об ответственности хозорганов.

Имеются два пути исследования эффективности законодательства об ответственности хозорганов за нарушения обязательств². Первый — традиционный, путь логического осмысливания применения модели на практике. Второй — сопоставления и измерения эффективности, выраженной в определенных показателях. Они оба могут использоваться в зависимости от стоящих перед исследователем задач, либо каждый в отдельности, либо вместе. Второй путь дает наиболее глубокие знания о предмете и обеспечивает наиболее объективную информацию.

В первом разделе работы предпринята попытка выявить, измерить эффективность законодательства об ответственности хозорганов.

Однако установление эффективности законодательства не самоцель, а база для его совершенствования. Необходимо не только получить сведения об эффективности законодательства, выраженные определенными показателями, но и проанализировать логическую модель механизма ответственности, выявить ее соответствие вскрытым закономерностям социального развития, экономическим условиям конкретного исторического периода, ибо даже правильно познанные закономерности не всегда адекватно отражаются в изданных по воле людей правовых актах³.

Во втором разделе работы исследуется механизм ответственности и вносятся предложения по его совершенствованию. Механизм ответственности анализируется на основе трех важнейших хозяйственных договоров — поставки, перевозки, подряда на капитальное строительство.

¹ М. Сулов, *Общественные науки — боевое оружие партии*, «Коммунист» 1972 г. № 1, стр. 27.

² В дальнейшем для упрощения изложения будет употребляться выражение «законодательство об ответственности».

³ См. Г. Н. Полянская, Р. Д. Сапир, *Соотношение объективного и субъективного в праве*, «Советское государство и право» 1969 г. № 6, стр. 21.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ХОЗОРГАНОВ ЗА НАРУШЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

ГЛАВА I

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ХОЗОРГАНОВ ЗА НАРУШЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

§ 1. Определение понятий

Прежде чем перейти к рассмотрению того или иного вопроса, следует раскрыть понятия, которыми придется оперировать. Это тем более необходимо, что хотя «употребление одних и тех же *termini technici* [технических терминов] в различном смысле неудобно, но в полной мере избежать этого не удастся ни в одной науке»¹. Не удалось избежать этого и праву.

Предметом настоящего исследования является эффективность законодательства об ответственности хозорганов за нарушение обязательств. Следовательно, необходимо уточнить, что под этим понимается, о каких хозорганах идет речь и что такое эффективность законодательства.

Под ответственностью за нарушение обязательств мы понимаем ответственность за нарушение гражданско-правовых обязательств, причем только договорную ответственность. За пределами исследования остается ответственность по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда. Не рассматриваются нами вопросы имущественной ответственности вышестоящих организаций перед предприятиями за ущерб, вызванный их неправильными действиями.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 228 (в сноске).

Что следует понимать под договорной ответственностью? Ее исследовали многие цивилисты¹, однако единого, общепринятого понимания ответственности так и не сложилось. Была сделана попытка определения ответственности с позиций хозяйственного права², но и она не увенчалась успехом³.

Выдвигается вопрос о существовании наряду с юридической ответственностью ответственности экономической, под которой понимается отражение в имущественной сфере хозяйственного предприятия всех отрицательных экономических последствий его хозяйственной деятельности, а отсюда и ущемление его экономических интересов⁴. Причем юридическая ответственность понимается как одна из форм ответственности экономической⁵.

Не останавливаясь на спорности такого утверждения (экономические отношения опосредуются правом, и даже отражение «неблагоприятных последствий на балансе хозяйственной организации»⁶ возможно только при нали-

¹ См., например, М. М. Агарков, К вопросу о договорной ответственности, «Вопросы советского гражданского права», изд-во АН СССР, 1945; Л. А. Лунц, Договорная ответственность, «Советское право в период Великой Отечественной войны», Юриздат, 1948; М. М. Тоболовская, Вопросы договорной и внедоговорной ответственности в советском социалистическом гражданском праве, автореферат канд. дисс., Л., 1950; И. Б. Новицкий, Л. А. Лунц, Общее учение об обязательстве, Госюриздат, 1950; С. Н. Братусь и Л. А. Лунц, Вопросы хозяйственного договора, Госюриздат, 1954; О. С. Иоффе, Ответственность по советскому гражданскому праву, Л., 1955; П. Д. Каминская, Основания ответственности по договорным обязательствам, «Вопросы гражданского права», изд-во МГУ, 1957; О. Н. Садиков, Имущественные санкции в хозяйственных договорах, «Советское государство и право» 1957 г. № 4; В. К. Райхер, Правовые вопросы договорной дисциплины в СССР, Л., 1958; Н. И. Краснов, Реальное исполнение договорных обязательств, Госюриздат, 1959; В. А. Рахмилович, Ответственность по обязательствам, предмет которых определен родовыми признаками, «Правоведение» 1961 г. № 3; Б. С. Антимонов, Основания договорной ответственности социалистических организаций, Госюриздат, 1962, и др.

² См. Н. С. Малейн, цит. работа, стр. 19.

³ См. об этом И. Н. Петров, Новое исследование имущественной ответственности хозорганов, «Советское государство и право» 1969 г. № 11, стр. 151—152.

⁴ См. В. К. Мамутов, В. В. Овсиенко, В. Я. Юдин, Предприятие и материальная ответственность, Киев, 1971, стр. 29.

⁵ См. там же, стр. 26.

⁶ В. К. Мамутов, Взаимоотношения предприятий с вышестоящими государственными органами и вопросы договорной ответственности, «Советское государство и право» 1964 г. № 5, стр. 48.

чий соответствующего правового установления, а ущемление экономических интересов предприятия есть результат применения норм права, ответственность юридическая), необходимо подчеркнуть, что предметом настоящего исследования является юридическая, гражданско-правовая ответственность.

Не вступая в полемику с авторами разных определений гражданско-правовой ответственности, необходимо отметить, что в дальнейшем изложении мы будем исходить из понимания ответственности, предлагаемого О. Н. Садиковым, полагающего, что ответственность включает в себя не только возмещение убытков и уплату неустойки, но и такие санкции, как допустимость отказа от договора, устранение дефектов исполненного по обязательству, отказ от оплаты и приемки ненадлежащего исполнения и т. д.¹.

Изложенное понимание ответственности наиболее широкое, охватывающее любые неблагоприятные последствия, включая так называемые «меры оперативного воздействия»².

Хозорганы

Говоря о хозорганах, мы имеем в виду лишь предприятия и организации, состоящие на хозяйственном расчете, имеющие закрепленные за ними основные и оборотные средства и самостоятельный баланс, могущие от своего имени приобретать имущественные и личные неимущественные права и нести обязанности, быть истцами и ответчиками в суде, арбитраже или в третейском суде (т. е. предприятия и организации, признаваемые юридическими лицами).

Эффективность правовой нормы

Под эффективностью правовой нормы об ответственности мы понимаем отношение цели, для достижения которой была принята правовая норма, к результату, фактически ею достигнутому. Таким образом, в основе нашего понимания эффективности правовой нормы лежит определение, данное И. С. Самощенко и В. И. Никитинским (см. введение к настоящей работе).

¹ См. О. Н. Садиков, Гражданское право в новых условиях, «Советское государство и право» 1967 г. № 2, стр. 81.

² В. Грибанов, Пределы применения мер оперативного характера при поставках продукции, «Советская юстиция» 1968 г. № 7, стр. 4—5.

Эффективность правовой нормы зависит не только от содержащихся в ней правовых предписаний, от наиболее правильного выбора средств достижения стоящих перед нормой целей. Эффективность определяется также рядом факторов, в той или иной мере предопределяющих степень эффективности правовой нормы. Перечень этих факторов широк: от правильного выбора цели, ее соответствия объективным условиям конкретного исторического периода, закономерностям развития экономики и общества до форм правоприменительной деятельности, правовой пропаганды, правовой культуры и морального уровня членов общества. Однако, говоря об эффективности правовой нормы, мы имеем в виду эффективность нормы как таковой, очищенной от влияния иных факторов, действующих в том же направлении, что и норма, либо противодействующих ей.

Такая постановка вопроса возможна лишь как результат абстрагирования от остальных причин, определяющих эффективность правовой нормы. Подобное абстрагирование влечет за собой допущение, что сравнение эффективности правовой нормы (норм) в разное время имеет место *ceteris paribus*¹. В противном случае возникает проблема «вычленения» эффективности правовой нормы из общего итога, достигнутого в результате воздействия на регулируемые социальные отношения множеством факторов.

И. С. Самощенко и В. И. Никитинский подробно изложили существующее понимание эффективности правовых норм. Аргументируя свое определение, они дали развернутый критический анализ разных точек зрения на исследуемый вопрос². Однако после издания работ указанных авторов в литературе встречаются высказывания, направленные против предложенного ими определения эффективности.

Так, А. С. Пашков и Л. С. Явич³ пришли к выводу, что эффективность нормы не сводится к отношению между

¹ При прочих равных условиях.

² См. И. С. Самощенко и В. И. Никитинский, О понятии эффективности правовых норм, «Ученые записки ВНИИСЗ», вып. 18, стр. 8 и сл.

³ См. А. С. Пашков, Л. С. Явич, Эффективность действия правовой нормы, «Советское государство и право» 1970 г. № 3, стр. 41.

результатом действия нормы и той целью, ради которой она принята. А. С. Пашков и Л. С. Явич полагают, что целевой момент, как необходимо включающий элемент субъективного отражения действительности, не может быть основным и объективным критерием эффективности правовой нормы во всех случаях. Авторы отмечают, что отношение результата к цели не является единственным показателем эффективности правовой нормы, и потому бывает ситуация, при которой данная цель достигается вне непосредственной связи с действием правовой нормы. Кроме того, они считают, что нельзя отрывать вопрос эффективности правовой нормы и от тех затрат, которые связаны с поддержанием нормы и с достижением предусмотренного ею результата, цели (имеются в виду не только материальные затраты, но и траты человеческой энергии, времени, возможные моральные и идейно-политические издержки).

Ниже мы остановимся на вопросе об объективности целевого критерия эффективности правовой нормы. Что же касается двух других утверждений, то достижение цели вне непосредственной связи с действием правовой нормы может пониматься только как результат действия других причин. Выявление достижения цели в результате применения правовой нормы в соответствии с высказываниями И. С. Самощенко и В. И. Никитинского возможно путем «вычленения» воздействия именно правовой нормы из числа всех воздействующих факторов. А. С. Пашков и Л. С. Явич в той же статье отмечают: «Коль скоро на общественные отношения, на поведение, влекущее требуемый результат, влияют многие социальные факторы, приходится вычленять действие интересующей нас нормы»¹. Таким образом, поставив вопрос, авторы решают его так же, как И. С. Самощенко и В. И. Никитинский, и, следовательно, сами снимают свое возражение. Поэтому мы не будем рассматривать второе утверждение.

Мы не будем рассматривать и обоснованность включения в эффективность права затрат материальных средств, человеческой энергии и времени. Такое включе-

¹ А. С. Пашков, Л. С. Явич, цит. работа, стр. 45.

ние уже имело место в ряде работ¹ и подвергнуто развернутому критическому анализу И. С. Самощенко и В. И. Никитинским², к мнению и аргументации которых мы полностью присоединяемся. К сказанному ими следует лишь добавить, что включение в эффективность правовой нормы материальных затрат, человеческой энергии, времени, моральных и идейно-политических издержек не только спорно по существу, но и отодвинуло бы попытки измерения эффективности на длительный срок.

Объективность и субъективность целевого критерия

Итак, объективен или субъективен целевой критерий эффективности правовой нормы? Это неразрывно связано с вопросом о соотношении объективного и субъективного, с

вопросом познания и свободы.

Как известно, на всех этапах развития человека, его знание было органическим единством объективного и субъективного³. Всякая истина является объективной (и потому абсолютной) истиной. Но она является таковой лишь в определенных пределах, а потому любая истина всегда относительна (т. е. она абсолютна лишь внутри этих пределов, относительно их). Пределы же, ограничивающие абсолютность истины, связаны с познающим субъектом, уровнем развития практики, направлением исследований⁴. «Если рассматривать отношение субъекта к объекту в логике, — подчеркивал В. И. Ленин, — то надо взять во внимание и общие посылки бытия конкрет-

¹ См. М. И. Пискотни, Б. М. Лазарев, Н. Г. Селищева, Ю. А. Тихомиров, О науке управления, «Советское государство и право» 1964 г. № 9, стр. 24; В. М. Манохин, О предмете и задачах науки управления в современный период, «Советское государство и право» 1965 г. № 2, стр. 88; Ф. Т. Кузнецов, П. Е. Подымов, И. В. Шмаров, Эффективность деятельности исправительно-трудовых учреждений, «Юридическая литература», 1968, стр. 65; И. В. Шмаров, Критерии и показатели эффективности наказаний, «Советское государство и право» 1968 г. № 6, стр. 57 и сл.

² См. И. С. Самощенко и В. И. Никитинский, О понятии эффективности норм права, «Ученые записки ВНИИСЗ», вып. 18, стр. 11—13.

³ См. И. В. Бычко, Познание и свобода, «Политическая литература», 1969, стр. 48.

⁴ См. там же, стр. 54.

ного субъекта (=жизнь человека) в объективной обстановке»¹.

К. Маркс в «Тезисах о Фейербахе», отмечая главный недостаток всего предшествующего ему материализма, подчеркивал, что он заключался «в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме объекта, или в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно»².

Субъективность человеческого познания объясняется тем, что знания приобретаются благодаря деятельности головного мозга — высокоразвитой материи, превращающей отражаемые объекты в ощущения и идеи. «Тут, — отмечал В. И. Ленин, — действительно, объективно три члена: 1) природа; 2) познание человека, = мозг человека (как высший продукт той же природы) и 3) форма отражения природы в познании человека, эта форма и есть понятия, законы, категории etc»³. Объективный мир приобретает в человеческом сознании субъективную форму. Сознание — субъективный образ объективных вещей. «Наши ощущения, наше сознание есть лишь образ внешнего мира...»⁴.

Однако субъективность сознания не исключает объективного содержания отражения в нем внешнего мира. «Человеческие понятия субъективны в своей абстрактности, оторванности, но объективны в целом, в процессе, в итоге, в тенденции, в источнике»⁵.

В связи со сказанным цель правовой нормы как результат преломления объективной действительности в сознании людей не может не носить субъективной окраски или, как справедливо отмечают А. С. Пашков и Л. С. Явич, целевой момент необходимо включает элемент субъективного отражения действительности. Однако можно ли на этом основании признать, что цель не может быть объективным критерием эффективности правовой нормы? Нет, нельзя.

Д. А. Керимов правильно подчеркивает, что цель, как философская категория, лежит в основе познания суще-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 184.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 3, стр. 1.

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 164.

⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 18, стр. 66.

⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 190.

ства права, процесса его создания и реализации. Она может рассматриваться, подобно самому праву, и как объективная, и как субъективная категория. Она объективна, поскольку определяется, в конечном счете, материальными условиями жизни общества, закреплена в действующем праве и поэтому не зависит от сознания и воли каждого отдельного индивида; она субъективна, так как выражает волю господствующего класса или всего народа и является идеальным предопределением желаемого результата поведения людей в обществе¹.

Хотя между объективными социальными процессами и их субъективным отражением имеются несоответствия, обусловленные как историческими условиями, определяющими возможности познания, его границы, так и органическо-психическими способностями индивидов, однако *«отражение природы в мысли человека надо понимать не «мертво», не «абстрактно», не без движения, не без противоречий, а в вечном процессе движения, возникновения противоречий и разрешения их»*².

Противоречие между объективным и субъективным преодолевается в общественной практике, в целенаправленной деятельности человека. В. И. Ленин подчеркивал, что *«цели человека порождены объективным миром», «законы внешнего мира... суть основы целесообразной деятельности человека»*³.

В процессе познания законов развития общества, законов управления им государство, исходя из суммы накопленных знаний и защищаемых им интересов, регулирует общественные отношения. Используя право как инструмент управления обществом, государство (его органы) определяет субъективные цели правового регулирования, в той или иной мере приближающиеся к целям объективно обусловленным или с ними совпадающие. В отношении норм советского права можно утверждать, что достижение правовой нормой цели означает познание объективных закономерностей. Субъективность, пройдя через практику правового регулирования, по вы-

¹ См. Д. А. Керимов, Категория цели в советском праве, «Правоведение» 1964 г. № 3, стр. 31 и сл.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 177.

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 171 и 169.

ражению Гегеля, «раскрывается в объективность»¹. «Реализованная цель есть... положенное единство субъективного и объективного»².

Понятно, что в силу сложности объекта познания (закономерности развития общества) и уровня достигнутого наукой управления обществом, полное достижение цели правового регулирования на сегодня вызывает ряд трудностей. В отдельных случаях мы имеем неодинаковую степень приближения субъективного к объективному, различную степень достижения цели.

Однако при всех условиях реализация цели правового регулирования является основным критерием правдивости познания регулируемых правом явлений. Следовательно, эффективность правовой нормы, которая по существу фиксирует степень реализации цели правового регулирования конкретных общественных отношений, не имеет никакого иного критерия, кроме целевого.

Только через познание эффективности правового механизма, понимаемой как практическое достижение поставленных перед ним целей, можно говорить о том, что приводимые людьми «в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей мере и те следствия, которых они желают... о скачке «в царство свободы»³.

§ 2. Цель и результат

Цели и их типы Развернутую характеристику основных типов целей, лежащих в основе различных норм социалистического права и их значения при оценке эффективности правовых предписаний, дали И. С. Самощенко и В. И. Никитинский. Отметив, что нормы права имеют в виду, как правило, не одну, а несколько целей, они подразделили цели на конечные (построение коммунизма) и непосредственные (определенные, более конкретные цели), а непосредственные цели (если нормы имеют в виду несколько непосредственных

¹ Гегель, Соч., т. 1, М.—Л., 1930, стр. 300.

² Гегель, Соч., т. 1, М.—Л., 1930, стр. 319.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 295.

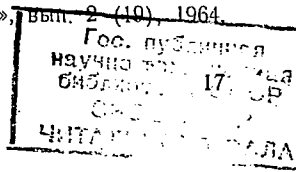
целей) в свою очередь подразделяют на главные и второстепенные, прямые и опосредствованные. Вместе с тем они приходят к выводу, что определение эффективности норм права и правовых институтов осуществляется на основе непосредственной, а не конечной цели, ибо конечная цель очень всеобъемлюща и ее трудно применить в качестве критерия для оценки эффективности более или менее узкой группы правовых норм¹.

Следует отметить, что цели правовых норм можно подразделить на общие, стоящие перед законодательством вообще, перед отраслями и подотраслями права, перед правовыми институтами, и цели частные, стоящие перед конкретными правовыми нормами. Соотношение этих целей является соотношением общего, особенного и единичного.

Так, из числа непосредственных целей применительно к законодательству об ответственности может быть выделена **общая цель** юридической ответственности в различных ее видах и формах (уголовной, административной, гражданской и т. д.)² — обеспечение исполнения советских законов; **общая цель гражданско-правовой ответственности** — охрана закрепленных правом имущественных и связанных с ними личных неимущественных отношений, регулируемых гражданским правом; *общая цель ответственности хозорганов за нарушение обязательств* — обеспечение надлежащего исполнения хозяйственных договоров; *общая цель ответственности хозорганов за нарушение обязательств по отдельным видам хозяйственных договоров* — обеспечение надлежащего исполнения договоров конкретных видов. Наряду с общими непосредственными целями, располагающимися по приведенной иерархической лестнице, существуют *частные цели отдельных норм об ответственности* за нарушение тех или иных обязательств (нарушение сроков поставки, сроков доставки грузов транспортом и т. п.) — обеспечение надлежащего исполнения конкретных обязательств.

¹ См. И. С. Самощенко и В. И. Никитинский, Цели правовых норм — масштаб оценки их эффективности, «Ученые записки ВНИИСЗ», вып. 19, 1969, стр. 48 и сл.

² См. И. С. Самощенко, Юридическая ответственность в советском обществе, «Ученые записки ВНИИСЗ», вып. 2 (10), 1964, стр. 40—46.

При определении эффективности правовых норм следует исходить из стоящих перед ними непосредственных частных целей. О достижении общих целей можно судить только на основании реализации целей частных, осуществление которых одновременно является средством достижения общих целей.

В связи со сказанным в дальнейшем нами будут исследоваться в первую очередь непосредственные частные цели.

Цели ответственности Как правильно отмечалось в литературе, юридическая ответственность в социалистическом обществе преследует двойную цель: защиту правопорядка и коммунистическое воспитание¹. Это вытекает из высказываний В. И. Ленина о воспитательной роли государственного принуждения в советском обществе² и полностью должно быть отнесено и к гражданско-правовой ответственности.

Однако выделение воспитания как самостоятельной цели и оценка эффективности ответственности с этой точки зрения были бы неверны в силу того, что обе цели (охрана правопорядка и воспитание) достигаются одним и тем же процессом и мерами юридической ответственности, переплетаются в предупреждении правонарушений и сливаются в конечной цели³.

Необходимо отметить, что если общими отраслевыми целями ответственности (уголовной, административной и т. д.) является охрана правопорядка, обеспечение исполнения советских законов, то гражданско-правовая ответственность в силу специфики регулируемых гражданским правом отношений и необходимости обеспечения стабильности хозяйственного оборота имеет еще одну цель: компенсировать имущественный ущерб кредитора, причиненный неправомерными действиями должника. Эта цель вытекает из ч. 1 ст. 36 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик⁴.

¹ См. И. С. Самощенко и В. И. Никитинский, Цели правовых норм..., стр. 51.

² См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 42, стр. 139, 216—217; т. 43, стр. 54; т. 36, стр. 63 и др.

³ См. И. С. Самощенко, В. И. Никитинский, Цели правовых норм..., стр. 51.

⁴ В дальнейшем для краткости — Основы.

**Цель и масштаб
эффективности**

В литературе было высказано мнение, в соответствии с которым цель, ради достижения которой создавалась соответствующая норма, является мерилom (масштабом оценки) ее эффективности¹, эталоном оценки эффективности². С этим согласиться нельзя. Как отмечалось, эффективность правовых предписаний представляет собой соотношение между действительным результатом и той целью, для достижения которой были приняты соответствующие правовые нормы. Следовательно, эффективность определяется этим соотношением, им измеряется. Признание цели масштабом (мерилом) эффективности означает признание возможности измерения эффективности только целью, без учета степени ее реализации, без учета результата применения правовой нормы. Таким образом, между определением эффективности и цели есть противоречие.

Цель нормы является эталоном, масштабом, мерилом оценки достигнутого результата. Эффективность правовой нормы является показателем степени реализации поставленной цели на практике, применительно к нормам об ответственности хозорганов, как уже отмечалось, отношение цели к результату:

$$\mathcal{E} = \frac{\text{Ц}}{\text{Р}}$$

где \mathcal{E} — эффективность; Ц — цель и Р — результат.

**Количественная
оценка цели**

Если при определении непосредственных частных целей правовых норм не возникает особых трудностей, то их количественная оценка весьма сложна. Так, в соответствии с п. 12 Положения о поставках продукции органы, выдавшие наряды, могут вносить в них изменения или отменять их в связи с перераспределением фондов, а также в других исключительных случаях не позднее чем за 45 дней до начала указанного в наряде срока поставки, с одновременным уведомлением об этом поставщика, покупателя и фондодержателя. Какова непосредственная

¹ См. И. С. Самощенко, В. И. Никитинский, Цели правовых норм..., стр. 46.

² См. И. С. Самощенко, В. И. Никитинский, А. Б. Венгеров, К методике изучения эффективности правовых норм, «Советское государство и право» 1971 г. № 9, стр. 73.

цель этой нормы? Цель — установить такой порядок и сроки изменения или отмены нарядов, при котором с наибольшей полнотой были бы учтены интересы государства, поставщиков и покупателей. Но какова должна быть количественная оценка этой цели? По-видимому, здесь необходимо установить некие оптимальные количественные показатели интересов государства, поставщиков и покупателей, что совсем нелегко.

С количественной оценкой цели норм об ответственности хозорганов проще. Их цель (общая для всех норм об ответственности) — обеспечить исполнение других правовых норм.

Исходя из того, что целью правовых норм об ответственности (в том числе и хозорганов) является достижение такого положения, при котором правонарушения вообще бы отсутствовали, при попытке количественно оценить цель норм об ответственности хозорганов, ее (цель) можно принять за единицу (как некий минимум правонарушений).

Несколько слов о втором члене приведенного отношения — результате. Результат — следствие, последствие. Применительно к рассматриваемой проблеме результат — следствие действия определенных правовых норм (нормы), фактическое положение вещей в области регулируемых конкретными нормами общественных отношений.

Будучи величиной, к которой относится цель, результат должен быть выражен количественно в тех же величинах, что и цель. В приведенном нами случае цель и результат могут быть измерены числом правонарушений. Приняв цель за единицу, мы можем выразить результат числом фактически совершенных правонарушений.

§ 3. Методика исследования

Познание эффективности правовых норм как соотношения цели и результата невозможно без ее сравнения и измерения, которые, в свою очередь, невозможны без необходимой информации. Поэтому прежде чем приступить к разработке способов сравнения и измерения, следует установить, есть ли в нашем распоряжении необхо-

димая информация об изучаемом объекте, информация, достаточная для достижения целей измерения¹.

Информация Информацию о социальных процессах и явлениях, в том числе о степени урегулированности общественных отношений путем установления ответственности за нарушение хозорганами обязательств, ее эффективности, мы можем получить из соответствующих статистических данных и социологических исследований. В основе этого утверждения лежит статистическая теория информации, в соответствии с которой информацию несут **любые** объекты и процессы, подчиняемые статистическим закономерностям².

К сожалению, статистика не дает сведений желаемой полноты и мы не можем исследовать вопрос достаточно всесторонне и глубоко. Однако даже имеющиеся статистические данные позволяют установить интересные явления в исследуемом объекте и произвести с той или иной степенью точности их измерение. Недостающие сведения в определенной мере могут быть восполнены в результате социологических исследований.

Необходимо подчеркнуть, что при изучении сложных систем возникает проблема их упрощения. Вместо изучения бесконечного числа свойств явления, бесчисленного множества его связей исследователь должен ограничиться изучением их конечного количества, выделить лишь часть информации. Таким образом, при изучении сложного явления по существу анализируется некая его модель.

Как известно, одной из характерных особенностей статистики является то, что при изучении количественной стороны общественных явлений и процессов она всегда отображает качественные особенности исследуемых явлений. Статистика изучает общественные явления

¹ Достаточную информацию не следует смешивать с информацией исчерпывающей. В. И. Ленин обращал внимание на то, что человек не может охватить, отобразить всей природы в ее непосредственной цельности, он может лишь вечно приближаться к этому, создавая абстракции, понятия, законы и т. д. (см. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 163—164).

² Теория информации является не только разделом современной кибернетики, но и признается разделом математической теории вероятностей (см. Н. И. Жуков, Информация, Минск, 1966, стр. 123).

как единство их качественной и количественной определенности, т. е. изучает меру общественных явлений¹.

Исследуя эффективность законодательства об ответственности, мы используем существующую статистическую отчетность. Необходимо отметить, что она недостаточно полна и точна. Кроме того, за последние более чем два десятилетия отчетность неоднократно изменялась, менялись статистические показатели². Данные обстоятельства в значительной степени затрудняют стоящую перед нами задачу. Но представляется, что, хотя результаты исследования не будут абсолютно точны и всеобъемлющи, полученные данные могут быть признаны достаточными и достоверными для выявления определенных тенденций.

Как мы уже говорили выше, цель ответственности — недопущение правонарушений. В количественной оценке результата, достигаемого нормами об ответственности, может быть использован показатель числа правонарушений, а единицей наблюдения является правонарушение, в приведенном нами случае — нарушение хозорганом обязательства³.

Причины нарушения обязательств лежат либо в сфере объективной действительности, не зависят от воли стороны в обязательстве, либо в сфере ее волевой деятельности. В первом случае мы имеем дело с нарушениями невиновными, не связанными с психическим отношением к ним должника. Во втором — с нарушениями виновными, связанными с психическим отношением лица к совершаемому им противоправному действию или бездействию, а также к наступающим в связи с этим противоправным последствиям.

Исследуя эффективность механизма ответственности за нарушения обязательств, мы можем абстрагироваться от их невыполнения по объективным, не зависящим от воли участников причинам. За такого рода нарушения,

¹ См. «Статистика», под ред. С. Г. Струмпина, изд-во «Статистика», 1969, стр. 6.

² Статистические показатели — это понятия (категории), отображающие размеры и количественные соотношения признаков общественных явлений (см. там же, стр. 20).

³ В статистике единицей наблюдения называют первичный элемент объекта исследования, который является носителем признаков, подлежащих регистрации (см. там же, стр. 50).

как правило, в соответствии с одним из принципов ответственности, положенных в основу ее действующей модели (принцип ответственности только при наличии вины — ст. 37 Основ), какие-либо неблагоприятные последствия на должника не возлагаются. Нарушения, не влекущие ответственность, выходят за пределы избранной нами темы и, следовательно, должны быть исключены из сравниваемых и измеряемых совокупностей.

Хозорганы, предъявляя своим контрагентам иски, требования, не всегда достаточно информированы об обстоятельствах, вызвавших нарушения обязательств. Эти обстоятельства изучаются и оцениваются лишь при рассмотрении требований органами арбитража, которые либо удовлетворяют заявленные требования, либо отклоняют их, в том числе и в связи с тем, что обязательства нарушены должником невиновно. Таким образом, исходя из нужд проводимого нами исследования, общее число рассмотренных арбитражами споров должно быть скорректировано с учетом числа споров, по которым в исках было отказано из-за признания их необоснованными. За такого рода исками не скрываются правонарушения и, следовательно, не применяется механизм ответственности.

Ошибки, допускаемые органами арбитража при рассмотрении отдельных требований, нами не учитываются. Число их незначительно, и они не могут сколько-нибудь существенно повлиять на результаты исследования.

К сожалению, как действовавшая ранее, так и действующая в настоящее время статистическая отчетность органов госарбитража не содержала и не содержит сведений о числе допущенных хозорганами правонарушений. Возникновение спора, заявление претензии и направление искового заявления в арбитраж еще не значит, что имело место правонарушение. Как отмечалось, спор может явиться результатом заблуждения истца. О правонарушении можно говорить, только если претензия удовлетворена ответчиком или если иск удовлетворен арбитражем (полностью или частично).

В связи со сказанным для исследования результата, достигнутого нормами об ответственности, необходимо определить число нарушений. Следует при этом учитывать, что абсолютная цифра правонарушений в течение того или иного отрезка времени сама по себе не представляет ценности, ибо измерения, которые могут быть легко

проведены в отношении совокупности в целом, дают материал только для описательных статистических данных. Нас же интересует влияние норм об ответственности на регулируемые общественные отношения, т. е. сравнение, выявление тенденции.

Мы не располагаем ни сведениями об общем числе правонарушений, ни сведениями об общем числе требований, заявленных хозорганами в связи с этими нарушениями. Получить соответствующие данные без проведения обширного выборочного исследования невозможно, так как не все нарушения обязательств отражаются в документации хозорганов. Нет в нашем распоряжении цифр «вскрытых» правонарушений, по которым хозорганы-кредиторы предъявляли требования хозорганам-должникам. Есть лишь сведения о рассмотренных органами арбитража исках. Следовательно, на данном этапе именно они и могут быть положены в основу анализа.

Учитывая, что споры государственных предприятий и организаций, как правило, рассматриваются органами государственного и ведомственного арбитража¹, а также, что статистическая отчетность в судебных и арбитражных органах не совпадает, базой проводимого нами анализа будут споры, передаваемые на рассмотрение арбитража. Но даже этот круг споров должен быть ограничен лишь делами, рассмотренными органами госарбитража, ибо до последнего времени сведения о деятельности ведомственных арбитражей не концентрировались в одном месте, а зачастую их вообще не было.

Схематически изложенное может быть представлено следующим образом:

— круг с радиусом R — общее число нарушений обязательств;

— круг с радиусом R_1 — общее число нарушений обязательств, в связи с которыми кредиторами заявлены требования;

¹ См. п. 8 Положения о Государственном арбитраже при Совете Министров СССР (СП СССР 1974 г. № 4, ст. 19), соответствующие пункты Положений о государственных арбитражах при Советах Министров союзных республик, Общих положений о государственных арбитражах при Советах Министров автономных республик, при исполнительных комитетах краевых, областных и городских Советов депутатов трудящихся, а также Положения об арбитражах министерств и ведомств.

— круг с радиусом R_2 —число нарушений обязательств, в связи с которыми заявленные требования рассмотрены судом, арбитражем и вышестоящими органами должников;

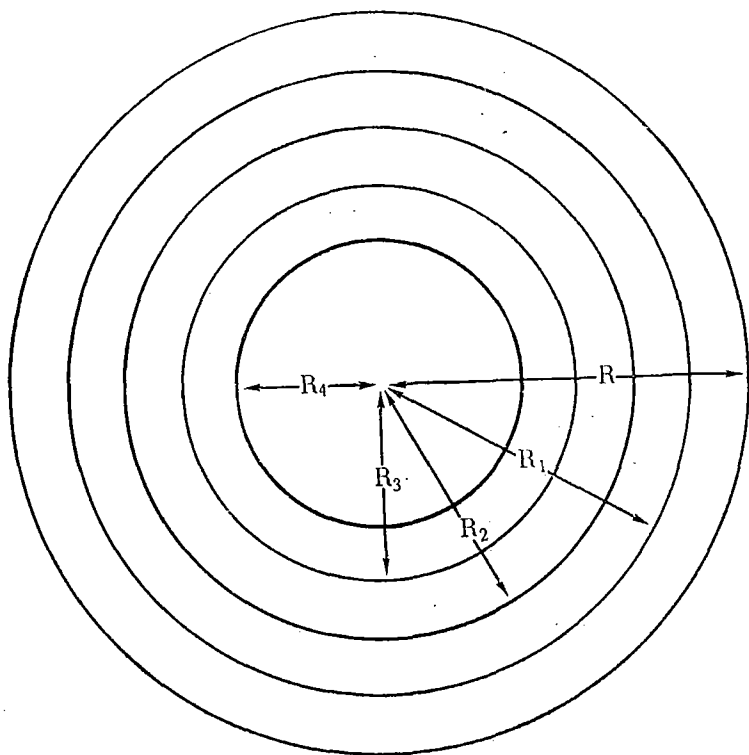

Рис. 1

— круг с радиусом R_3 —число нарушений обязательств, в связи с которыми требования рассмотрены органами государственного и ведомственного арбитража;

— круг с радиусом R_4 —число нарушений обязательств, в связи с которыми требования рассмотрены органами государственного арбитража.

Таким образом, требования, рассмотренные органами государственного арбитража (круг с радиусом R_4), явля-

ются выборкой из некоей генеральной совокупности¹ (круг с радиусом R), и в целях обоснованности выводов всего дальнейшего исследования нам необходимо установить, насколько представительна выборочная совокупность².

Генеральная совокупность (R) нам неизвестна. Известны и совокупности R_1 , R_2 и R_3 . Известно число имущественных споров, рассмотренных органами госарбитража (R_4). Можем ли мы судить о тенденциях в совокупности R , исходя из исследования совокупности R_4 ? В конкретном случае можем.

Нарушения договорных обязательств, по которым должники возлагают на себя ответственность до предъявления претензий кредиторами,— единичны и не имеют практического значения. Разница между R_1 и R_2 колеблется в зависимости от категорий споров. Наибольшее удовлетворение претензий до обращения в арбитраж фиксируется по требованиям, связанным с поставкой недоброкачественной продукции. По 100 предприятиям различных отраслей промышленности число удовлетворенных поставщиками претензий, связанных с поставкой недоброкачественной продукции, составило 47% к числу заявленных претензий³. Таким образом, в отношении споров о поставке недоброкачественной продукции $R_2 \approx 50\% R$. По остальным категориям споров $R_2 > 50\% R$. Число споров, рассмотренных судами и ведомственными арбитражами, меньше числа споров, рассмотренных госарбитражами. Следовательно, $R_4 \approx 25\% R$ и является достаточной выборкой из R .

Конечно, приведенные данные неточны, но и при ошибке в два раза R_4 составит 12,5% от R и, следовательно, R_4 для наших целей достаточно⁴.

¹ Генеральной совокупностью называется совокупность единиц, из которой производится отбор некоторой части их для выборочного исследования («Статистика», стр. 156).

² Выборочной совокупностью называется совокупность единиц, отобранных для выборочного наблюдения, «Статистика», стр. 157.

³ Эти данные были получены лабораторией изучения эффективности осуществления законодательства ВНИИ советского законодательства в 1971 году.

⁴ Как показали результаты исследования, проведенного Научно-исследовательским институтом экономики и организации материально-технического снабжения, удельный вес размера неустойки,

Что касается дальнейшего анализа, то он основан на довольно точных данных, которые хотя и не свободны от ошибок регистрации¹, возникающих на разных стадиях подготовки статистических отчетов, однако являются вполне достаточными.

Таким образом, за базу исследования мы берем рассмотренные органами госарбитража имущественные споры (R_4), в основе которых лежат требования о возложении на должника ответственности в той или иной форме, предусмотренной ст. 36 Основ.

Необходимо перейти к анализу нарушения хозорганами обязательств, соотношения их с разрешенными органами госарбитража спорами. Это соотношение может быть проиллюстрировано следующей схемой (рис. 2).

Прямоугольник АВФН — число допущенных хозорганами правонарушений; прямоугольник JДЕН — число предъявленных кредиторами требований о возложении на должников ответственности в связи с нарушением последними своих обязательств²; прямоугольник Z — число правонарушений, по которым указанные выше требования кредиторами не заявлялись; прямоугольник Y —

присуждаемой органами государственного арбитража, составляет за ряд лет около $\frac{1}{3}$ всех уплаченных социалистическими организациями санкций: в 1968 году — 36,4%, в 1969 — 36,6%, в 1970 — 37% (см. М. И. Брагинский, Основные тенденции в динамике имущественных санкций в новых условиях хозяйствования, «Труды НИИМС», Управление и экономика материально-технического снабжения, вып. 2, М., 1972, стр. 9). Представляется, что приведенные данные являются свидетельством достаточности выборки R_4 .

¹ Погрешности, которые возникают вследствие неправильной регистрации данных об отдельных обследуемых единицах («Статистика», стр. 158). Такие погрешности при учете категорий споров могут возникнуть, в частности, как в результате неправильного их определения, так и в результате неточного заполнения учетной карточки имеющего большую часть суммы заявленного иска (см. Инструктивное письмо Госарбитража при Совете Министров СССР от 28 февраля 1964 г. № И-1-14, согласно которому дела, касающиеся нескольких категорий споров, учитываются по категориям спора, имеющего большую часть суммы заявленного иска (см. инструктивные указания Государственного арбитража при Совете Министров СССР («Систематизированный сборник»), «Юридическая литература», 1964, стр. 19). В дальнейшем для краткости — «Систематизированный сборник».

² Иначе говоря, число предъявленных в соответствии с п. 10 Правил рассмотрения хозяйственных споров государственными арбитражами претензий (см. «Систематизированный сборник», стр. 26).

число неосновательно отклоненных должниками требований; прямоугольник P — число требований, добровольно удовлетворенных должниками; прямоугольник X —

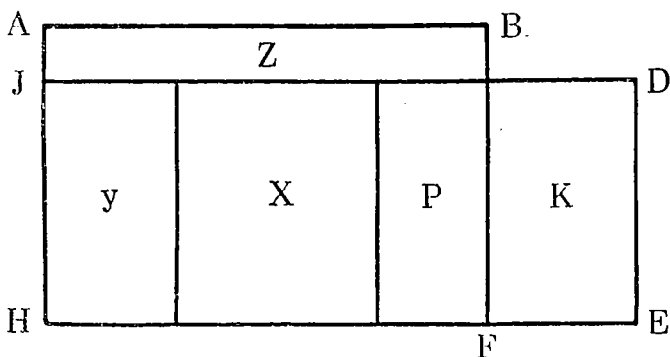

Рис. 2

число требований, удовлетворенных арбитражем, и, наконец, прямоугольник K — число неосновательно заявленных требований.

Даже при беглом ознакомлении с приведенной схемой нетрудно узнать в прямоугольнике $ABFH$ совокупность R , в прямоугольнике $JDEH$ — совокупность R_1 . Однако остальные величины в ранее данной схеме не отражены. Их выделение необходимо для уяснения несколько иного характера выборки (прямоугольник X), которая составляет не число рассмотренных госарбитражем дел, а число требований, удовлетворенных арбитражем, т. е. случаев нарушений обязательств, зафиксированных государственным органом. При этом сумма удовлетворенных исковых требований, ее отношение к общей сумме иска не имеют значения. Удовлетворенный даже частично, иск означает, что должник допустил правонарушение и, следовательно, цель конкретной нормы об ответственности хозоргана не была достигнута.

В статистической отчетности органов госарбитража нет данных о числе удовлетворенных исков. Приводятся лишь цифры, показывающие сумму удовлетворенных требований с выделением размера взысканных санкций (имеется в виду неустойка). Конечно, размер удовлетворенной части иска при анализе характера правонаруше-

ния также важен. Он в определенной мере свидетельствует о качественной стороне нарушения, о его тяжести — размере незаконно изъятых из оборота средств, масштабах недостачи, величине ущерба от поставки брака и т. п. Но критерий размера удовлетворенной части иска является дополнительным.

В этих целях нами было проведено в 1969—1970 гг. выборочное исследование решений нескольких отделов Госарбитража при Совете Министров РСФСР. В результате выявлена интересная закономерность: процентное отношение исков обоснованных и исков неосновательных по отдельным категориям споров весьма стабильно¹.

Получение этих данных позволяет нам утверждать, что на основе числа рассмотренных споров можно довольно точно определить тенденции динамики правонарушений. Выводы, основанные на изучении изменений в динамике отдельных категорий споров, будут справедливы и в отношении соответствующих нарушений обязательств. Таким образом, мы еще раз убедились в том, что статистическая отчетность органов госарбитража может быть положена в основу предпринятого нами исследования.

Другие методы исследования

Исследуя эффективность законодательства статистическими методами, мы можем обеспечить замену интуитивного суждения и «обоснованного мнения» (что является синонимом «предчувствия»)² пусть приближенными, но достаточно объективными данными. Они дадут нам возможность с той или иной степенью точности³ определить существующее положение вещей и дать

¹ Сказанное, конечно, не означает, что во всех арбитражах на протяжении всех лет их деятельности процент удовлетворенных (по числу) исков одной категории был идентичен. Возможны колебания в ту или иную сторону. Но то, что каждой категории спора соответствует относительно стабильный процент удовлетворенных исков, безусловно. И, таким образом, чем больше исков определенной категории поступает на разрешение арбитража, тем больше нарушений обязательств той же категории имеет место. Между ними — прямая зависимость.

² См. У. Дж. Рейхман, Применение статистики, изд-во «Статистика», 1969, стр. 46.

³ М. Б. Броуди подчеркивает, что точность данных — понятие относительное, поскольку всякое измерение до какой-то степени приближительно (см. М. Б. Броуди, О статистическом рассуждении, изд-во «Статистика», 1968, стр. 25).

прогноз на будущее, которое в известном смысле является повторением прошлого¹. Конечно, при прогнозе важно отделить факторы, могущие иметь значение для будущего, от тех, чье влияние временно преходяще².

Для исследования проблемы могут быть привлечены и иные, социологические методы исследования, в частности исследования документов, переписки, наблюдения и т. п. В связи с ограниченным объемом работы мы не будем останавливаться на характеристике каждого из них. Однако необходимо подчеркнуть, что конкретно-социологические методы могут служить поисковым инструментом либо средством сопоставления явлений и в области эффективности законодательства. Они должны максимально использоваться и при определении эффективности норм права как достаточно точный инструмент познания³.

ГЛАВА II

СПОСОБЫ СРАВНЕНИЯ И ИЗМЕРЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ НОРМ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ХОЗОРГАНОВ ЗА НАРУШЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

§ 1. Способы сравнения

Познание качественных сторон явлений и процессов должно сочетаться с определением количественных отношений. Это вытекает из диалектической связи качества и количества. Каждый качественно определенный объект имеет некоторую количественную характеристику.

¹ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. I, стр. 137.

² См. М. Б. Броуди, цит. работа, стр. 47.

³ Лабораторией изучения эффективности осуществления законодательства ВНИИ советского законодательства при участии автора настоящей работы было проведено социологическое исследование эффективности норм об ответственности хозорганов за поставку недоброкачественной продукции и товаров. Если судить по предварительным итогам, оно дало интересные результаты, подтверждающие некоторые высказанные автором положения. Однако методику исследования, полученные данные и соответствующие выводы намечается осветить в самостоятельной работе участников исследования.

Изучение эффективности законодательства, в том числе и законодательства об ответственности, является попыткой познать качественную сторону правового регулирования. Такое познание невозможно без выявления количественных отношений, характеризующих объект исследования. Данные отношения могут быть вскрыты сравнением или измерением.

Сравнение и измерение

Сравнение — простейшая форма количественной оценки величин путем установления «больше» и «меньше». Оно позволяет расположить исследуемые объекты в линейном порядке, дает возможность составить суждение об интересующей исследователя количественной стороне явления. Однако сравнение не может дать ответа на вопрос, **насколько** отличаются друг от друга сравниваемые величины, что, конечно, снижает познавательную ценность сравнения как метода количественной оценки явления.

Измерение же определяется следующим образом: «измерить величину — значит найти отношение измеряемой величины к другой однородной величине, принятой за единицу измерения»¹.

Таким образом, если при сравнении нет результата, выраженного числом, то при измерении результат — число. Очевидно, что измерение, как способ количественной оценки величин, дает большую точность и, следовательно, имеет большую познавательную ценность.

Вместе с тем измерение невозможно без сравнения. Однако сравнение как статистический метод не ограничивается простым сопоставлением измерений с каким-либо постоянным показателем. Статистик занимается сравнением однотипных измерений за определенный период времени, но он, кроме того, сравнивает фактическую повторяемость этих измерений с вероятностью их повторения².

И сравнение, и измерение могут служить делу определения эффективности законодательства, в том числе и законодательства об ответственности хозорганов. Первое будет свидетельствовать об уменьшении или увели-

¹ О. А. Мельников, О роли измерений в процессе познания, Новосибирск, 1968, стр. 6.

² См. У. Д. ж. Р е й х м а н, цит. работа, стр. 17.

чении «расстояния» между целью и результатом, о направлении движений (к цели либо от нее). Измерение дает возможность выразить эти показатели в цифрах, определить, насколько мы приблизились к цели или удалились от нее.

Способы
сравнения

Какие способы сравнения эффективности есть в нашем распоряжении? Учитывая, что сравнения, как уже отмечалось, будут проводиться на основе статистической отчетности органов госарбитража, мы можем использовать все способы сравнения, которыми вооружена современная статистическая наука.

Наиболее оправданным представляется использование статистических графиков — условных изображений статистических данных в виде точек, линий или фигур¹. Сравнительный анализ эффективности правовых норм требует исследования эффективности норм, различных по содержанию, но аналогичных по цели, что возможно только на относительно длительных промежутках времени. Графическое изображение облегчает выявление и восприятие тенденций, делает их более наглядными. Статистическая сводка, перегруженная цифрами за много лет, затрудняет восприятие.

Примером может служить график роста числа споров, рассмотренных в органах Госарбитража СССР (см. рис. 3). Даже при беглом ознакомлении с графиком легко выявляется тенденция значительного роста споров в 1957—1959 гг. и резкие скачки вверх в 1960 и 1968 годах. Рост числа споров в 1957—1959 гг. объясняется образованием совнархозов и передачей споров, рассматриваемых ранее ведомственными арбитражами, на разрешение органов госарбитража. Скачки 1960 и 1968 годов могут быть объяснены изданием новых законодательных актов — Положений о поставках 1959 года и постановления Совета Министров СССР от 27 октября 1967 г. № 988².

Итак, мы сталкиваемся с первым указанием на роль изменения ответственности хозорганов в увеличении числа споров, рассматриваемых органами госарбитража. Если рост споров при введении Положений о поставках

¹ См. «Статистика», стр. 97.

² СП СССР 1967 г., № 26, ст. 186.

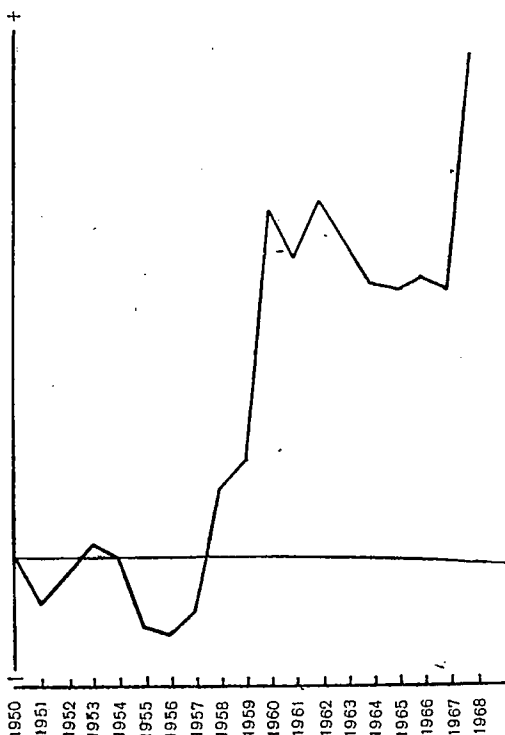

Рис. 3

1959 года мог объясняться общим изменением регулирования поставок, то постановление № 988 не дает возможности для такого толкования. Оно посвящено только или, точнее, почти только вопросам ответственности.

Но проверим наше предположение. Если оно справедливо, рост споров в 1960 и 1968 годах должен был произойти за счет роста имущественных, а не преддоговорных споров. Во всех имущественных спорах речь идет именно об ответственности. Что же скажут нам соответствующие графики, построенные по тем же масштабам, что и график, изображенный на рис. 3?

Перед нами график (см. рис. 4) рассмотрения в органах Госарбитража СССР преддоговорных споров за те же годы (1950—1968 гг.). Его конфигурация в значительной степени отличается от графика на рис. 3. Во-первых, мы не видим снижения споров ниже уровня

1950 года. Во-вторых, очертания его более мягкие, без таких резких перепадов, какие дал график на рис. 3.

Однако и в 1960 году, и в 1968 году имело место некоторое увеличение преддоговорных споров. Правда, в 1968 году уровень их был ниже уровня 1960 года, а общее число споров было значительно выше. Чем это объ-

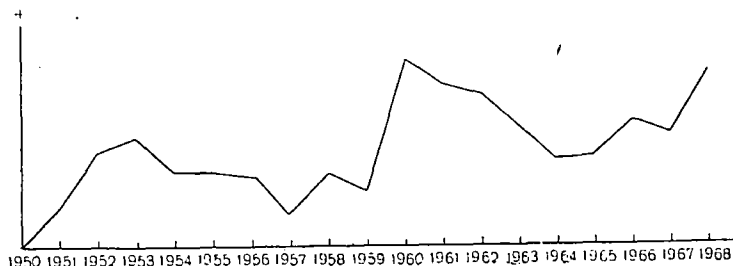

Рис. 4

ясняется? Тем, что в 1959 году были приняты новые Положения о поставках, которые регулировали не только ответственность хозорганов по договору поставки, но и другие вопросы поставок. Это обстоятельство не могло не сказаться на росте преддоговорных споров.

22 августа 1963 г. Совет Министров СССР принял постановление «О дальнейшем улучшении порядка заключения договоров на поставку товаров народного потребления торговым предприятиям и организациям»¹, которым было предусмотрено, что договоры на поставку товаров между участниками ярмарок оптовой продажи по образцам должны оформляться на ярмарках, а разногласия, возникающие между поставщиками и покупателями при заключении на ярмарках договоров на поставку товаров (как распределяемых, так и не распределяемых в плановом порядке), разрешаются ярмарочными комитетами. В соответствии с указанным постановлением Госарбитраж при Совете Министров СССР разъяснил, что арбитражи не должны принимать к рассмотрению споры по разногласиям, возникающим при заключении договоров на ярмарках². Приведенное ре-

¹ СП СССР 1963 г. № 17, ст. 176.

² См. «Систематизированный сборник», стр. 93.

шение правительства и разъяснение госарбитража вызвали уменьшение числа преддоговорных споров, рассматриваемых органами арбитража.

1968 год хотя и дал некоторый рост числа преддоговорных споров по сравнению с 1966—1967 гг., однако прирост был совсем незначительным и, как мы отмечали, общее число преддоговорных споров в 1968 году оказалось ниже, чем в 1960 году. В 1968 году мы имели дело, если так можно выразиться, с «рефлекторным скачком», с реакцией на изменение законодательства в иной плоскости — законодательства об ответственности.

Но продолжим рассмотрение вопроса. Обратимся к графику роста имущественных споров в госарбитражах СССР (см. рис. 5), построенному в тех же масштабах.

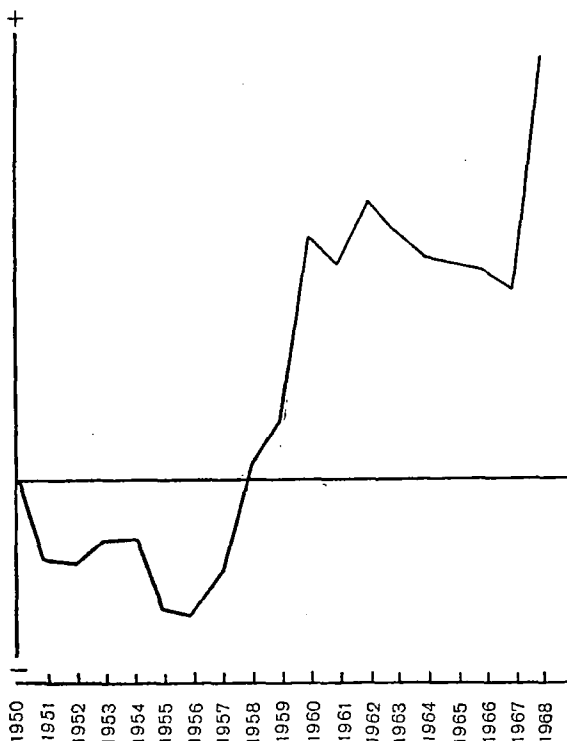

Рис. 5

На нем отчетливо видны возмущения 1957—1958 гг., 1960 и 1968 годов. По времени они также совпадают с образованием совнархозов и передачей значительного числа имущественных споров из ведомственных в государственные арбитражи (1957—1958 гг.), с введением Положений о поставках 1959 года, споры с применением которых начали передавать в госарбитраж в 1959—1960 гг., и, наконец, с изданием постановления Совета Министров СССР от 27 октября 1967 г. № 988, споры по применению которого начали поступать в госарбитраж в 1968 году.

Сравнение величины возмущений 1959—1960 гг. и 1968 года показывает, что они были почти одинаковыми.

На более детальном анализе приведенных графиков мы остановимся позднее. Сейчас они были приведены лишь в качестве иллюстрации возможного использования графиков как средства сравнения эффективности законодательства.

Естественно, что наряду с линейными графиками могут быть использованы все виды графических изображений, принятых в статистике (отрезки числовой прямой, столбиковая и круговая диаграммы, гисто-картограмма, специальные графические построения).

Отрезки числовой прямой и столбиковые диаграммы могут быть использованы при сравнении средних сумм исков, общих сумм заявленных исков, сумм удовлетворенных исков, а также в других случаях сравнения нескольких абсолютных величин одного и того же наименования.

Круговая диаграмма может быть использована для сравнения удельного веса в имущественных спорах, рассмотренных госарбитражем, споров разных категорий. Однако при сравнении этих же данных за ряд лет необходимы специальные графические построения.

Картограмма может быть применена при анализе эффективности законодательства по областям (краям), АССР, союзным республикам, при изучении структурного состава рассматриваемых местными госарбитражами споров (по категориям) и тогда, когда надо представить графически одноименные показатели, относящиеся к разным территориям.

§ 2. Способы измерения

Относительная
и абсолютная
эффективность

Определение эффективности законодательства возможно не только сравнением, но и измерением, т. е. путем нахождения отношения между эффективностью, принятой за единицу измерения, и эффективностью измеряемой. В этом случае мы можем говорить об измерении **относительной эффективности**.

Учитывая, что эффективность правовой нормы — это отношение ее цели и достигнутых нормой результатов, определив цель, обозначив ее количественную сторону, а также определив и обозначив соответствующим образом результат, мы можем, исчислив указанное выше отношение, говорить об **абсолютной эффективности нормы**.

Сказанное полностью относится и к измерению эффективности законодательства об ответственности хозяйственных органов за нарушения обязательств.

В настоящее время мы можем назвать два способа измерения эффективности норм об ответственности хозяйственных органов: 1) определение коэффициента эффективности (относительного и абсолютного); 2) экспертная оценка в баллах.

Вероятно, что по мере расширения исследований в области эффективности законодательства будут найдены и другие способы, особенно, если к работе будут привлечены статистики и математики.

Коэффициент
эффективности

Что следует понимать под коэффициентом эффективности правовой нормы? И. С. Самощенко и В. И. Никитинский полагают, что он может быть определен по-разному. Когда цель нормы заключается в пресечении определенного явления (т. е. и при определении коэффициента эффективности нормы об ответственности), по их мнению, коэффициент может быть выражен формулой $K_3 = \frac{N_1}{N}$, где K_3 — коэффициент эффективности нормы, N_1 — число нарушений данного вида после введения новой нормы, а N — их число до введения этой нормы. Считая, что $0 \leq K_3 \leq 1$, они приходят к выводу: чем меньше K_3 , тем эффективней оказалась новая норма¹.

¹ См. И. С. Самощенко, В. И. Никитинский, О результатах действия норм права, «Ученые записки ВНИИСЗ», вып. 20, стр. 14.

Изложенная точка зрения вызывает возражения.

В предложенной формуле K_3 отсутствует цель, точнее, символ ее количественного аспекта; хотя И. С. Самощенко и В. И. Никитинский понимают эффективность как отношение цели к результату. Приняв H за результат действия старой нормы, мы должны были бы принять H_1 за цель, однако H_1 не может быть признано целью, ибо это результат введения новой нормы.

И. С. Самощенко и В. И. Никитинский предлагают и иные способы определения K_3 , включая $K_3 = H_1 - H$ и $K_3 = \frac{H_1 - H}{C_d}$, где символом C_d обозначены дополнительные денежные средства, затраченные на введение в действие правовой нормы¹.

Однако И. С. Самощенко и В. И. Никитинский, вводя формулу $K_3 = \frac{H_1 - H}{C_d}$, впадают в противоречие со своим утверждением, что эффективность в смысле «дешевизны» управления лежит в иной плоскости, чем эффективность актов управления, нормативных и иных юридических актов². Значит, исходя из приведенного утверждения, K_3 , определенный с учетом затраты денежных средств, будет уже не коэффициентом эффективности правовой нормы, а чем-то иным.

Мы полагаем, что коэффициент эффективности соответственно самой эффективности может быть коэффициентом относительной либо абсолютной эффективности. Обозначим эти коэффициенты через K_3^o и K_3^a . Целью правовых норм об ответственности является недопущение правонарушений. Следовательно, мы можем исходить из того, что количественным выражением цели может быть признано некое минимальное число нарушений. При определении K_3^o место цели займет базисное число правонарушений, положенное в основу отсчета. При определении K_3^a мы можем исходить из того, что цель равна единице.

¹ См. И. С. Самощенко, В. И. Никитинский, О результатах действия норм права, «Ученые записки ВНИИСЗ», вып. 20, стр. 14—15.

² См. И. С. Самощенко и В. И. Никитинский, О понятии эффективности правовых норм, стр. 13.

Результат действия нормы об ответственности также может быть выражен числом правонарушений, совершенных в период действия нормы, эффективность которой определяется.

Коэффициент эффективности нормы об ответственности будет равен отношению цели к результату, постоянной величины к переменной. Таким образом, $K_3^o = \frac{Ц}{Р}$, где Ц — цель и Р — результат. Для определения K_3^o обозначим базисное число, положенное в основу отсчета, Б. Тогда $K_3^o = \frac{Б}{Р}$. K_3^a можно определить через отношение $\frac{1}{Р}$ и, следовательно, $K_3^a = \frac{1}{Р}$. Для определения соответствующих коэффициентов необходимо заменить символы числом правонарушений.

Следует отметить, что K_3^o может быть как больше, так и меньше единицы. Чем больше K_3^o , тем больше эффективность правовой нормы об ответственности.

K_3^a может быть только меньше единицы. Чем больше значение K_3^a , тем эффективнее нормы об ответственности.

При помощи K_3^o мы можем произвести измерение эффективности правовой нормы по отношению к эффективности той же нормы в другое время или по отношению к эффективности другой однородной нормы. Применяя K_3^a , мы можем произвести измерения эффективности нормы об ответственности безотносительно к другой величине эффективности (непосредственно).

Несколько примеров определения и использования коэффициентов эффективности.

По СССР K_3^o норм об ответственности хозорганов в 1951—1960 гг. при базисном числе правонарушений 1950 года составил:

в 1951 г.	≈ 1,08,
в 1952 г.	≈ 1,08,
в 1953 г.	≈ 1,05,
в 1954 г.	≈ 1,05,
в 1955 г.	≈ 1,1,
в 1956 г.	≈ 1,1,
в 1957 г.	≈ 1,08,
в 1958 г.	≈ 0,98,

в 1959 г. $\approx 0,82$,

в 1960 г. $\approx 0,7^1$

Таким образом, K_3^0 1960 года оказался ниже, чем K_3^0 1951 года, на 0,38.

Сравнивая приведенные данные с графиком роста имущественных споров по СССР (см. рис. 5), мы убедимся в том, что приведенные значения K_3^0 не только дают представление, *насколько* изменилась эффективность законодательства, динамика которой отражена графиком, но и дает возможность соизмерения эффективности в течение любых отрезков времени.

Что касается K_3^a , то его практическое использование при определении эффективности законодательства об ответственности носит иной характер. Он дает представление о степени приближения результата к цели как отношения единицы к числу правонарушений (K_3^0 этого представления не дает). Поэтому при необходимости сопоставления эффективности одной и той же нормы (группы норм) в разных условиях мы можем использовать показатель K_3^a , тогда как K_3^0 для этих целей непригоден.

Так, путем определения K_3^a по некоторым областям мы, исходя из статотчетов госарбитражей, установили, что в 1953 году он составил:

по Амурской области —	$\frac{1}{1376}$,
по Астраханской области —	$\frac{1}{1873}$,
по Калужской области —	$\frac{1}{1115}$,
по Кемеровской области —	$\frac{1}{4896}$,
по Камчатской области —	$\frac{1}{557}$.

В работе не анализируются причины, определяющие разные K_3^a в отдельных областях. Констатируется лишь

¹ Здесь и в дальнейшем приводятся данные, полученные автором на основе анализа статистических отчетов госарбитражей.

факт: эффективность законодательства в разных областях различна¹.

K_3^a показывает также степень приближения к абсолютной цели, т. е. именно то, что нельзя узнать из K_3^o . Например, K_3^a по Камчатской области свидетельствует о значительно большем приближении результата к цели, чем в Кемеровской области. Мы опять не объясняем «почему».

**Экспертная
оценка**

Вторым способом измерения эффективности законодательства, в том числе и законодательства об ответственности, может быть названа экспертная

оценка.

Как нам представляется, на современном этапе развития исследований эффективности правовых норм, уделяется недостаточное внимание возможностям использования так называемых эвристических методов — методов нахождения истины, еще мало изученных, но уже общепризнанных, основанных на тончайших процессах мышления.

В литературе имеются многочисленные высказывания о том, что эвристические и строго научные, опирающиеся на формальные правила методы не представляют собой противоположности. Они дополняют друг друга. Так, Н. Н. Моисеев подчеркивает, что было бы неправильным противопоставлять эвристические и строгие математические методы анализа. В реальных условиях принятие решений должно базироваться на сочетании обоих способов мышления².

Следует также отметить, что эвристические методы — средство для решения задач, которые в начальной фазе не поддаются строгому научному анализу³. В начальной фазе находятся в настоящее время и исследования эффективности правовых норм.

Нам представляется, что при определении эффективности правовых норм может быть использован метод

¹ Как известно, в соответствии с п. 14 Правил рассмотрения хозяйственных споров государственными арбитражами споры между хозорганами рассматриваются по месту нахождения ответчиков (должников) (см. «Систематизированный сборник», стр. 26—27).

² См. Н. Н. Моисеев, Математика — управление — экономика, изд-во «Знание», 1970, стр. 43.

³ См. Ф. де П. Ханика, Новые идеи в области управления, изд-во «Прогресс», 1969, стр. 82.

экспертной оценки — один из эвристических методов познания действительности и прогнозирования. Этот метод основан на усреднении оценок весомостей, даваемых группой экспертов.

Средняя экспертная оценка, хотя и не гарантирует точность, абсолютную правильность суждения экспертной группы, однако может быть признана достаточно верной.

Разделяемое нами представление об эффективности правовой нормы как о соотношении цели правовой нормы и достигаемого ею результата, дает возможность количественно определить это соотношение, степень приближения результата к цели. Такое количественное определение может быть дано в баллах, в частности, группой экспертов. Выбор балльной системы зависит от задачи исследования, от степени точности измерения, которой хочет добиться исследователь.

Экспертная оценка в баллах, как количественная оценка качества, не является чем-то новым. Она широко применяется в различных областях человеческой деятельности. Применение экспертной оценки в области правового регулирования социальных отношений стало возможным благодаря тому, что постепенно выкристаллизовывается понятие эффективности законодательства, которое независимо от той или иной интерпретации означает «качество» нормы. Попытки же измерения или сравнения эффективности правовых норм — это попытки количественной оценки их качества.

Определив цель (цели) правовой нормы, разъяснив экспертам, что под эффективностью правовой нормы понимается степень достижения ею цели, систему оценок в баллах и добившись уяснения ее экспертами, исследователь может рассчитывать на получение весьма достоверной экспертной оценки эффективности правовой нормы. Эксперты могут быть привлечены не только к определению эффективности нормы, но и к выявлению значимостей стоящих перед нормой целей, а также к решениям других вопросов, связанных со сравнениями и измерениями в праве.

В связи с изучением эффективности действующих норм об ответственности предприятий и организаций за нарушение обязательств нами был проведен опыт экспертной оценки эффективности некоторых норм. В

качестве экспертов были выбраны семь работников государственного арбитража, постоянно связанных с применением норм хозяйственного законодательства.

Розданная экспертам анкета указывала на то, что под эффективностью законодательства об ответственности понимается отношение между стоящей перед ним целью и достигаемым законодательством результатом (цель — недопущение правонарушений; результат — фактически допущенные правонарушения).

Экспертам было предложено исходить из 12-балльной системы оценок, при которой «очень хорошая» оценка могла колебаться в пределах 10—12 баллов, «хорошая» от 7 до 9 баллов, «удовлетворительная» от 4 до 6 баллов и «плохая» от 1 до 3 баллов включительно.

Неуверенность, недостаточное знание вопроса отмечались в графах «Затрудняюсь ответить» и «Оценка».

Экспертам было предложено оценить эффективность как отдельных норм, так и их групп. Вот некоторые результаты проведенного исследования.

Экспертам предлагалось оценить по 12-балльной системе эффективность действующего законодательства об ответственности:

- 1) сторон по договору поставки;
- 2) поставщика по договору поставки;
- 3) покупателя по договору поставки;
- 4) сторон по договору перевозки;
- 5) перевозчика;
- 6) клиентуры;
- 7) сторон по договору подряда на капитальное строительство;
- 8) заказчика;
- 9) подрядчика;
- 10) сторон за нарушение обязательств всех, в том числе и перечисленных выше видов (общая оценка);
- 11) пункта 59 Положения о поставках продукции;
- 12) пункта 61 Положения о поставках продукции и п. 62 (абз. 1—3) Положения о поставках товаров;
- 13) пункта 77 Положения о поставках товаров;
- 14) статьи 151 УЖД СССР;
- 15) подпункта «а» п. 62 Правил о подрядных договорах на капитальное строительство.

Распределение оценок в порядке поставленных задач дало следующую картину.

№ пп.	Индивидуальные оценки ¹	Средние оценки
1	5, 5, —, 6, 5, 5, 7	$\frac{5+5+6+5+5+7}{6}=5,5$
2	5, 6, —, 3, 3, 5, 5	$\frac{5+6+3+3+5+5}{6}=4,5$
3	5, 4, —, 4, 6, 5, 6	$\frac{5+4+4+6+5+6}{6}=5,0$
4	3, 6, 4, 4, —, 3, 9	$\frac{3+6+4+4+3+9}{6}=4,66$
5	2, 2, 3, 1, —, 2, 7	$\frac{2+2+3+1+2+7}{6}=2,83$
6	8, 9, 4, 9, —, 4, 11	$\frac{8+9+4+9+4+11}{6}=7,5$
7	—, —, 6, —, —, —, —	Оценка не дается
8	—, —; 5, —, —, —, —	Оценка не дается
9	—, —, 6, —, —, —, —	Оценка не дается
10	5, 6, 5, 4, 5, 5, 7	$\frac{5+6+5+4+5+5+7}{7}=5,28$
11	5, 6, —, 2, 3, 4, 4	$\frac{5+6+2+3+4+4}{6}=4,0$
12	8, 8, —, 6, 7, 5, 7	$\frac{8+8+6+7+5+7}{6}=6,83$
13	8, 4, —, 9, 9, 4, 10	$\frac{8+4+9+9+4+10}{6}=7,33$
14	5, —, 4, 1, —, 2, 7	$\frac{5+4+1+2+7}{5}=3,8$
15	—, —, 5, —, —, —, —	Оценка не дается

¹ Знаком «тире» отмечались случаи, когда эксперт затруднялся дать оценку.

Приведенные результаты весьма интересны.

Наблюдается, как правило, незначительный разброс экспертных оценок, амплитуда которого резко увеличилась обычно в связи с оценкой одного и редко двух экспертов. Наибольшее отклонение оценки от средней свидетельствует о недостаточной квалификации эксперта, что могло иметь место и в процессе проведения описанного опыта. Незначительный разброс экспертных оценок, на наш взгляд, говорит о принципиальной возможности измерения эффективности правовых норм экспертизой. Следует отметить весьма важный результат проведенного эксперимента: ни одна средняя оценка эффективности не достигла 8 баллов, т. е. оценки «хорошо» на высшем уровне. Было несколько оценок «хорошо» на низшем и среднем уровне, оценки «удовлетворительно» на низшем уровне и даже оценка «плохо».

Таким образом, система имущественной ответственности предприятий и организаций, по-видимому, страдает некоторыми недостатками, касающимися всей системы.

Вместе с тем можно полагать, что есть правила, которые надлежит пересмотреть в первую очередь. К ним экспертами по существу отнесена регламентация ответственности перевозчика (оценка 2,83 балла).

Конечно, приведенный опыт только опыт, не более. Методика экспертной оценки эффективности норм, в том числе и норм об ответственности предприятий и организаций за нарушения обязательств, не разработана; не разработана и методика формирования экспертных групп. Было бы целесообразно, чтобы соответствующей проблематикой занялся научный коллектив, обладающий необходимой материальной базой, имеющий в своем составе не только юристов, но и психологов и математиков.

Оценка
эффективности

«Партия придает большое значение совершенствованию советского законодательства», — подчеркивал Л. И. Брежнев в докладе на XXIV съезде КПСС!

Объективная необходимость использования активной творческой роли социалистического права заставляет искать новые пути раскрытия возможностей, заложенных

¹ См. «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 77.

в правовом регулировании общественных отношений. Как правильно отмечается в юридической литературе, по существу все мероприятия в области хозяйственного и культурного строительства в нашей стране так или иначе получали юридическое оформление, в той или иной степени опирались на использование права как инструмента воздействия на общественные отношения¹. Отсюда и важность получения наукой права нового инструментария, в том числе предлагаемых последнее время методов, способов сравнения и измерения эффективности правовых норм. Однако сравнение и измерение сами по себе еще не обеспечивают возможности оценки явления. Определить, насколько одна величина больше другой, мало. Хорош или плох достигнутый результат? Лучше или хуже он, чем достигнутый ранее?

Понятно, что оценка не может быть дана без наличия некоего эталона, некоей точки отсчета, необходимой для соизмерения с ним (с ней) достигнутого результата. Таким эталоном может быть либо цель правовой нормы, если она поддается количественному определению, либо «контрцель», нулевой уровень, позволяющий определить степень отдаленности от него результата по направлению к цели.

Представим себе, что один стрелок при стрельбе по мишени выбил 85 очков, а другой — 90. Измерив оба результата, мы не можем сказать, хорошо или плохо стреляли стрелки без знания величины эталона — максимально возможного числа очков, которые могли бы выбить стрелки. При эталоне в 100 очков оценка замеренных результатов составила бы соответственно 85 и 90%, или 0,85 и 0,9 при принятии эталона за единицу.

В случае, когда эталон (применительно к правовой норме — ее цель) по тем или иным причинам не может быть нами количественно определен, мы не сможем сказать, хорош или плох результат, но можем определить, какой из двух результатов лучше. Для этого в приведенном нами примере со стрелками мы берем за основу отсчета 0 и устанавливаем, что один стрелок по результатам отдалился от 0 до 85 очков, а второй — до

¹ См. С. С. Алексеев, Механизм правового регулирования в социалистическом государстве, «Юридическая литература», 1966, стр. 49—50.

90 очков. Следовательно, второй стрелок на 5 очков ближе приблизился к цели, каковой бы количественно она ни была.

Также мы можем поступить и при определении эффективности нормы права.

Если мы сможем получить количественный показатель цели правовой нормы — эталона, можно будет определить степень приближения к цели, судить о том, хорош или плох результат, достаточна или нет эффективность нормы.

Если же мы не сможем определить цель количественно, придется довольствоваться отсчетом от «контрцели», оперировать вместо понятий «хорошо» и «плохо» понятиями «лучше» и «хуже», однако и во втором случае удаление результата от «контрцели» в направлении цели можно и измерять, и оценивать.

Как мы уже отмечали выше, цель норм об ответственности нами принимается за единицу и, следовательно, может быть рассмотрена как эталон. Что касается отсчета от «контрцели», то он может иметь место при замере эффективности норм, имеющих неопределяемые количественно цели. Например, цель норм о создании фондов поощрения — это максимальное повышение производительности труда и обеспечение повышения благосостояния трудящихся. Определить количественно указанную цель нельзя. Отсчет же от «контрцели» дает возможность определить повышение или понижение эффективности соответствующих норм.

§ 3. Точность измерений и выводов

Измерение эффективности — это выявление числового показателя количественной стороны результативности правовой нормы. Исходя из результатов измерений эффективности, можно выявить причинные взаимосвязи между содержанием нормы и ее результативностью, проследить закономерности, складывающиеся в процессе регулирования общественных отношений нормами права. Конечно, выявление закономерностей не самоцель. Познанные закономерности являются орудием преобразования общественных отношений в нужном направлении, т. е. выявление закономерностей необходимо для осу-

ществления практической деятельности по совершенствованию управления обществом.

Вполне понятно, что прежде чем перейти к использованию вскрытых закономерностей на практике, требуется знать, какова точность проведенных исследований и, следовательно, какова степень соответствия познания объективной действительности.

Точность данных — понятие относительное, поскольку всякое измерение до какой-то степени приблизительно. Особенно следует опасаться обманчивого впечатления точности, которое производят цифры самим своим видом¹.

Мы не собираемся утверждать, что проведенные нами измерения абсолютно точны и неопровержимы. Наша задача значительно скромнее. Анализируя прошлое, мы исходим из предположения, что будущее является в известном смысле его продолжением. Поэтому на основе анализа прошлого можно сделать некоторые выводы, некоторые предсказания для будущего. Определив тенденцию, мы можем предположить, что при прочих равных условиях она сохранится и в будущем. Выявленную тенденцию мы рассматриваем как основание рабочей гипотезы для принятия решения на будущее.

Необходимо учитывать, что «существуют факторы, действие которых остается для нас непонятным. За их счет при анализе тенденций всегда выделяется так называемый «остаточный элемент», который не удалось объяснить»².

В связи со сказанным следует остановиться на проблеме, связанной с «точным» определением эффективности правовых норм, — на «вычленении».

**Проблема
«вычленения»**

Как известно, результат всякой целенаправленной деятельности зависит от правильности постановки цели, от избранных для достижения цели средств и их сочетания, от условий, препятствующих или способствующих достижению цели, т. е. от ряда объективных и субъективных моментов. В связи с необходимостью выявления результативности самой правовой нормы возникла проб-

¹ См. М. Б. Броуди, О статистическом рассуждении, изд-во «Статистика», 1968, стр. 25.

² Там же, стр. 50.

лема «вычленения» результатов ее воздействия из совокупности положительных и отрицательных воздействий на общественные отношения всех факторов.

Слово «вычленение» в настоящее время бытует не только в правовой, но и в философской литературе¹.

При решении теоретических вопросов, связанных с эффективностью норм права, под вычленением понимается выделение эффективности, полученной в результате только правовой нормы (правовых норм), очищенный результат правового воздействия².

Обоснована ли постановка вопроса о необходимости вычленения? Думается, что ответ не может быть однозначным.

Нам представляется, что утверждение о необходимости вычленения при определении эффективности правовых норм является результатом смешения двух последовательных этапов исследования. Первый этап — установление эффективности правовых норм в тех или иных исторических условиях, определяемых совокупностью различных факторов. Второй — при установленной степени эффективности, после ее выявления, — раскрытие причин недостаточности эффективности. На первом этапе вычленение, по-видимому, ненужно. На втором — необходимо.

При проведении исследования с применением вычленения нужно учитывать следующее.

Во-первых, очевидно, что «вычленение» элемента может быть произведено только из сложности. Сложность характеризуется, прежде всего, как сложность из эле-

¹ Так, например, А. Д. Урсул употребляет слово «вычленение», когда речь идет о выделении (в процессе абстрагирования) существенных признаков понятия из других, несущественных признаков (А. Д. Урсул, Природа информации, «Политическая литература», 1968, стр. 264).

² Так, И. С. Самощенко и В. И. Никитинский отмечают, что для определения эффективности законодательства необходимо установить, в какой степени полученный результат причинно связан именно с действием правовых предписаний, а не с действием иных положительных или отрицательных факторов. Иными словами, говорят они, мы сталкиваемся с чрезвычайно актуальной проблемой вычленения роли нормы права как одного из факторов, влияющих на получение определенного результата (И. С. Самощенко, В. И. Никитинский, О результатах действия норм права, стр. 7—8).

ментов. Она имеет две модификации — аддитивную и неаддитивную сложности¹.

Аддитивная сложность носит количественный характер. Представление о ней связано с абстрагированием от качества составляющих совокупность элементов, они мыслятся как однородные. Неаддитивная сложность учитывает качественное отличие входящих в нее элементов. Раскрытие двух видов сложности соответствует двум разным уровням познания.

«Вычленение» элемента из аддитивной сложности для познания его целесообразно и возможно. Та же операция с элементом неаддитивной сложности представляется либо невозможной, либо лишенной реальной гносеологической ценности, особенно когда речь идет о столь сложном явлении, как общественные отношения.

Учет качественного отличия входящих в неаддитивную сложность элементов означает и учет их взаимных отношений (связей, воздействия). Поэтому «вычленение» элемента из неаддитивной сложности (воздействия правовой нормы из совокупного воздействия на общественные отношения всех факторов) и его измерение не дает представления о количественных показателях качества элемента в составе этой сложности (воздействия правовой нормы с учетом остальных факторов). Результаты замера элемента, «вычлененного» из сложности, не равны параметрам того же элемента в составе сложности.

Правовая норма, в том числе и норма об ответственности, вводится в заранее данную среду сложившихся отношений и, следовательно, при определении целей и средств воздействия нормы учитывается (должно учитываться) положительное и отрицательное влияние на развитие общественных отношений других факторов.

Во-вторых, при признании принципиальной возможности вычленения результатов воздействия правовых норм необходимо определить его целесообразность с

¹ Аддитивная сложность, когда свойства совокупности сводятся к сумме свойств элементов. Неаддитивная сложность — целостность, когда свойства совокупности не сводятся к сумме свойств элементов (см. И. Б. Новик, О моделировании сложных систем, «Мысль», 1965, стр. 92 и след.).

точки зрения познавательной и с точки зрения усложнения процесса исследования. Может оказаться, что, провозглашая необходимость вычленения, мы неоправданно усложним проблему, отодвинем ее решение на длительный срок.

Конечно, возможен и другой случай, когда без вычленения мы получим совершенно искаженную картину.

Представляется, что о «вычленении» результата воздействия правовой нормы при определении причин ее недостаточной эффективности можно говорить при исследовании локальных правовых норм, когда иные факторы лежат на поверхности и их влияние на регулируемые общественные отношения легко прослеживается. Примером тому могут служить, в частности, исследования эффективности правового регулирования трудовой дисциплины в приказах директора предприятия.

При анализе действия общих норм положительные и отрицательные факторы, связанные с конкретными условиями их применения, с особенностями конкретной социальной среды, взаимно нейтрализуются. Проявляются лишь факторы, характеризующие общие тенденции, оказывающие влияние независимо от места и условий применения норм. И это закономерно. Норма издается с расчетом на «средние» условия ее применения.

Поэтому в случаях исследования общих норм о вычленении можно говорить, если в течение исследуемого исторического отрезка на определенные общественные отношения, кроме права, воздействовали (в ту или иную сторону) силы общегосударственного значения, не учтенные при издании правовой нормы либо возникшие после ее принятия.

Следует также учитывать, что при анализе результативности правовой нормы особое значение имеют отрицательные факторы, противодействующие намеченному направлению регулирования общественных отношений. Правовая норма обычно направлена на подавление значения этих факторов, на приглушение их воздействия или даже уничтожение, создание факторов со знаком «плюс» или содействие их проявлению. Именно по степени достижения указанной цели и измеряется результативность нормы. Вычленять действие нормы из результатов регулирования, отделять его от противодействия отрицательных факторов в этих случаях нельзя.

Что касается факторов положительных, действующих в одном с нормой направлении, то проблема выделения действия нормы из совокупного результата может возникнуть только при решении вопроса об отмене нормы как излишней (например, если нормы морали полностью заменили норму права).

По нашему мнению, на современном этапе развития науки при анализе результативности правовых норм нужно говорить не о **вычленении**, а об **учете**, исходя из конкретной исторической обстановки, экономических, социальных и иных изменений, накладывающих отпечаток на регулируемые нормой общественные отношения. При этом не обязательно знать механизм взаимного воздействия положительных и отрицательных факторов. Мы можем предполагать, что этот механизм находится в «черном ящике»¹. Изучая норму права на входе в «черный ящик» и преобразованные ею социальные отношения на выходе из него, сделав при необходимости и возможности соответствующие измерения, мы можем установить зависимость между нормой права и степенью урегулированности общественных отношений.

Сказанное, конечно, не означает, что следует отказаться от исследования механизма взаимного воздействия всех факторов, определяющих направление развития регулируемых правом общественных отношений. Соответствующие исследования должны проводиться во всех возможных случаях.

Необходимо подчеркнуть, что возникновение проблемы вычленения объясняется желанием максимального уточнения степени результативности права. Однако нужно учитывать, что даже самые точные математические результаты могут выступать лишь как приближения по отношению к реальной действительности, поскольку они

¹ Очень образно объясняет понятие «черный ящик» Ф. де П. Ханика. «Черный ящик, — говорит он, — называется так потому, что он рассматривается как нечто такое, чего мы, пытаясь разобраться в принципах его работы, не можем при нынешнем уровне знаний разглядеть изнутри. Вместо этого мы изучаем поведение входов и выходов этого ящика. То, что мы узнаем с течением времени, позволяет нам делать предсказания, касающиеся вероятного поведения систем, содержащихся в непроницаемом черном ящике, хотя мы очень мало или ничего не знаем о его внутренней структуре и принципах работы» (Ф. де П. Ханика, Новые идеи в области управления, «Прогресс», 1969, стр. 29).

основаны на предположении о непрерывности обстоятельств, реальность которых допускается для расчетов. Если обстоятельства изменяются, то может изменяться и действительное значение расчетов. При этом важно отметить, что и сама совокупность может изменяться по своему содержанию и, если она очень велика, ее невозможно точно измерить, поскольку она меняется в самом процессе измерения¹. Поэтому рассчитывать на особую точность измерения социальных явлений не придется и значение проблемы вычленения для уточнения измерений не следует переоценивать.

В связи со сказанным при исследовании эффективности законодательства об ответственности мы не прибегаем к «вычленению», а будем выявлять факторы, влияющие на эффективность норм, путем логического анализа конкретных исторических условий их действия и учета изменений, происходящих в социальных отношениях.

Наша задача — выявление тенденций, приближенных данных об изучаемых явлениях, а не точное измерение их. Даже измерения в нашей работе служат лишь выявлению общих направлений.

ГЛАВА III

ЭФФЕКТИВНОСТЬ НОРМ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ХОЗОРГАНОВ ЗА НАРУШЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

§ 1. Общая эффективность норм об ответственности

Предварительные замечания Время, прошедшее с 1950 года (года, начиная с которого имеется довольно обширная информация о рассмотренных органами госарбитража спорах), характеризовалось значительной законодательной активностью Советского государства, особенно в области регулирования хозяйственной деятельности. Действовавшие до 1959 года многочисленные Основные условия поставки были заменены Положениями о поставках продукции производственно-

¹ См. У. Дж. Рейхман, цит. работа, стр. 104.

технического назначения и товаров народного потребления, утвержденными Советом Министров СССР 22 мая 1959 г.¹ Последние, в свою очередь, претерпели значительные изменения, касающиеся вопросов ответственности в связи с изданием постановления Совета Министров СССР от 27 октября 1967 г. № 988², а затем были заменены Положениями о поставках, утвержденными постановлением Совета Министров СССР от 9 апреля 1969 г. № 269³.

За тот же период дважды принимались Уставы железных дорог СССР — первый был утвержден постановлением Совета Министров СССР от 8 декабря 1954 г. № 2414⁴, второй — постановлением Совета Министров СССР от 6 апреля 1964 г. № 270⁵. Постановлением Совета Министров СССР от 15 октября 1955 г. № 1801 был утвержден Устав внутреннего водного транспорта Союза ССР (взамен ранее действовавшего Устава, утвержденного постановлением СНК СССР от 24 октября 1930 г. № 574а)⁶. 17 сентября 1968 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР был утвержден новый Кодекс торгового мореплавания Союза ССР⁷. Воздушный кодекс Союза ССР, утвержденный постановлением ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1935 г. № 14/1713⁸ был заменен Кодексом, принятым 26 декабря 1961 г.

Постановлением Совета Министров РСФСР от 8 января 1969 г. № 12 утвержден Устав автомобильного транспорта РСФСР. Наконец, постановлением Совета Министров СССР от 24 декабря 1969 г. № 973 утверждены новые Правила о договорах подряда на капитальное строительство⁹. Таков перечень только основных специальных актов, регламентирующих отношения по трем основным исследуемым нами хозяйственным договорам.

Очень важное значение имело принятие 8 декабря 1961 г. Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик и издание вслед за ними

¹ СП СССР 1959 г. № 11, ст. 68.

² СП СССР 1967 г. № 26, ст. 186.

³ СП СССР 1969 г. № 11, ст. 64.

⁴ См. «Устав железных дорог СССР», «Трансжелдориздат», 1956.

⁵ СП СССР 1964 г. № 5, ст. 36.

⁶ СЗ СССР 1930 г. № 55, ст. 581.

⁷ См. «Ведомости Верховного Совета СССР» 1968 г. № 39, ст. 351.

⁸ СЗ СССР 1935 г. № 43, ст. 359-а.

⁹ СП СССР 1970 г. № 2, ст. 11.

новых Гражданских кодексов союзных республик, регламентирующих ряд основополагающих положений обязательственного права.

Таким образом, в связи со значительной подвижностью хозяйственного законодательства, в том числе и законодательства об ответственности, казалось бы, объективно была создана возможность для самого тщательного анализа его сравнительной эффективности. Необходимо подчеркнуть, что изменения законодательства происходили в условиях поступательного развития нашей экономики, отсутствия каких-либо объективных факторов, влекущих за собой рост правонарушений.

Однако возможность сравнительного анализа эффективности законодательства об ответственности не была и не может быть реализована в полной мере, что объясняется либо отсутствием необходимой информации, либо ее разобщенностью, значительно затрудняющей или делающей невозможным сбор нужных сведений.

Основные недочеты в обеспечении информации могут быть сведены к следующим:

1. Недостатки форм статистической отчетности, которая не содержит данных, обеспечивающих проведение соответствующих исследований.

2. Отсутствие единого центра по сбору необходимых данных (например центра, аккумулирующего данные о числе, характере заявленных хозорганами претензий и результатах их рассмотрения, о спорах на сумму до 100 руб., о спорах, рассмотренных ведомственными арбитражами).

3. Отсутствие стабильности в отчетных данных, в результате чего отчеты за прошедшие годы содержат группировки по разным признакам и, следовательно, лишают возможности либо очень затрудняют сводку интересующих исследователя показателей по избранным им основаниям.

В связи со сказанным направления анализа, проводимого нами, порой диктовались не столько наибольшей рациональностью избранного пути, сколько возможностью получить информацию. Понятно, что и пределы исследования, и его выводы в какой-то мере определяются теми же причинами.

На каком фоне проходили изменения законодательства, что в экономической и общественной жизни страны

могло серьезно повлиять на рост правонарушений или на рост числа рассмотренных органами госарбитража споров?

Никаких серьезных сдвигов в экономике, необходимо влекущих за собой рост правонарушений, в течение исследуемого периода не произошло. Социалистическое народное хозяйство наращивало темпы и развивалось с успешным выполнением и перевыполнением плановых заданий. Вместе с тем нельзя не отметить, что на изменении числа споров, а следовательно, и на числе правонарушений в определенной мере могло сказаться проведение экономической реформы — усиление экономических методов хозяйствования, развязывание инициативы предприятий, большая их заинтересованность в результатах хозяйственной деятельности.

Таким образом, при анализе статистических данных мы можем ожидать количественных изменений в 1966 и последующих годах, сдвигов, обусловленных экономической реформой.

При обращении к графику на рис. 5 мы устанавливаем, что рост споров действительно наблюдался с 1968 года. Связан ли он с реформой? Нет. Рост споров, обусловленных экономической реформой, должен был иметь место в 1966—1967 гг. Однако в 1966 и 1967 годах число имущественных споров по сравнению с 1965 годом уменьшилось примерно на 2500 в год. Резкий скачок вверх дал лишь 1968 год, совпадающий со сроком поступления на рассмотрение арбитража споров, связанных с применением нового законодательства об ответственности — постановления Совета Министров СССР № 988.

Что касается второго вопроса — причин роста споров, переданных на разрешение органов государственного арбитража, то следует иметь в виду наличие в нашей стране наряду с государственными арбитражей ведомственных. В связи с изменениями в системе органов управления народным хозяйством происходит отток споров из государственного в ведомственный арбитраж или наоборот. Поэтому в целях учета возможного влияния на число споров, рассмотренных органами госарбитража, изменения их подведомственности нам нужно установить годы кардинальной перестройки системы управления народным хозяйством в стране. Вот эти годы:

1953 год — принятие 15 марта 1953 г. Верховным Советом СССР Закона о преобразовании министерств СССР¹, в соответствии с которым число министерств было значительно сокращено за счет их укрупнения. Соответственно какая-то часть споров между предприятиями ранее существовавших министерств, подведомственных госарбитражу, перешла в ведомственный арбитраж.

1957 год — в соответствии с законом «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством», принятым Верховным Советом СССР 10 мая 1957 г.², был осуществлен переход к управлению промышленностью на основе сложившихся экономических районов (к совнархозам). Этот переход повлек за собой приток дел в органы госарбитража (за счет споров, рассматривавшихся ранее арбитражами министерств и центральных ведомств).

1965 год — переход от совнархозов к отраслевым министерствам в соответствии с Законом об изменении системы органов управления промышленностью и преобразовании некоторых других органов государственного управления, принятым Верховным Советом СССР 2 октября 1965 г.³. Этот переход вызвал определенный отток споров из органов арбитража в ведомственный арбитраж.

В связи с тем что система органов управления менялась довольно длительное время (разработка и утверждение перечней предприятий и организаций, подлежащих передаче от одних органов управления другим, проведение необходимых организационных мероприятий), число споров в органах госарбитража должно было изменяться не немедленно, а лишь на следующий год. Соответственно уменьшение числа дел могло наблюдаться в 1954 и 1965 годах, а увеличение — в 1958 году.

Действительно, оказывается, что если число дел, рассмотренных госарбитражами в 1953 году, составило по отношению к 1950 году 106,1%, то в 1954 году — лишь 103,9%. Число дел в 1957 году по отношению к 1950 году составило 94,8%, а в 1958 году — 110,7%. 1964 год по

¹ Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР, Госюриздат, 1956, стр. 78.

² См. «Ведомости Верховного Совета СССР» 1957 г. № 11, ст. 275.

³ См. «Ведомости Верховного Совета СССР» 1965 г. № 39, ст. 558.

сравнению с 1950 годом дал 132,9%, а 1965 год — только 128,9%.

Таким образом, приведенные цифры подтверждают высказанное нами предположение.

В связи с тем, что наибольшим количеством информации мы располагаем по спорам, вытекающим из договора поставки, в последующем анализе будут преваляировать данные, связанные с нарушениями именно этого договора.

**Общая
эффективность и
ее составляющие**

Эффективность правовых норм может быть подразделена на общую, частную и конкретную; две последние являются составляющими общей эффективности. Под общей эффективностью мы понимаем уровень результативности правовых норм по стране, по СССР в целом. Под частной — результативность тех же норм, но при их действии в ограниченных пределах (например на территории союзной республики, автономной республики и т. д.). Под конкретной эффективностью мы имеем в виду эффективность применения правовых норм к конкретному лицу или лицам (применительно к ответственности — уровень частной превенции, число рецидивов, совершенных должником). Конкретная эффективность не поддается сравнению и измерению указанными выше способами. Однако и она является показателем достижения цели нормы¹.

Показатель общей эффективности является результатом усреднения показателей эффективности норм, действующих в ограниченных пределах. Общая эффективность может быть разложена на составляющие, каждая из которых является частной эффективностью, которая может иметь разные уровни частности (результативность действия нормы на территории республики, области, района, населенного пункта) и разные ракурсы. Так, частная эффективность норм об ответственности хозорганов может быть определена по территориальному или отраслевому признаку, в зависимости от мощности предприятий (эффективность в отношении крупных и мелких предприятий) и т. д.

¹ Конкретную эффективность мы оставляем за пределами анализа, проводимого нами. Ее изучение требует применения конкретно-социологических методов исследования и специально разработанной методики.

Общая эффективность норм об ответственности хозорганов по СССР складывается не только из эффективности тех же норм, действующих на различных территориях страны или в разных отраслях народного хозяйства, но и из эффективности норм, регламентирующих ответственность за отдельные виды правонарушений.

Эффективность норм об ответственности за отдельные виды нарушений является частной по отношению к эффективности всех норм об ответственности и общей по отношению к отдельным нормам. Например, эффективность норм об ответственности за качество продукции является частной по отношению к эффективности всех норм об ответственности хозорганов и общей по отношению к эффективности ответственности за поставку недоброкачественной продукции, за поставку продукции с устранимыми недостатками, за поставку продукции с конструктивными недостатками, продукции пониженной сортности.

Эффективность правовых норм по СССР не равна эффективности тех же норм при применении в более узких масштабах, той или иной частной эффективности. Это объясняется тем, что норма, действующая в конкретных социальных условиях, может встречать иное противодействие, нежели норма в других также конкретных условиях. При определении эффективности правовых норм в целом по стране их результативность нивелируется и представляет собой некую «среднюю» эффективность.

Если мы сравним графики числа рассмотренных различными местными госарбитражами споров (см. рис. 6), то убедимся, что при ярко выраженных общих тенденциях они имеют индивидуальную, неповторимую конфигурацию, не совпадающую и с графиками числа споров, рассмотренных в целом по СССР (см. рис. 5).

Учитывая, что разрешение споров производится, как правило, госарбитражами по месту нахождения ответчиков¹, возможно провести сравнительный анализ конкретных социальных условий, влияющих на степень эффективности правовых норм.

¹ См. подпункт «в» п. 14 Правил рассмотрения хозяйственных споров государственными арбитражами («Систематизированный сборник», стр. 27).

Графики числа споров, рассмотренных в Госарбитраже при:
 1. Куйбышевском облисполкоме, 2. Алтайском крайисполкоме, 3. Владимирском облисполкоме, 4. Кемеровском облисполкоме, 5. Омском облисполкоме, 6. Саратовском облисполкоме, 7. Ярославском облисполкоме, 8. Совете Министров Татарской АССР в 1953—1960 гг.

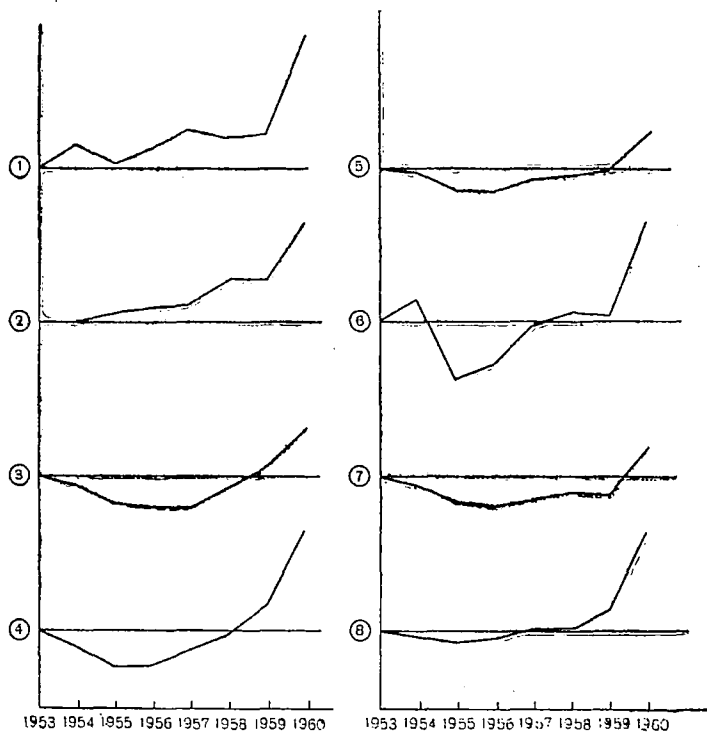

Рис. 6

Такой анализ выходит за рамки проводимого нами исследования. Однако его результаты были бы весьма интересны, тем более, что коэффициент относительной эффективности законодательства об ответственности хозяйственных органов колеблется по областям и автономным республикам весьма значительно (см. табл. 1 на стр. 62).

Таким образом, K_3^o по СССР с 1953 по 1958 год был либо равен 1, либо превышал ее. Однако в ряде областей и автономных республик он был ниже 1.

В 1959 году K_3^o по СССР = 0,89, а по приведенным в таблице областям и АССР — либо более 1 (по Астраханской и Горьковской областям), либо менее 1. Вместе с тем K_3^o по Астраханской, Горьковской, Новосибирской областям, Башкирской и Татарской АССР $> K_3^o$ по СССР. K_3^o по Кемеровской, Тульской областям $< K_3^o$ по СССР.

В 1960 году K_3^o по СССР падает до 0,73. Во всех рассматриваемых областях и АССР $K_3^o < 1$. Вместе с тем в Астраханской, Горьковской областях K_3^o равен или больше K_3^o по СССР.

K_3^o по Кемеровской, Новосибирской, Тульской областям и по Татарской АССР $< K_3^o$ по СССР. Особенно низко падает K_3^o по Татарской АССР и по Кемеровской области.

Из сказанного можно сделать также вывод о том, что, если частная эффективность правовой нормы, действующей в конкретных условиях ниже общей эффективности той же нормы в пределах страны, необходимо изучить эти конкретные условия для ликвидации причин, снижающих эффективность законодательства.

Общая
эффективность
норм об
ответственности

Анализ общей эффективности законодательства об ответственности хозяйственных органов предполагает выявление тенденций, определившихся в течение последних лет в количественных характеристиках имущественных споров.

Если мы обратимся к графику роста имущественных споров в госарбитражах (рис. 5 на стр. 35), то увидим, что с 1958 года число имущественных споров постоянно возрастало и никогда не опускалось до уровня 1950 года, положенного в начало отсчета. Причем тенденция роста числа споров, и весьма интенсивного, проявляется четко.

Чем объясняется эта тенденция?

Годы	Коэффициент относительной эффективности по:							
	СССР	Астраханской обл.	Горьковской обл.	Кемеровской обл.	Новосибирской обл.	Тульской обл.	Башкирской АССР	Татарской АССР
1953	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00
1954	1,00	0,93	1,15	1,10	1,20	0,96	0,98	1,04
1955	1,07	0,93	1,23	1,19	1,80	0,72	1,11	1,07
1956	1,07	1,15	1,26	1,20	1,10	1,04	1,11	1,05
1957	1,02	0,89	1,09	1,11	0,97	0,72	0,90	1,02
1958	1,00	1,15	1,14	1,5	0,90	0,63	0,92	1,02
1959	0,89	1,09	1,23	0,88	0,94	0,53	0,95	0,90
1960	0,73	0,73	0,98	0,48	0,65	0,53	0,79	0,39

С нашей точки зрения, имеет серьезное значение систематический, бурный рост производства в стране. Он означает не только увеличение объема и стоимости изготавливаемой продукции, но и значительное расширение договорных связей, не только введение в строй новых предприятий, но и все большее число участников товарно-денежных отношений, субъектов, вступающих в договорные отношения.

При прочих равных условиях, при стабильности правового регулирования рост производства должен дать увеличение правонарушений, а темпы роста соответствующих показателей дадут корреляционную связь. Сказанное очевидно. Поэтому было бы целесообразно определение эффективности законодательства об ответственности по отношению к 100 (1000) условных предприятий, к 100 (1000) условных договоров. Однако, к сожалению, мы не располагаем необходимыми данными.

Картина динамики роста числа споров без соотнесения ее с динамикой развития производства может вызвать искаженное представление об очень стремительном приросте правонарушений. Чтобы избежать этого, напомним данные о приросте промышленной продукции по СССР в течение исследуемых лет и сопоставим его с приростом числа имущественных споров в органах государственного арбитража (см. табл. 2).

Из приведенной таблицы усматривается значительное «отставание» прироста числа имущественных споров в органах госарбитража по сравнению с приростом промышленной продукции. Это — положительное явление. Однако сказанное выше не снимает необходимости исследования эффективности правовых норм об ответственности хозорганов за нарушения обязательств.

Развитие производства — объективная закономерность. Оно определяет изменения в экономике, управлении, в отношениях между людьми. Соответственно этим изменениям должно модифицироваться и право.

Наблюдающийся рост абсолютного числа правонарушений настораживает. Правонарушения детерминируются ростом производства, как уже отмечалось, только при прочих равных условиях. Следовательно, для того чтобы стабилизировать число правонарушений и добиться его снижения, необходимо изменить эти «прочие условия». Определенную независимость числа правонаруше-

Таблица 2

Годы	Валовая продукция промышленности (в %) к предыдущему году (в сопоставимых методологии и ценах)	Число имущественных споров (в %) к предыдущему году
1951	116	93
1952	112	99
1953	112	102
1954	113	100
1955	112	93
1956	111	99
1957	110	105
1958	110	109
1959	111 ¹	103
1960	109,5	115
1961	109,1	98,1
1962	109,7	104,8
1963	108,1	98,1
1964	107,3	98,4
1965	108,7	99,1
1966	108,7	99,5
1967	110,0 ²	99,5
1968	108,3	115,8
1969	107,1	109,4
1970	108,5 ³	104,3

ний от роста производства и в то же время зависимость их от правового регулирования демонстрируют приведенные выше графики. Из них видно, что при общей тенденции роста числа правонарушений и соответственно имущественных споров имелись периоды, когда они уменьшались, хотя снижение производства в стране не наблюдалось. Кроме того, наиболее сильные возмущения и спады хронологически совпадают с введением в действие новых законодательных актов (см. также табл. 2; 1960 и 1968 годы — первые годы применения

¹ См. «Народное хозяйство СССР в 1961 г.», Статистический ежегодник, «Статистика», 1962, стр. 171.

² См. «Народное хозяйство СССР в 1967 г.», Статистический ежегодник, «Статистика», 1968, стр. 185.

³ См. «Народное хозяйство СССР в 1970 г.», Статистический ежегодник, «Статистика», 1971, стр. 129.

новых норм об ответственности по поставкам — дали соответственно прирост имущественных споров на 15 и 15,8%).

Обоснованность такой постановки вопроса будет подтверждена последующим анализом.

В дальнейшем исследовании, абстрагируясь от роста производства, мы будем исходить из относительной самостоятельности числа правонарушений от динамики развития производства.

С нашей точки зрения, эффективность ответственности хозорганов недостаточна. Это подтверждается не только приведенными графиками, но и коэффициентом относительной эффективности норм об ответственности с 1958 до 1968 года¹ (см. табл. 3).

Т а б л и ц а 3

$K_{\text{э}}^0$ норм об ответственности хозорганов по отношению к 1958 г.
(по СССР)

Годы	$K_{\text{э}}^0$	Годы	$K_{\text{э}}^0$
1958	1	1964	0,82
1959	0,97	1965	0,83
1960	0,81	1966	0,79
1961	0,83	1967	0,86
1962	0,78	1968	0,65

О причинах недостаточной эффективности норм об ответственности хозорганов мы будем говорить при анализе действующего механизма ответственности.

Общий анализ эффективности законодательства об ответственности не может дать представления о частной эффективности отдельных норм или их групп. Действительно, если мы посмотрим на график, изображенный на рис. 7, то убедимся, что конфигурации динамики споров по отдельным рас-

¹ Как отмечалось, с 1958 года наблюдается постоянный рост споров по сравнению с 1950 годом. Поэтому в дальнейшем достаточно использовать данные 1958 года и последующих годов, принимая за базисный период 1958 год.

смаатриваемым нами категориям не совпадают. Точнее, они иногда схожи в тенденции (например, споры по качеству, по недостаткам достигают наивысшей точки в

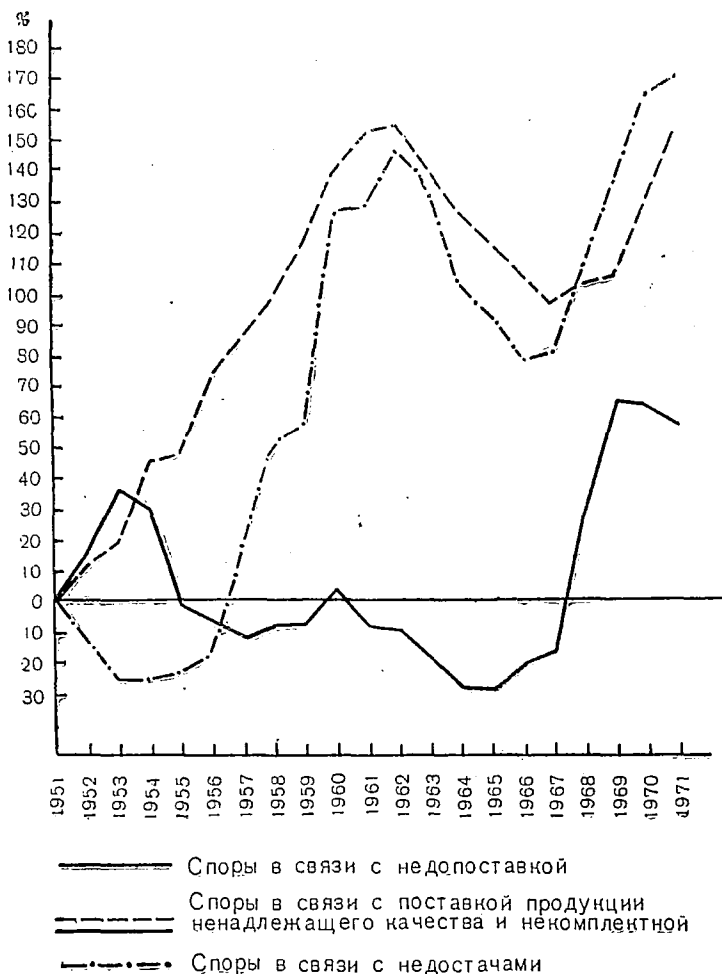

Рис. 7

1962 и 1971 годах, все категории споров дают рост в 1968 году, но в темпах прироста или уменьшения в рисунке кривой они различны.

Сказанное свидетельствует о том, что хотя степень эффективности законодательства об ответственности в основе определяется одними и теми же факторами, однако эффективность отдельных норм не совпадает и, следовательно, требуется более детальный анализ.

О необходимости раздельного анализа эффективности конкретных правовых норм свидетельствуют также колебания удельного веса споров различных категорий по отношению к общему числу рассмотренных органами госарбитража споров (см. рис. 8).

График распределения удельного веса спора по недопоставкам, качеству и комплектности, недостаткам за 1950—1968 гг. в общем объеме имущественных споров, рассмотренных органами госарбитража в СССР.

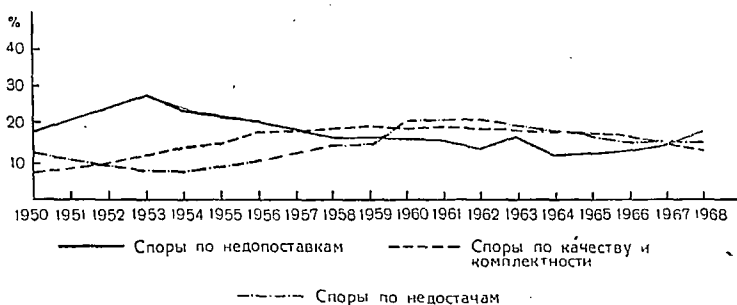

Рис. 8

Из графика распределения удельного веса споров по недопоставкам, качеству и комплектности, недостаткам за 1950—1968 гг. в общем объеме имущественных споров, рассмотренных органами госарбитража в СССР, видно, что удельный вес споров отдельных категорий лишь относительно стабилен. Так, в 1950—1953 гг. имел место рост споров по недопоставкам, затем до 1962 года прослеживается четкая тенденция падения их удельного веса. Далее наблюдается кратковременный рост этих споров в 1963 году, падение в 1964 году и затем тенденция роста вплоть до 1968 года. Споры по недостаткам, рост удельного веса которых наблюдался до 1956 года,

стабилизировались вплоть до 1968 года. Споры по качеству и комплектности дали волнообразную кривую без резких подъемов и падений.

Понятно, что изменение удельного веса отдельных категорий споров является следствием количественных смещений породивших их правонарушений, свидетельствующих об эффективности тех или иных конкретных норм на том или ином историческом отрезке.

В связи со сказанным мы и переходим к анализу эффективности отдельных правовых норм об ответственности хозорганов.

§ 2. Эффективность отдельных норм об ответственности

Говоря об эффективности отдельных норм об ответственности, мы имеем в виду нормы, устанавливающие ответственность хозорганов за те или иные конкретные виды нарушений обязательств.

Конечно, основания и пределы ответственности должников определяются в первую очередь общими нормами об ответственности (ст.ст. 36—38 Основ), которые действуют, как известно, во всех случаях, когда законом не предусмотрено иное.

Отделить эффективность общих основополагающих норм об ответственности от эффективности норм, предусматривающих ответственность за отдельные виды нарушений, нельзя. Вместе с тем, принимая во внимание стабильность основополагающих норм и то, что они применяются ко всем видам правонарушений, а ответственность за отдельные нарушения обязательств более подвижна, изменчива и применяется только в ограниченной области, мы можем говорить об эффективности отдельных норм об ответственности за конкретные нарушения. Как мы уже могли убедиться, эффективность отдельных норм не равна эффективности общей. Эффективность отдельной нормы является составляющей общей эффективности, эффективностью частной. Поэтому при ее определении мы можем абстрагироваться от эффективности основополагающих норм об ответственности, как от некоей постоянной величины, сосредоточив внимание на величинах переменных — конкретных нормах об ответственности за конкретные виды правонарушений.

Эффективность
норм об ответ-
ственности
за нарушение
договорных
сроков
и количеств

Анализируя эффективность норм об ответственности за нарушение договорных сроков и количеств, мы имеем в виду пп. 59 и 60 действующих Положений о поставках продукции и товаров, пп. 59 и 57 Положений о поставках 1959 г., а также соответствующие

нормы действовавших до издания Положений о поставках 1959 года Основных условий поставки. Одновременно мы включаем в круг исследования пп. 80 и 82 Положений о поставках продукции и товаров, а также соответствующие пункты ранее действовавших нормативных актов, устанавливавших ответственность покупателей за невыборку продукции, ибо по существующему порядку недопоставки и невыборки учитываются в статистических отчетах органов госарбитража не отдельно, а в одной строке¹.

Хотя такое включение нежелательно и было бы более интересно исследовать эффективность одной-двух однородных норм, мы лишены возможности выделить эффективность пп. 80 и 82 Положений о поставках. Вместе с тем следует учитывать, что число исков о взыскании неустойки за недопоставку в практике органов арбитража значительно больше, чем число исков о взыскании неустойки за невыборку. Последние практически теряются в исках, вызванных недопоставками.

График движения числа споров в госарбитражах СССР в связи с нарушением договорных сроков и количеств, изображенный на рис. 9 (в % к 1951 г.), с нашей точки зрения, интересен. В нем резко выделяется рост споров 1952—1953 гг., возмущения 1960 и 1968—1969 годов. Вместе с тем наблюдается весьма постоянное число споров этой категории в 1955—1962 гг., значительное падение их числа в 1963—1965 гг. Что же лежит в основе зафиксированных графиком колебаний?

Итак, рост споров 1952—1953 гг. Никаких изменений, влекущих этот рост, в экономике и праве в течение рассматриваемых лет как будто не имелось, а мы наблюдаем большое возмущение, полностью снятое только к 1955 году.

¹ См. п. 6 Инструктивного письма Госарбитража при Совете Министров СССР от 28 февраля 1964 г. № И-1-14 («Систематизированный сборник», стр. 18).

Причина, по-видимому, кроется в Инструктивном письме Госарбитража при Совете Министров СССР от 2 марта 1951 г. № И-1-8 «О порядке исчисления санкций за недопоставку продукции в очередные сроки поставки»¹, письме, положившем начало исчислению неустойки за недопоставку с нарастающим итогом.

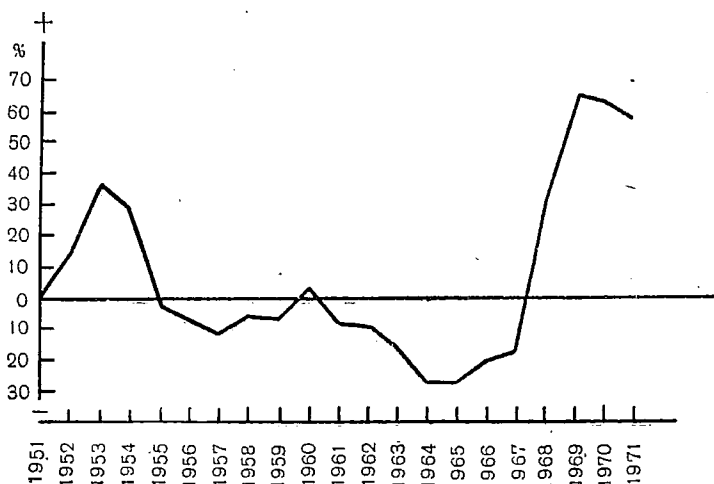

Рис. 9

В нем Госарбитраж при Совете Министров СССР разъяснил, что в случае недопоставки продукции в течение очередного сдаточного периода (квартала, месяца и др.) поставщик уплачивает покупателю предусмотренные Основными условиями поставки или договором санкции и недопоставленное количество продукции прибавляется к норме поставки того сдаточного периода, в течение которого согласно Основным условиям поставки или договору недопоставка должна быть восполнена. Таким образом, объем обязательства по поставке в каждом сдаточном периоде определяется исходя из нормы сдачи, установленной на текущий период, и недопостав-

¹ «Сборник инструктивных указаний», вып. 3, Госюриздат, 1955, стр. 185.

ки прошлого периода, и санкции за недопоставку в данном сдаточном периоде исчисляются исходя из суммированного обязательства.

Это разъяснение госарбитража, направленное на реализацию принципа реального исполнения обязательств по количеству подлежащей поставке продукции, было затем воспринято пп. 24 и 23 Положений о поставках продукции и товаров 1959 года. Такой же порядок действует и сейчас (см. пп. 31 и 28 действующих Положений о поставках).

Разъяснение госарбитража весьма существенно сказалось на отношениях хозорганов, стимулировало своевременное выполнение обязательств поставщиками, способствовало укреплению плановой и договорной дисциплины.

Таким образом, возмущение, достигшее вершины в 1953 году, — «рефлекторное» возмущение, за которым последовал значительный спад споров (правонарушений), стабильный спад ниже уровня 1951 года. Есть все основания считать, что упомянутое выше Инструктивное письмо Госарбитража при Совете Министров СССР сыграло серьезную роль в деле повышения эффективности норм об ответственности.

Следующее возмущение (1960 год) также является «рефлекторным» и было обусловлено введением в действие Положений о поставках 1959 года. Вслед за возмущением последовало значительное снижение числа споров (1962—1965 гг.).

До издания Положений о поставках действовали нормы Основных условий поставки, в соответствии с которыми в случаях недопоставки в течение первых десяти дней следующего сдаточного периода взыскивалась пеня, а затем сверх пени неустойка в твердом проценте к стоимости недопоставленной продукции. Такое правило очень усложняло расчеты, влекло излишние споры по размеру исковых требований.

Положения о поставках 1959 года отказались от изложенного выше порядка, ограничив ответственность поставщиков только обязанностью уплатить неустойку в определенном проценте к стоимости недопоставленной продукции (см. пп. 59 и 57 Положений о поставках 1959 года). Следствием этого явилось снижение числа споров по недопоставкам. Таким образом, можно конста-

тировать относительную эффективность норм пп. 59 и 57 Положений о поставках 1959 года.

Затем 1966 год дал некоторое увеличение числа споров по нарушению договорных сроков и количеств, в 1967 году они были почти на том же уровне, а 1968 год знаменовался резким скачком числа этих споров вверх (почти в полтора раза). Причины увеличения числа споров рассматриваемой категории в 1966—1967 гг., по-видимому, в перестройке управления народным хозяйством (переход от совнархозов к отраслевым министерствам), после которого действовала некоторое время инерция первоочередности удовлетворения местных потребностей и, следовательно, нарушались договорные обязательства.

Что же касается возмущения 1968 года, то оно находится в причинной связи с изданием постановления Совета Министров СССР от 27 октября 1967 г. № 988, п. 1 которого, в частности, предусмотрел уплату двух неустоек за недопоставку (основной — за просрочку поставки до 10 дней и дополнительной — при просрочке свыше 10 дней). Одновременно был увеличен размер неустойки.

Аналогичного характера норма содержалась и в п. 15 указанного постановления, определившего ответственность за недопоставку товаров для экспорта.

Таким образом постановление Совета Министров СССР от 27 октября 1967 г. возвратилось (в несколько иной форме) к двухстадийному начислению неустойки, имевшему место до издания Положений о поставках 1959 года.

Каков характер возмущения, начавшегося в 1968 году? Только рефлекторный или за ним последует стабилизация числа споров на более высоком уровне чем раньше? Сейчас ответить на этот вопрос трудно. Однако, признав нормы Положений о поставках 1959 года, отказавшихся от двухстадийной уплаты неустойки при недопоставках, относительно эффективными, мы можем прогнозировать стабильное увеличение числа споров по недопоставкам. Стабилизация наступит после снятия «рефлекторного» возмущения, вызванного принятием нового нормативного акта.

Вызывает интерес возможность прогнозирования длительности «рефлекторного» возмущения. Возмущение

1952—1955 гг. продолжалось четыре года, а рефлекторное возмущение в связи с принятием норм Положений 1959 года — два года. По-видимому, длительность «рефлекторного» возмущения связана с его интенсивностью. Чем интенсивней возмущение, тем оно длительнее.

Вместе с тем интенсивность «рефлекторного» возмущения находится в причинной связи с ясностью и простотой правовых норм, принятие которых вызывает это возмущение (ср. описанные выше возмущения с содержанием повлекших их нормативных актов). Отсюда может быть сделан вывод о том, что законодательство должно излагаться максимально понятно, что оно должно быть простым в применении.

До введения в действие нормативных актов, необходима широкая разъяснительная работа по их содержанию и пониманию.

Наряду с графическим изображением числа рассмотренных органами госарбитража споров, возникших в связи с нарушением договорных сроков и количеств, целесообразно привести таблицу, иллюстрирующую динамику движения соответствующих споров (в % к 1951 году).

Т а б л и ц а 4

Годы	%	Годы	%	Годы	%
1951	100	1960	101,8	1970	163,5
1952	116,2	1961	108,6	1971	156,7
1953	135,1	1962	109,3		
1954	130,0	1963	117,7		
1955	101,4	1964	126,7		
1956	107,3	1965	128,4		
1957	110,8	1966	119,4		
1958	106,5	1967	117,3		
1959	108,0	1968	131,8		
		1969	164,7		

Зависит ли эффективность нормы об ответственности за недопоставку от размера предусмотренных законом

неустоек? Судя по имеющимся в нашем распоряжении данным, нет.

Действительно, если размер неустойки является факторным признаком¹, а число правонарушений (споров) — признаком результативным², то при функциональной связи между ними³ повышение размера неустойки влекло бы за собой повышение эффективности нормы (прямая связь)⁴. Что же происходит на самом деле?

Положениями о поставках 1959 года размер неустойки за недопоставку был снижен (как уже отмечалось, Положения отказались от пени в течение первых 10 дней просрочки поставки). При прямой связи между размером неустойки и эффективностью нормы следовало бы ожидать роста числа споров (правонарушений), однако наблюдалось обратное — число споров уменьшилось.

Весьма интересным является и то обстоятельство, что в годы наибольшей относительной эффективности норм об ответственности за нарушение договорных сроков и количеств (1964 — 1965 гг.) сумма предъявленной ко взысканию неустойки составляла лишь 67,2 и 62,3% по отношению к 1962 году (начало периода наибольшей эффективности норм).

Безусловно, между размером неустойки и эффективностью нормы о недопоставке нет и обратной связи⁵.

В связи со сказанным не исключено, что между размером неустойки и эффективностью нормы существует корреляционная связь, при которой одному и тому же

¹ Признаком, выступающим в качестве фактора, воздействующего на другие и обуславливающего их изменение («Статистика», стр. 235).

² Признаком, выступающим в качестве результата действия факторных признаков (см. там же).

³ Функциональной называют такую связь, при которой значения результативного признака (величина его вариантов) целиком и полностью определяются значением признаков-факторов (аргументов) (см. там же).

⁴ Прямой называют такую связь, при которой с увеличением или уменьшением значений факторного признака соответственно увеличиваются или уменьшаются и средние значения результативного признака.

⁵ Обратной называют такую связь, при которой значения результативного признака изменяются в противоположном направлении по отношению к изменениям значений факторного признака («Статистика», стр. 236).

значению факторного признака (размера неустойки) могут соответствовать в отдельных случаях самые различные значения результативного признака (эффективности). Вскрыть эту связь в настоящее время не представляется возможным из-за недостаточного числа наблюдений¹.

Однако мы надеемся, что со временем в результате корреляционного анализа удастся обнаружить связи между размером неустойки и эффективностью нормы ответственности за недопоставку и определить коэффициент их корреляции.

Пока же мы можем утверждать, что связь между количеством правонарушений и суммой предъявляемых требований и взысканных неустоек довольно тесная. Из графика, изображенного на рис. 10, видно, что конфигурация пунктирной линии, отражающей сумму заявленных исков по годам в процентах к 1958 году, в значительной степени повторяет конфигурацию линии, отражающей число споров. Интересно также отметить некоторое «опережение» пунктирной линией сплошной: при уменьшении числа споров она опускается ниже сплошной линии, а при увеличении — поднимается над ней.

Анализируя эффективность законодательства об ответственности хозорганов за недопоставку продукции, необходимо обратить внимание на то, что, хотя неустойка, предусмотренная пп. 59 и 60 Положений о поставках продукции и товаров (соответственно пп. 59 и 57 Положений о поставках продукции и товаров 1959 года), является зачетной, убытки в части, не покрытой неустойкой, как правило, не взыскиваются. В статистических отчетах некоторых госарбитражей начиная с 1964 г. отсутствуют сведения об исках, заявленных в связи с причинением убытков.

¹ Корреляционные связи обычно проявляются при большом числе наблюдений. Полнота проявления их и число случаев наблюдения, необходимое для выявления корреляционных связей, зависят от многих причин и прежде всего от степени этой связи. Причем, чем теснее связь, тем больше она приближается к функциональной, тем яснее она проявляется и тем меньше число наблюдений необходимо для ее выявления (см. там же).

График движения числа споров и общей суммы заявленных исков по спорам в связи с нарушением договорных сроков и количеств в 1958—1968 гг. (по местным госарбитражам в РСФСР) в процентах к 1958 году

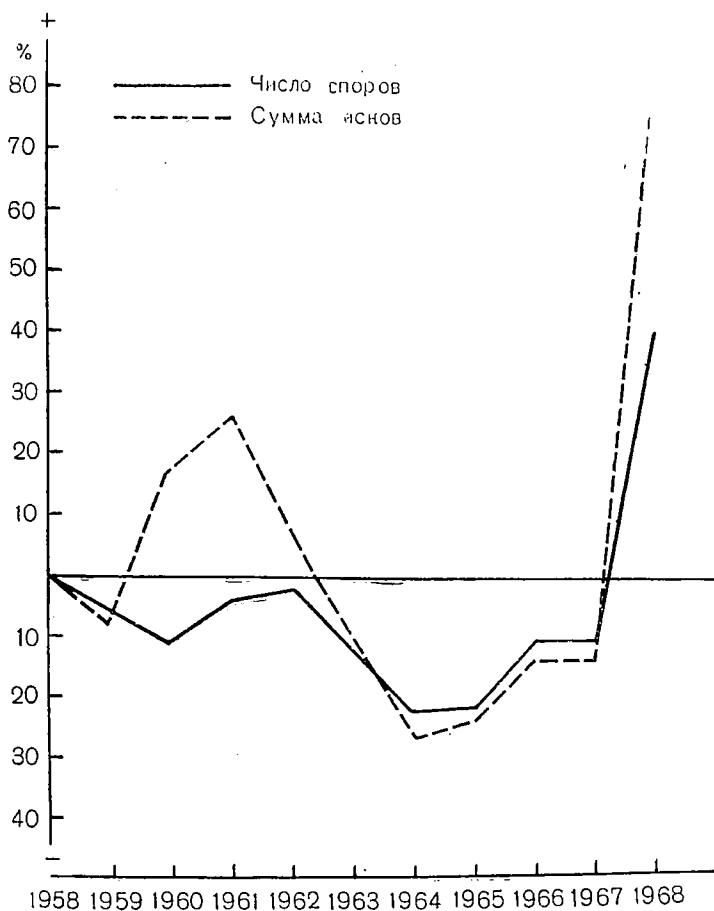

Рис. 10

Эффективность
норм об ответ-
ственности за
качество и
комплектность
поставляемых
товаров

Ответственности за качество и комплектность поставляемых товаров посвящены пп. 40, 61—66, 69—70 и пп. 38, 41, 62—68 действующих Положений о поставках продукции и товаров. Вместе с тем ответственность за ненадлежащую маркировку, а также за поставку продукции в ненадлежащей таре или без нее предусмотрена пп. 43, 67 и пп. 41, 69, а ответственность за поставку продукции без документов о качестве — пп. 68 и 70 Положений. Споры, возникающие в связи с применением перечисленных выше норм, учитывались в одной строке статистической отчетности госарбитражей¹.

Это положение лишает нас возможности анализа эффективности отдельных норм об ответственности за качество и комплектность продукции на основе статистических данных. Мы можем попытаться проследить эффективность всего комплекса норм.

Необходимо также учитывать, что в ту же строку статистических отчетов по форме № 43, утвержденной ЦСУ 2 октября 1942 г. № 10—15, включались споры по ассортименту.

В форме статотчета № 1-А, утвержденной ЦСУ 9 августа 1960 г. № 17-86, споры по ассортименту значились отдельной строкой. Общее число их невелико, а удельный вес по РСФСР составил 0,5% от общего числа споров, в 1962 г. — 0,3%. Учитывая значительно больший удельный вес споров по качеству и комплектности (соответственно 18,7 и 17,9%), можно либо пренебречь возможными отклонениями, определяемыми учетом споров по ассортименту в числе дел по качеству, либо постоянно вносить соответствующую поправку. Для упрощения исследования мы избрали первый путь.

Итак, как выглядит график движения числа споров по качеству и комплектности по СССР? (см. рис. 11).

График этот интересен тем, что на протяжении 1951—1962 гг. наблюдалась постоянная, непрерывная тенденция роста числа споров по качеству. Перелом произошел лишь в 1962 году, после которого вплоть до 1968 года наблюдалось снижение числа споров столь же интенсив-

¹ См. п. 7 Инструктивного письма Госарбитража при Совете Министров СССР от 28 февраля 1964 г. № И-1-14 («Систематизированный сборник», стр. 18).

ное, как ранее его увеличение. С 1968 года наблюдается новый, четко выраженный рост споров.

Чем же определялись две противоположные тенденции? Объективными условиями производства или эффективностью законодательства? Объективные условия про-

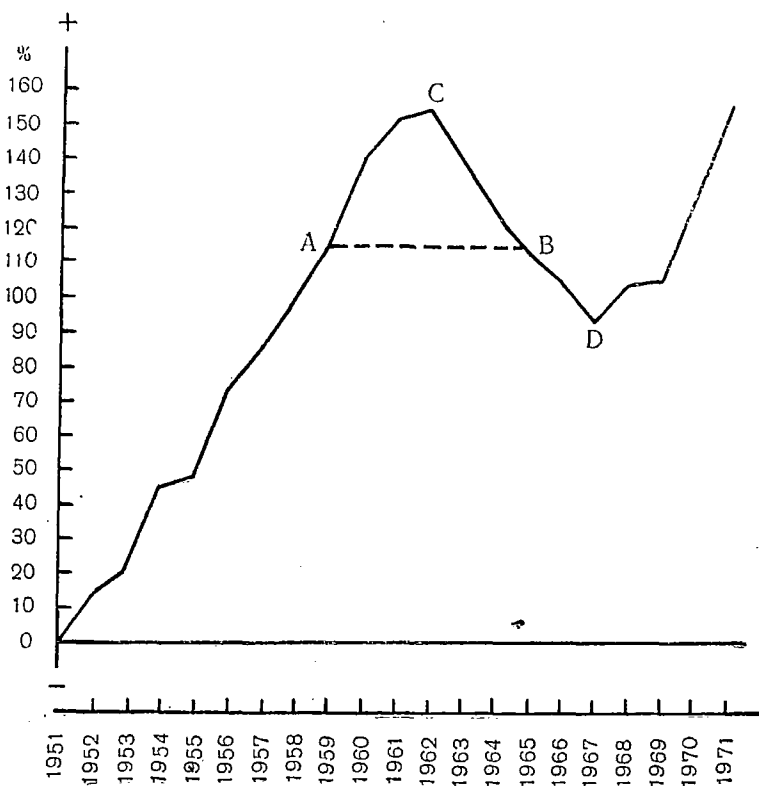

Рис. 11

изводства (недостатки технологии, плохое качество сырья, неполучение от поставщиков необходимых изделий, недостаточная квалификация кадров и т. п.) при надлежащем механизме ответственности за рассматри-

ваемые правонарушения не могли дать полученную на графике картину.

Технология производства, качество оборудования, контрольных приборов и другие факторы по мере расширения технического прогресса и совершенствования производства оказывают обратное (по отношению к выявленной динамике) воздействие на качество выпускаемой продукции.

Вместе с тем необходимо учитывать, что изготовление продукции ненадлежащего качества не означает ее поставку. Такого рода продукция при хорошо организованном выходном контроле должна оставаться на предприятии-изготовителе. Случаи поставки продукции со скрытыми недостатками, которые не могли быть выявлены при обычной проверке ее качества, настолько незначительны, что от них можно абстрагироваться.

Организация выходного контроля и обеспечение такого положения, при котором недоброкачественная продукция не покидала бы стен предприятия-изготовителя, — как правило, сфера волевой деятельности. Поставка изделий с явными недостатками — результат виновного поведения поставщика. Увеличение числа случаев виновного нарушения закона свидетельствует о недостатках ответственности за эти нарушения.

Исходя из сказанного, можно утверждать, что соответствующие нормы об ответственности за поставку продукции ненадлежащего качества и некомплектной были недостаточно эффективны. В связи с тем что в течение всего исследуемого периода они по существу не менялись (изменялись только размеры штрафа, причем Положениями о поставках 1959 года штраф в ряде случаев был уменьшен), говорить об изменении эффективности норм об ответственности, повлекшем резкое снижение числа споров, не приходится.

Каковы же все-таки причины перелома, происшедшего в 1962 году? Их две. Снятие «рефлекторного» возмущения, начавшегося после принятия Положений о поставках 1959 года и изменение подведомственности споров по качеству.

В соответствии с п. 10 Инструкции Госарбитража при Совете Министров СССР от 24 ноября 1952 г. № 70 иски по качеству предъявлялись по месту получения продукции (кроме случаев, когда постановлением Совета Мини-

стров СССР устанавливался иной порядок)¹. Пунктом 16 Инструктивного письма Госарбитража при Совете Министров СССР от 29 марта 1962 г. № И—1—9² этот порядок был изменен. С 1 июля 1962 г. споры, связанные с поставкой недоброкачественной и некомплектной продукции (товаров), принимаются и рассматриваются госарбитражами по месту нахождения изготовителя (поставщика) продукции — ответчика по делу. В тех случаях, когда к делу привлекаются предприятие-изготовитель и поставщик, оно рассматривается в госарбитраже по месту нахождения изготовителя. В дальнейшем это правило было закреплено п. 14 «в» Правил рассмотрения хозяйственных споров государственными арбитражами³.

При подведомственности споров по качеству арбитражу по месту нахождения продукции кредитор получал определенные преимущества. Он всегда (или почти всегда) участвовал в заседании арбитража, в то время как изготовитель (поставщик), удаленный от арбитража, зачастую не мог командировать своих представителей.

Поэтому при наличии к тому возможностей кредиторы стремились включить в исковую сумму требования по качеству, чем достигалась выгодная кредитору подведомственность по местонахождению продукции (т. е., как правило, по местонахождению кредитора).

Изменение подведомственности ликвидировало основания «создания» споров по качеству. Кредиторы больше в этом не были заинтересованы.

Вторая причина падения кривой споров по качеству после изменения их подведомственности может быть объяснена следующим образом. До 1962 года споры по качеству являлись таковыми независимо от того, касался ли спор нескольких оснований (иск о взыскании одновременно стоимости забракованной продукции, недостачи, убытков, вызванных завышением цены) либо исключительно качества поставленных изделий. Достаточно было включить в исковое требование самую незначительную сумму, связанную с ненадлежащим качеством продукции, как спор попадал в соответствующую кате-

¹ См. «Сборник инструктивных указаний», вып. 3, стр. 143.

² См. «Систематизированный сборник», стр. 119.

³ См. там же, стр. 27.

горнио и рассматривался по месту нахождения продукции.

После изменения подведомственности споров по качеству при предъявлении иска по нескольким основаниям дело может попасть в категорию «споров по качеству и комплектности», только если доля исковой суммы, падающей на эти два нарушения обязательства, составит бóльшую часть суммы заявленного иска¹. Это обстоятельство не могло не сказаться на картине динамики споров соответствующей категории.

Еще раз возвращаясь к графику, изображенному на рис. 11, мы должны охарактеризовать возмущение, ограниченное пунктиром АВ, как «рефлекторное», вызванное изданием Положений о поставках продукции и товаров 1959 года. Снижение споров 1963—1967 гг. обусловлено двумя причинами: снятием «рефлекторного» возмущения и указанным выше изменением подведомственности споров. Величина СВ — снятие «рефлекторного» возмущения, а величина ВД — результат изменения подведомственности, независимо от того, действовали оба фактора после 1962 года одновременно или разновременно (снятие «рефлекторного» возмущения не может быть больше самого возмущения).

Перейдем к анализу зависимости между величиной ответственности за поставку изделий ненадлежащего качества и некомплектных и числом споров. Как известно, Положением о поставках продукции 1959 года размер ответственности за поставку продукции ненадлежащего качества был понижен (пп. 60, 62, 63, 64 максимальный размер штрафа был установлен 15% вместо 20%). Затем постановлением Совета Министров СССР от 27 октября 1967 г. № 988 соответствующие штрафы были опять повышены до 20%.

При зависимости числа правонарушений от размера штрафа в 1960 году должен был бы увеличиться рост споров, а в 1968 году — уменьшиться. На самом деле этого не произошло. 1960—1962 гг. характеризовались увеличением числа споров соответствующей категории, однако темп роста по сравнению с предшествующим пятилетием несколько замедлился (см. график на рис. 11).

¹ См. п. 15 Инструктивного письма Госарбитража при Совете Министров СССР от 28 февраля 1964 г. № И-1-14 («Систематизированный сборник», стр. 19).

В свою очередь, 1968 год дал некоторое увеличение числа споров, а следовательно, и правонарушений, хотя размер ответственности за качество и комплектность продукции был повышен. В последующие годы рост числа споров продолжался.

Сказанное позволяет сделать вывод, что увеличение размера ответственности за нарушения обязательств по качеству и комплектности, так же как и за нарушение обязательств по срокам поставки (об этом говорилось выше), не оказывает должного воздействия на хозорганы.

Понижение ответственности за поставку продукции ненадлежащего качества и некомплектной (1959 года) не повлекло роста числа споров, но зато резко возросла сумма заявленных исков (см. график на рис. 12).

Аналогичная картина наблюдалась и при снижении ответственности за недоставку (см. график на рис. 10).

Относительная эффективность по СССР законодательства об ответственности за поставку продукции ненадлежащего качества и некомплектной видна из следующей таблицы.

Таблица 7

Год	K_9^0	Год	K_9^0
1951	1,00	1961	0,39
1952	0,87	1962	0,39
1953	0,83	1963	0,42
1954	0,79	1964	0,45
1955	0,67	1965	0,47
1956	0,57	1966	0,49
1957	0,54	1967	0,51
1958	0,49	1968	0,49
1959	0,46	1969	0,49
1960	0,41	1970	0,43
		1971	0,38

Приведенные данные свидетельствуют о наличии серьезных недостатков в правовом регулировании ответ-

График движения числа споров и суммы заявленных исков по качеству и комплектности в 1958—1968 гг. в процентах к 1958 году (по данным местных госарбитражей в РСФСР)

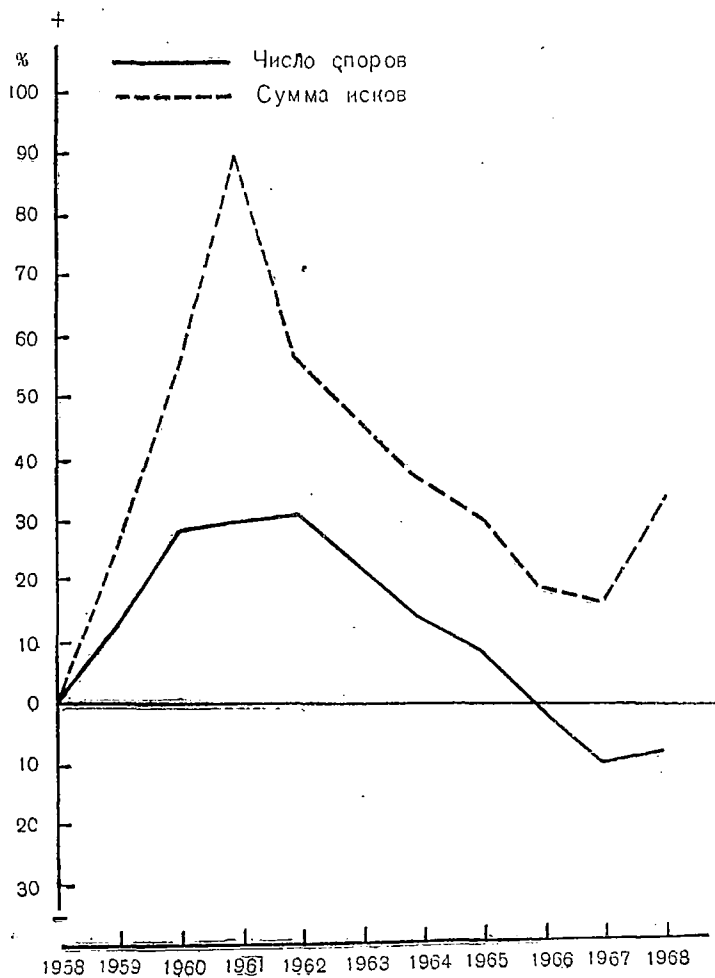

Рис. 12

ственности хозорганов за поставку продукции и товаров ненадлежащего качества. Уровень 1951 года в течение последующих 20 лет ни разу не достигался.

**Эффективность
норм об ответ-
ственности
за недостачу
поставленных
товаров**

Действующим законодательством специальная ответственность поставщика за недостачу поставленных товаров не предусмотрена. В период действия Положений о поставках 1959 года недостача даже не являлась основанием

для отказа от акцепта платежного требования. В настоящее время Положения допускают частичный отказ от акцепта платежного требования, но лишь в случаях документально установленной до истечения срока для акцепта платежного требования недостачи продукции и товаров при приемке их от представителя поставщика (отправителя), сопровождающего груз¹. Таким образом, в абсолютном большинстве случаев (когда отгрузка производится без сопровождающего) отказ от акцепта платежного требования не допускается и сейчас.

В связи со сказанным анализ эффективности норм об ответственности хозорганов за недостачу поставленных товаров сводится к анализу эффективности применения к рассматриваемым правонарушениям правил об ответственности, закрепленных в ст. ст. 36—38 Основ.

Динамика движения споров по недостачам в органах государственного арбитража представлена следующим графиком (См. рис. 13).

Приведенный график интересен тем, что изменения в количествах споров по недостачам (по годам) имели место при стабильном законодательстве об ответственности — отсутствии специальных норм и принципиальной неизменяемости норм общих².

На протяжении исследуемого периода дважды изда-

¹ Изменения в терминологии (отказ Основ от терминов «положительный ущерб» и «упущенная выгода»), а также провозглашение в ст. 37 Основ принципа вины как основания ответственности (в противовес негативной формуле ст. 118 ГК РСФСР 1922 года: должник освобождается от ответственности за неисполнение, если докажет, что невозможность исполнения обусловлена обстоятельством, которого он не мог предотвратить, либо создалась вследствие умысла или неосторожности кредитора) нами не принимаются во внимание, так как указанные изменения не повлияли на существо законодательства об ответственности.

² См. п. 50 Положения о поставках продукции и п. 51 Положения о поставках товаров.

График движения споров по недостаткам, рассмотренных госарбитражами в СССР в 1951—1971 гг.

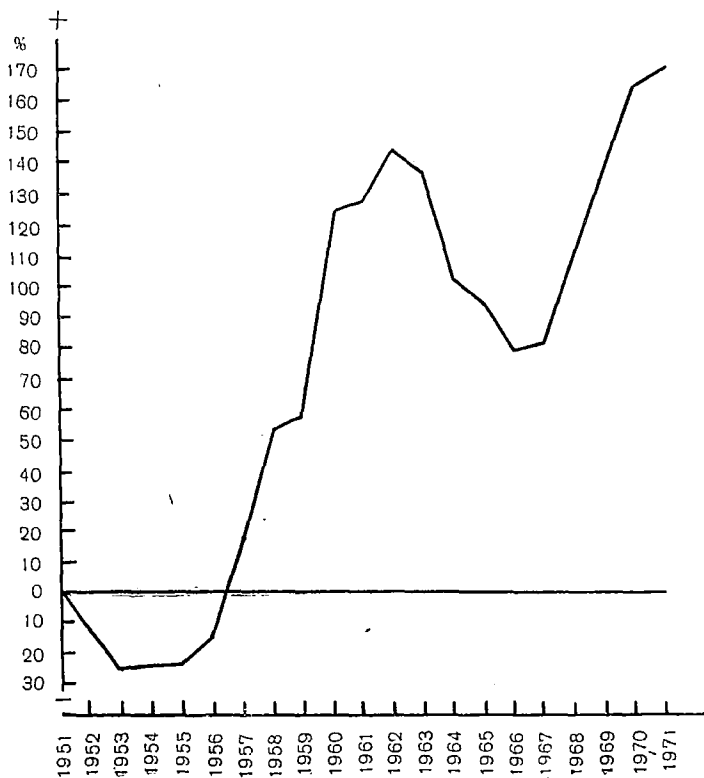

Рис. 13

вались инструкции с порядке приемки продукции и товаров по количеству — в 1959 и в 1965 годах¹. До изда-

¹ Инструкция о порядке приемки продукции производственно-технического назначения по количеству, Инструкция о порядке приемки товаров народного потребления по количеству, утвержденные постановлением Государственного арбитража при Совете Министров СССР от 27 мая 1959 г. № Б-85 и Инструкция о порядке приемки продукции производственно-технического назначения и товаров народного потребления по количеству, утвержденная постановлением Государственного арбитража при Совете Министров СССР от 15 июня 1965 г. № П-6 («Сборник инструктивных указаний», вып. 26, стр. 29).

ния инструкций 1959 года вопросы о порядке количественной приемки товаров решались в Основных условиях поставки и договорах. При разрешении преддоговорных споров о сроках и порядке приемки продукции госарбитражи исходили из необходимости установления таких сроков и такого порядка, которые обеспечивали бы производство тщательной проверки продукции в кратчайшие сроки¹.

В связи со сказанным возмущение 1960—1962 гг. может быть расценено как «рефлекторное» после издания инструкций 1959 года, а возмущение 1967 года и последующих лет — как результат введения в действие Инструкции 1965 года. «Запаздывание» изменения тенденций примерно на год после принятия инструкций объясняется как необходимостью усвоения новых норм, так и полуторагодовым сроком исковой давности по требованиям, основанным на недостатках, возникших до 1 мая 1962 г. (см. ст. 44 ГК РСФСР 1922 г.), и годичным сроком исковой давности, установленным ч. 1 ст. 16 Основ. «Рефлекторность» возмущения, последовавшего за изданием Инструкций 1959 года, подтверждается также тем, что 1960 год дал прирост споров примерно на 70%.

Рост споров в 1956—1958 гг. может быть в определенной мере объяснен передачей на рассмотрение госарбитражей (в связи с образованием совнархозов) споров, рассматривавшихся ранее ведомственными арбитражами.

Однако при всех условиях весьма настораживает общая тенденция увеличения числа споров по недостаткам². Так, если образование совнархозов дало прирост споров по недостаткам, рассмотренных госарбитражами, то их ликвидация не повлекла соответствующего уменьшения дел. По сравнению с 1951 годом мы наблюдаем стабильный рост числа споров по недостаткам.

¹ См. п. 18 Инструктивного письма Госарбитража при Совете Министров СССР от 10 декабря 1949 г. № И-1-44 (см. «Сборник инструктивных указаний», вып. 3, стр. 86).

² Следует также учитывать, что значительное число недостатков не отражается в статистической отчетности органов Госарбитража, так как при заявлении поставщиками исков о взыскании стоимости отгруженной продукции поставщики защищаются ссылками на недостаток. В этих случаях споры учитываются по категории «споры по расчетам».

Новое возмущение, последовавшее за изданием Инструкции о порядке приемки продукции производственно-технического назначения и товаров народного потребления, носит весьма интенсивный характер. Кроме того, не исключено, что интенсивность возмущения была бы еще большей, если бы не ликвидация совнархозов, совпавшая по времени с изданием новой Инструкции. Уменьшение споров по недостаткам в органах госарбитража, являющееся необходимым следствием изменения их подведомственности в связи с образованием министерств, снизило интенсивность возмущения.

В чем же причины возмущения 1968—1971 гг.? Каков его характер?

Говоря о возмущении 1960—1962 гг., мы охарактеризовали его как «рефлекторное» в основном потому, что Инструкция 1959 года не имели принципиально новых, существенных положений о порядке приемки товаров по количеству по сравнению с порядком, установленным ранее. Инструкция же 1965 года в основном воспринявшая нормы инструкций 1959 г. (с изменениями и дополнениями несущественного характера), содержит новое решение наиболее сложного и важного вопроса. Ею был изменен порядок выделения представителей для участия в приемке товаров по количеству¹.

Новая инструкция допустила тройкую возможность составления акта при неявке представителя поставщика: -

1) с участием представителя другого предприятия (организации);

2) с участием представителя общественности предприятия-получателя, назначенного руководителем предприятия из числа лиц, утвержденных решением заводского, фабричного или местного комитета профсоюза этого предприятия;

3) односторонне предприятием-получателем, если отправитель (изготовитель) дал согласие на одностороннюю приемку продукции².

¹ См. п. 10 Инструкции о порядке приемки продукции производственно-технического назначения по количеству и п. 16 Инструкции о порядке приемки товаров народного потребления по количеству.

² См. п. 18 Инструкции о порядке приемки продукции производственно-технического назначения и товаров народного потребления по количеству.

Возможность участия в приемке товаров по количеству представителя другого предприятия вместо представителя незаинтересованной организации, допущение к приемке представителя общественности, который является работником того же предприятия, что и материально ответственные лица, принимающие товар под отчет, в определенной степени вызывает сомнения поставщиков в объективности актов приемки.

Поэтому рост споров по недостаткам может в какой-то мере быть объяснен именно этим обстоятельством.

Сказанное подтверждается также тем, что если средний размер удовлетворенной суммы исков по недостаткам в процентах к средней заявленной сумме за 1962—1965 гг. составлял 60,1%, то за 1966—1969 гг., он составил 58,0%.

График роста числа споров и суммы исков по недостаткам в местных госарбитражах РСФСР

Рис. 14

Какова связь между числом споров по недостаткам и общей суммой заявленных исков? Как видно из графика на рис. 14, связь эта тесная, еще более тесная, чем в спорах по недопоставкам и в спорах по качеству и комплектности.

И, наконец, какова эффективность норм об ответственности хозорганов за допущение недостатков? Коэффициент относительной эффективности этих норм приведен в следующей таблице.

Таблица 8

Год	K_9^0	Год	K_9^0
1951	1,00	1961	0,44
1952	1,14	1962	0,41
1953	1,34	1963	0,43
1954	1,34	1964	0,49
1955	1,30	1965	0,51
1956	1,15	1966	0,56
1957	0,88	1967	0,55
1958	0,66	1968	0,48
1959	0,63	1969	0,42
1960	0,43	1970	0,38

Эффективность норм об ответственности за нарушения условий договоров перевозки

В статистической отчетности органов государственного арбитража есть графа, в которой должны указываться данные в отношении споров, «вытекающих из договоров перевозки». Фактически в ней учитываются иски, не только возникшие в связи с ненадлежащим исполнением договора перевозки, но и по другим основаниям (об уплате штрафа за невыполнение плана перевозок, об обратном взыскании списанных в безакцептном порядке штрафов за простой транспорта и т. п.)¹.

¹ См. п. 8 Инструктивного письма Госарбитража при Совете Министров СССР от 28 февраля 1964 г. № И-1-14 («Систематизированный сборник», стр. 18—19).

Прежде чем приступить к рассмотрению вопросов эффективности ответственности за нарушение условий перевозки, необходимо сделать еще одно предварительное замечание. До 1960 года органы государственного арбитража не рассматривали споров, вытекающих из перевозки. Соответственно отсутствовала необходимая статотчетность. Формой № 1-А, утвержденной ЦСУ 9 августа 1960 г. № 17-86, в числе споров по качеству и комплектности, по недостаткам были выделены споры, связанные с порчей или повреждением продукции при перевозках и споры по количественным недостаткам при перевозках. 4 февраля 1964 г. ЦСУ утвердило форму № 1-А, по которой споры, вытекающие из договоров перевозки с подразделением на «в том числе споры, связанные с повреждением и порчей грузов», должны были учитываться отдельно.

В связи со сказанным исследованию может быть подвергнута эффективность норм об ответственности лишь начиная с 1964 года.

Вместе с тем необходимо отметить, что из-за отсутствия более детальной статистической отчетности мы лишены возможности анализа эффективности отдельных норм, устанавливающих ответственность при перевозках.

Динамика движения споров по перевозкам и суммы заявленных по ним исков иллюстрируются графиком на рис. 15.

Известно, что с 1 октября 1964 г. действует новый Устав железных дорог Союза ССР¹. К сожалению, в связи с изложенным выше мы лишены возможности дать сравнительный анализ эффективности норм об ответственности по Уставу железных дорог Союза ССР 1954 года и по новому Уставу. Однако можно исходить из того, что в 1964 году органами госарбитража рассматривались только (или почти только) споры, возникшие в период действия Устава 1954 года и, следовательно, тенденции, выявленные по отношению к 1964 году, являются тенденциями, обусловленными действием нового Устава.

Как видно из графика на рис. 15, число споров по

¹ СП СССР 1964 г. № 5, ст. 36.

График динамики числа споров, вытекающих из договора перевозки, и суммы предъявленных исков, рассмотренных госарбитражами в 1964—1971 гг.

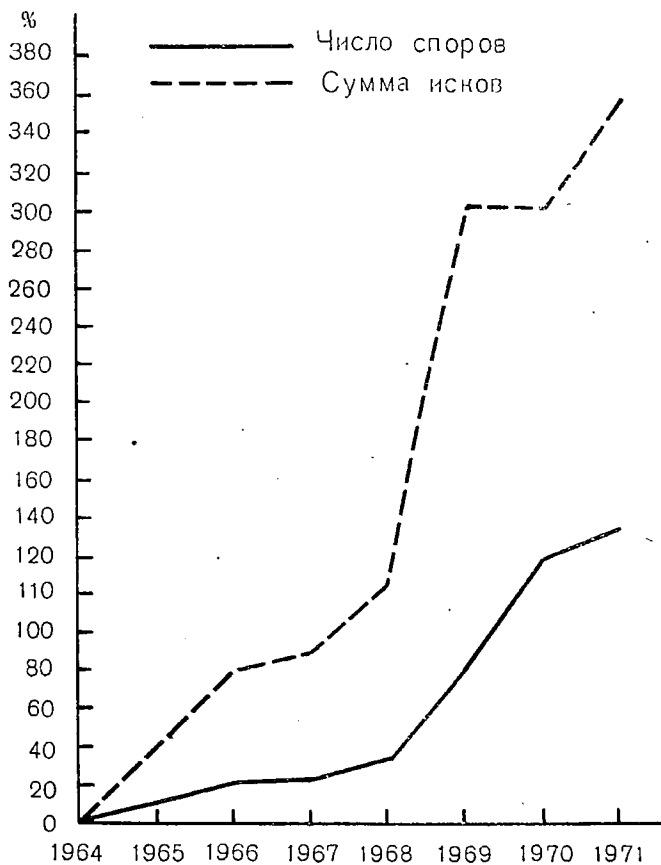

Рис. 15

перевозкам в течение 1965—1971 гг. постоянно росло. Значительно более интенсивно росла сумма заявленных исков по перевозкам. Причем увеличение суммы исков более чем в три раза не помешало росту числа споров на 135% по сравнению с 1964 годом.

Возмущение 1968—1969 гг. (особенно 1969 года) может быть как «рефлекторным» (постановлением Совета Министров СССР от 27 октября 1967 года № 988 была значительно повышена материальная ответственность транспортных организаций и клиентуры), так и обусловленным общими тенденциями. В настоящее время судить об этом еще рано.

Что касается корреляционной связи между суммой заявленных исков по перевозкам и их числом, то она проступает на графике весьма наглядно. По зрительному восприятию связь эта очень напоминает корреляционную связь между теми же признаками по искам по качеству и комплектности (см. рис. 12).

Вместе с тем выделение из числа споров по перевозкам числа споров о повреждении (порче) грузов и их недостатках позволяет сделать некоторые предварительные выводы (см. рис. 16).

Число споров в связи с повреждением и порчей грузов в 1969 году оказалось на уровне 1964 года, а число споров в связи с недостатками даже ниже этого уровня на 20%. Таким образом, рост числа споров и, следовательно, рост правонарушений имел место в связи с невыполнением плана перевозок, сроков обработки вагонов и другими нарушениями, не связанными с сохранностью грузов при перевозке. Интенсивность роста числа указанных споров значительно больше, нежели общее увеличение числа споров по перевозкам, так как соответствующая линия на графике иллюстрирует рост всех споров по перевозкам, рост, который в значительной степени погашался падением числа споров по повреждениям и недостаткам, представленными двумя другими линиями, являющимися составляющими первой.

Соответственно приведенному графику менялась относительная эффективность норм об ответственности перевозчика по отношению к 1964 году.

Чему равняется коэффициент относительной эффективности норм об ответственности перевозчика по отношению к 1964 году видно из табл. 9.

Динамика числа споров, вытекающих из договора перевозки, в связи с повреждением и порчей грузов, а также с недостатками при перевозках (рассмотренных госарбитражами в СССР)

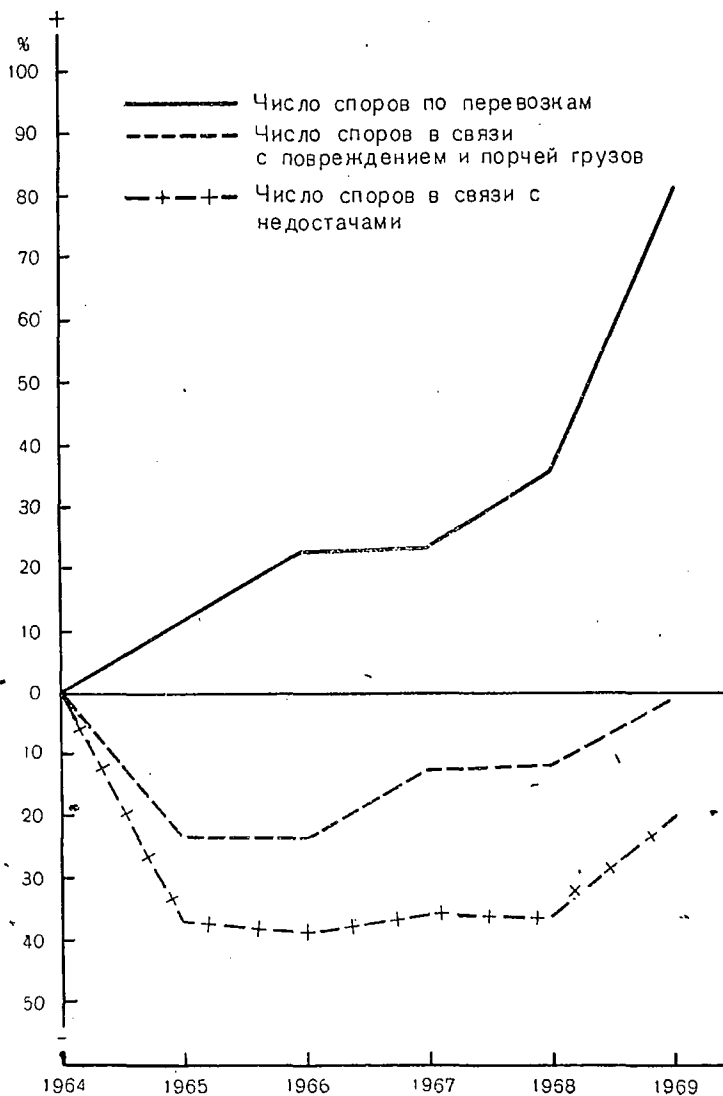

Рис. 16

Годы	Ответственность за нарушение договора перевозок	Ответственность за повреждение груза	Ответственность за недостачу
1965	0,89	1,24	1,37
1966	0,77	1,24	1,39
1967	0,77	1,13	1,36
1968	0,64	1,12	1,37
1969	0,20	1,0	1,21

Эффективность норм об ответственности за нарушения условий договора подряда

В графе, отведенной для споров, «вытекающих из подрядных договоров», в статистической отчетности органов госарбитража учитываются иски, предъявляемые в связи с ненадлежащим исполнением только подрядных договоров на капитальное строительство (по качеству работ, расчетам и др.). Эта графа была введена в статистическую отчетность госарбитражей формой 1-А, утвержденной ЦСУ 9 августа 1960 г. № 17-86.

Статистическая отчетность не подразделяет споры, «вытекающие из договора подряда», на отдельные категории (по основаниям возникновения, характеру допущенных правонарушений), что по существу сводит на нет возможность анализа эффективности законодательства об ответственности за соответствующие нарушения.

Общая динамика числа споров, вытекающих из подрядных договоров, а также заявленной по ним суммы исков показана на рис. 17.

Этот график интересен своей конфигурацией: почти совершенно одинаковых два возмущения с почти равной интенсивностью возникновения и угасания (двухлетние циклы 1964—1965 гг. и 1967—1968 гг.).

Весьма интересна картина соотношения числа споров и суммы заявленных по ним исков. Если до сих пор при анализе всех категорий споров мы могли, «невооруженным глазом» рассматривая соответствующие графики, обнаружить корреляционную связь между этими факторами, то сейчас мы ее не устанавливаем. Думается, что

Динамика числа споров, вытекающих из подрядных договоров, и заявленной суммы исков, рассмотренных госарбитражами в СССР (в процентах к 1962 году)

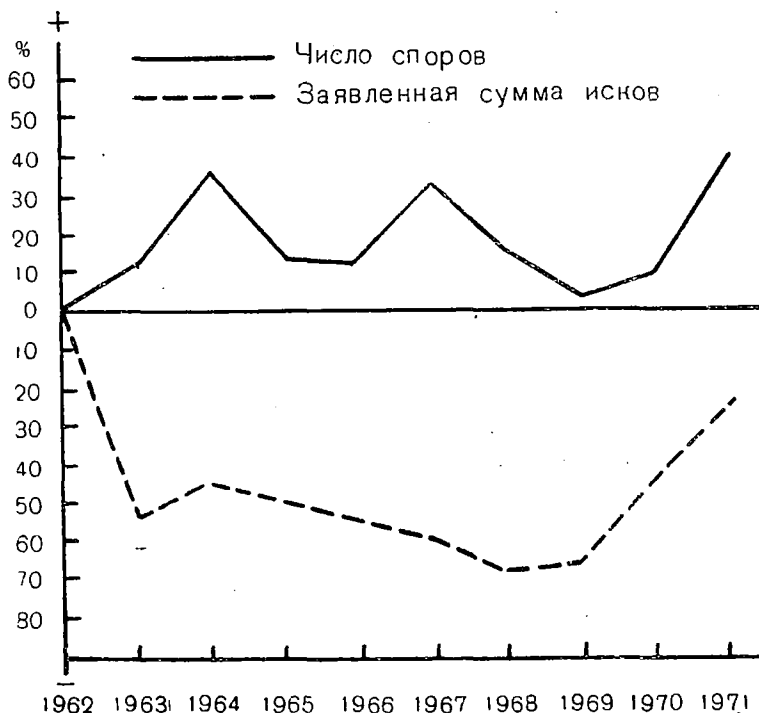

Рис. 17

это явление должно настораживать (ср. с графиками на рис. 10, 12, 14, 15). Отступление от правила скорее всего может быть вызвано наименее удачным правовым регулированием соответствующих общественных отношений.

Необходимо также учитывать, что начиная с 1970 года заключение договоров подряда осуществляется в соответствии с Правилами о договорах подряда на капитальное строительство, утвержденными постановлением Совета Министров СССР от 24 декабря 1969 г. № 973¹,

¹ СП СССР 1970 г. № 2, ст. 11.

которыми предусмотрена и иная ответственность за нарушение условий договоров. Поэтому ретроспективный анализ эффективности не представляет особого интереса. В то же время ценной является возможность будущего сравнения эффективности ответственности по Правилам о подрядных договорах по строительству, утвержденным постановлением Совета Министров СССР от 24 августа 1955 г. № 1552¹, с эффективностью ответственности по Правилам от 24 декабря 1969 г.

* * *

На основе анализа эффективности норм об ответственности хозорганов, данного в предшествующих параграфах, можно сделать некоторые выводы.

1. Проведенное нами исследование свидетельствует о том, что сравнение и измерение эффективности законодательства не только возможно, но и необходимо. Лишь на основании сравнений и измерений можно объективно судить о познании тех или иных социальных явлений, о степени урегулированности общественных отношений, о результативности права. Сказанное, конечно, полностью относится к сравнению и измерению эффективности норм об ответственности хозорганов за нарушения обязательств.

Используемые для изучения эффективности законодательства методы будут постепенно совершенствоваться. Однако уже сейчас правовая наука должна уделять самое серьезное внимание уяснению целей и результатов правового регулирования, выявлению их соотношения.

Повышение эффективности законодательства ждет комплексных исследований с участием представителей разных наук: юристов, экономистов, статистиков, математиков, социологов, психологов.

2. Сравнение и измерение эффективности законодательства требуют максимального расширения потока информации об исследуемом объекте.

Следует обеспечить получение необходимых для дальнейших исследований статистических данных, ибо «иссле-

¹ См. «Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР по вопросам строительства»; Госполитиздат, 1956, стр. 123—133.

дования — это тот воздух, без которого наука задохнется, выродится в мертвую схоластику»¹. В частности, для повышения познавательной ценности дальнейших исследований, а также для обеспечения научно обоснованного правового регулирования общественных отношений следует перейти от статистической отчетности, характеризующей эффективность группы норм, пусть даже однородных, к отчетности, обрисовывающей результативность отдельных норм.

Например, применительно к рассматриваемой нами проблеме необходимо обеспечить отражение в государственной статистике числа правонарушений, совершенных в области хозяйственной деятельности предприятий и организаций. Для этого следует включить в статотчетность предприятий и организаций данные обо всех предъявляемых к ним претензиях с разбивкой по видам нарушений и с указанием результатов рассмотрения претензий. В настоящее время, как уже отмечалось, значительная масса правонарушений, не дошедшая до органов арбитража, является латентной (скрытой).

Что же касается статистической отчетности органов арбитража, то она должна представляться не только государственными, но и ведомственными арбитражами. Вместе с тем число данных этой отчетности необходимо расширить, заменив категории споров, в основу которых положены однородные нарушения, классифицируемые по разным признакам, данным по конкретным видам правонарушений.

Понятно, что наряду с конкретными видами нарушений в основу отчетности могут и должны быть положены другие признаки, необходимые для проведения группировок и сводок, обеспечивающих более глубокое и всестороннее познание изучаемого явления.

В течение последних лет наблюдается отрадная тенденция все большей дифференциации отчетных данных по видам продукции, договоров, по характеру правонарушений. Так, статистическая отчетность формы 1-А, утвержденная ЦСУ 13 октября 1969 г. № 17-98, предусматривает учет имущественных споров по недопоставке продукции производственно-технического назначения, оборудования для пусковых строек, промышленных то-

¹ «Коммунист» 1963 г. № 16, стр. 33.

варов народного потребления, продовольственных товаров, плодоовощной продукции. Споры по качеству подразделяются в том числе на споры по качеству продукции производственно-технического назначения, промышленных товаров народного потребления, продовольственных товаров, плодоовощной продукции, связанные с нарушением требований по маркировке продукции, товаров и тары.

Однако нетрудно заметить, что даже в двух приведенных примерах признаки выбраны произвольно. Так, в графе споров по нарушению сроков поставки и количеств «в том числе» указывается продукция производственно-технического назначения и оборудование для пусковых строек. Но оборудование для пусковых строек относится к продукции производственно-технического назначения как вид к роду. Следовательно, недопоставка оборудования может выделяться в числе недопоставок продукции производственно-технического назначения, а не в числе всех нарушений сроков поставки. Непонятно, почему нет аналогичного деления в графе споров по невыборке. Неясна идея выделения в числе споров по качеству наряду с видами продукции требований, связанных с нарушением маркировки, т. е. иного признака — вида правонарушения.

Следует подчеркнуть, что, хотя в статотчетности появляются новые графы, посвященные договору контракции, поставкам на экспорт, а споры, вытекающие из подрядных договоров на капитальное строительство, теперь подразделяются на споры по нарушению сроков строительства и по качеству строительных работ, однако в отчетности нет важнейшего показателя: числа удовлетворенных исков (включая удовлетворенные частично).

Отдельные категории споров не подразделяются по видам. Так, споры по качеству возникают в связи с забракованием продукции, как не соответствующей государственным стандартам (п. 61 Положения о поставках продукции), в связи с установлением производственных недостатков (п. 62 Положения о поставках продукции), несоответствием повышенным требованиям по качеству (п. 63 Положения о поставках продукции), обнаружением конструктивных недостатков (п. 65 Положения о поставках продукции), поставкой продукции более низкого сорта (качества), чем указано в документе, удосто-

веряющем качество продукции, но соответствующих ГОСТам, ТУ, образцам (п. 66 Положения о поставках продукции). Объединение всех перечисленных видов споров в одной группе «споры по качеству» не дает необходимых для исследования эффективности правовых норм информации и затушевывает картину совершаемых хозяйственными органами нарушений¹.

Выделение в числе споров, вытекающих из договора перевозки, дел, связанных лишь с повреждением и порчей грузов, с их утратой и недостачей, также недостаточно. Необходимо выделение споров, связанных с невыполнением планов перевозок перевозчиком и грузоотправителем, с просрочкой в доставке, с неправильным указанием наименования груза, с простым перевозочных средств и др. В спорах по повреждению или утрате груза (порче или недостаче) при удовлетворении иска виновным может быть признан как грузоотправитель, так и перевозчик, поэтому важны сведения о том, на кого из них возложена ответственность.

Не может удовлетворить исследователя и графа 8 новой статистической отчетности, в которой учитываются споры, вытекающие из подрядных договоров на капитальное строительство, в том числе по нарушению сроков строительства и качества строительных работ. Сроки могут быть нарушены как по объекту в целом, так и по этапам работ. Может иметь место задержка устранения недоделок (см. подп. «а», «б», «в», п. 62 Правил о договорах подряда на капитальное строительство). Подрядчиком могут быть допущены дефекты разного характера (по общестроительным работам, по законченному монтажу оборудования, промышленным проводкам и электромонтажным работам, по огнеупорной кладке и т. д.). Возможно устранение дефектов в срок, несвоевременное их устранение, устранение дефектов заказчиком со взысканием неустойки (см. пп. 65 и 66 Правил). При действующей статотчетности характер правонарушений смазывается. Вообще не выделены споры, возникающие в связи с нарушением обязательств заказчиком.

Представляется, что статистическая отчетность должна быть разработана на научной основе, совместно

¹ До утверждения новой статистической отчетности в 1969 году вместе со спорами по качеству объединялись и споры по комплектности. Не выделялись и споры, связанные с нарушением маркировки.

юристами и статистиками с тем, чтобы получаемые статистические данные могли удовлетворять самые разнообразные требования науки и практики.

Разработка статистической отчетности не должна задерживаться, ибо использование полученных в результате ее внедрения данных возможно только после их накопления в течение нескольких лет¹.

3. Необходимо обеспечить сведение к минимуму помех, искажающих информацию. Среди них в первую очередь следует назвать учет разнородных нарушений по категории спора, имеющего большую часть суммы заявленного иска². В результате такого учета более существенные правонарушения (поставка брака) могут скрываться за менее существенными (споры по расчетам). Допущенные нарушения могут не найти отражения, а будет указана только категория иска (например, если иск на 10 тыс. руб. заявлен по двум основаниям — в связи с недостачей (5001 руб.) и недоброкачеством (4999 руб.) и если по недостаче в иске будет отказано, а по качеству он будет удовлетворен.

Кроме того, как показывает практика, предъявление исковых требований по нескольким основаниям — явление частое. В результате значительное число нарушений вообще не учитывается.

В целях устранения помех статистическая отчетность должна строиться так, чтобы обеспечивался контроль (логический и счетный) собранных материалов.

Для обеспечения надлежащей обработки статистических данных необходимо использовать вычислительную технику.

4. Существование «рефлекторных возмущений», вызываемых изданием новых правовых норм, свидетельст-

¹ Проблемам статистических исследований в праве справедливо уделяется все большее внимание (см., например, Н. И. Майоров, Теоретические вопросы статистического исследования деятельности органов предварительного следствия, автореферат канд. дисс., М., 1970; И. Л. Бродский, Арбитражная статистика как источник информации о качестве продукции, Тезисы докладов на Всесоюзной научно-практической конференции по правовым проблемам стандартизации, метрологии и качества продукции, изд-во «Стандарты», 1971, стр. 87).

² См. п. 15 Инструктивного письма Госарбитража при Совете Министров СССР от 28 февраля 1964 г. № И-1-14 («Систематизированный сборник», стр. 19).

вует о необходимости обеспечения максимальной стабильности законодательства. «Рефлекторные возмущения» — результат новой организации общественных отношений, их нового правового регулирования. Новая организация влечет определенную дезорганизацию, проходит через стадию дезорганизации. Чем существеннее новые элементы организации, тем сильнее, ошутимее предшествующая ей дезорганизация. Продолжительность рефлекторных возмущений говорит о значительности издержек, вызываемых нарушениями в организации сложившихся отношений. Эти издержки должны учитываться при решении вопроса о целесообразности издания каждого нового нормативного акта.

5. Законодательство об ответственности хозорганов за нарушения обязательств недостаточно эффективно. Об этом свидетельствуют результаты анализа, данного в главе II.

Чем объясняется такое явление?

На поставленный вопрос возможны три ответа:

а) объективными условиями, лежащими вне сферы волевой деятельности. В этих случаях речь должна идти о невинных правонарушениях;

б) увеличением числа виновных правонарушений;

в) «рефлекторными» возмущениями.

В первом случае должно было возрасти (пропорционально росту споров) число отказов в удовлетворении исковых требований на основании ст. 37 Основ. Анализ арбитражной практики последних лет приводит к выводу, что сдвиг в части отказов в связи с невинностью должников не произошло.

Следовательно, речь может идти только об увеличении числа споров в связи с ростом виновных правонарушений либо в связи с «рефлекторными» явлениями. Рост правонарушений происходит за счет виновных правонарушений, в значительной степени обусловлен недостаточной эффективностью законодательства об ответственности, ибо при «рефлекторном» увеличении числа споров после возмущения должен был бы наступить спад, причем в идеале число споров после «рефлекторного» возмущения должно было бы стабилизироваться на более низком, чем раньше, уровне либо, наконец, на прежнем уровне. Однако такого явления не наблюдается.

Кривая количества споров интенсивно взбирается вверх.

6. Повышение размера ответственности хозорганов при действующем ее механизме не влияет на снижение числа правонарушений. Исходя из того, что регулятор общественных отношений — право, мы должны признать, что оно способно (при правильном регулировании, основанном на познании социальных процессов) менять уровень поведения участников общественных отношений. Изменение уровня поведения достигается стоящей за нормой права санкцией.

Следовательно, если повышение размера ответственности не дает желаемого результата, то неправильно выбрана форма ответственности, неверно сконструирован ее механизм либо сама норма настолько нежизненна, противоречит объективным законам развития, что ее соблюдение не может обеспечить никакая санкция.

В связи с тем что содержание абсолютного большинства действующих норм хозяйственного законодательства верно отражает объективные интересы Советского государства в конкретном историческом периоде, а также объективно существующие условия общественного развития, надлежащее соблюдение правовых предписаний не обеспечивается из-за недостатков механизма ответственности.

В различных нарушениях обязательств хозорганами прослеживаются аналогичные тенденции. Следовательно, недостатки механизма ответственности лежат в его принципиальной схеме. Поэтому необходимо исследование механизма ответственности и в зависимости от результатов исследования дальнейшее совершенствование действующего законодательства.

Попытка такого исследования содержится во втором разделе настоящей работы.

ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ХОЗОРГАНОВ ЗА НАРУШЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

ГЛАВА IV

МЕХАНИЗМ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ХОЗОРГАНОВ ЗА НАРУШЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ И ЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ

Как уже отмечалось, результаты анализа эффективности законодательства об ответственности хозорганов за нарушения обязательств свидетельствуют о недостатках в действующем механизме ответственности. Судя по общим тенденциям эффективности законодательства об ответственности хозорганов, можно прийти к выводу, что основные причины ее недостаточности скрываются в принципиальной схеме механизма ответственности.

Выявление и устранение недостатков схемы может быть достигнуто путем логического анализа модели механизма ответственности и ее совершенствования. Представляется необходимым подчеркнуть, что моделирование с философской точки зрения может быть охарактеризовано как развитие тех приемов упрощения, которые облегчают познание явлений действительности¹. Для решения задачи выдвигается определенная гипотеза, создается модель, которая может изменяться, дополняться, совершенствоваться. Если оказывается, что построенная на некоторых принципах модель не работает, то это свидетельствует о несостоятельности принципов².

Метод моделирования универсален, поэтому он применим ко всем областям научного познания³, может быть использован и в праве. Модель правовая, как и

¹ См. А. Н. Кочергин, Моделирование мышления, «Политическая литература», 1969, стр. 17.

² См. А. Н. Кочергин, цит. работа, стр. 18.

³ См. А. Н. Кочергин, цит. работа, стр. 21.

любая модель, нуждается в теоретическом обосновании¹.

§ 1. Принципы и характерные черты гражданско-правовой ответственности

Говоря о механизме гражданско-правовой ответственности, в первую очередь необходимо выделить принципиальные, основополагающие идеи, в соответствии с которыми он строится. В литературе, как правило, отмечаются три принципа гражданско-правовой ответственности: 1) социалистической законности; 2) полного возмещения; 3) ответственности за вину². Попытаемся проследить, как отражены эти принципы в законодательстве об ответственности хозорганов за нарушение обязательств.

Принцип социалистической законности	Принцип социалистической законности является общим правовым принципом и четко вырисовывается в гражданском законодательстве как в части целого — социалистической системы права. Привлечение к гражданско-правовой ответственности может иметь мес-
--	---

¹ Мы не будем останавливаться на классификации разных видов моделей. Необходимо только учитывать, что модели могут быть не только материальными, но и идеальными (о классификации моделей и общем определении модели см. А. Н. Кочергин, цит. работа, стр. 27—35).

² См. О. С. Иоффе, Ответственность по советскому гражданскому праву, изд-во ЛГУ, 1955, стр. 18—30. Некоторые авторы расширяют круг принципов, лежащих в основе гражданско-правовой ответственности, либо сужают его.

Так, В. П. Грибанов выделяет четыре принципа гражданско-правовой ответственности: 1) строжайшее соблюдение советских законов всеми организациями, должностными лицами и гражданами; 2) имущественный характер ее воздействия; 3) принцип полного возмещения вреда или убытков; 4) принцип ответственности за вину («Гражданское право», т. 1, «Юридическая литература», 1969, стр. 519—522; «Советское гражданское право», т. 1, Госюриздат, 1959, стр. 433—434). Е. А. Флейшиц и А. Л. Маковский отмечают два принципа, лежащих в основе всех общих норм, определяющих ответственность за нарушения обязательств, — принцип вины и принцип полного возмещения причиненных нарушением обязательств убытков (Е. А. Флейшиц и А. Л. Маковский, О повышенной и ограниченной ответственности социалистических организаций за нарушение обязательств по советскому гражданскому законодательству, «Ученые записки ВНИИСЗ», вып. 9, 1966, стр. 42).

то лишь как результат нарушения обязанности, возложенной на должника законом или принятой им в соответствии с законом. Применительно к ответственности хозорганов этот принцип не только находит полное отражение в законодательстве, но и приобретает большую рельефность за счет сужения сферы усмотрения сторон правоотношений, императивных предписаний закона. Последнее обстоятельство неоднократно отмечалось в правовой литературе¹.

Принцип полного возмещения Принцип полного возмещения причиненного правонарушением ущерба, полного устранения противоправных последствий провозглашен именно как принцип гражданско-правовой ответственности. Провозглашение принципа полного возмещения вызывает возражения. Говоря о нем, О. С. Иоффе подчеркивает, что с экономической точки зрения причиненный ущерб, строго говоря, вообще невозместим, так как его ликвидация неизбежно связана с дополнительными трудовыми затратами, которые при отсутствии ущерба социалистическое общество могло бы вложить в создание новых материальных ценностей. Но он вполне возместим с точки зрения лица, право которого было нарушено, при условии, что наступившее в его сфере отрицательные имущественные последствия будут целиком перенесены на счет правонарушителя². Иными словами, причиненный ущерб невозместим для государства, для всего общества, но возместим для конкретного хозоргана. Но тогда речь должна идти не о принципе полного возмещения ущерба, а лишь о компенсационной функции гражданско-правовой ответственности.

Собственником всего государственного имущества является государство. Хозорган лишь осуществляет оперативное управление частью этого имущества. Ущерб, нанесенный хозорганом невыполнением своих обязательств, государству через гражданско-правовую ответственность вообще не возмещается. О возмещении ущерба можно было бы говорить, лишь если бы в результате применения норм об ответственности имело место вос-

¹ См., например, Договоры в социалистическом хозяйстве, «Юридическая литература», 1964, стр. 80—81.

² См. О. С. Иоффе, Ответственность по советскому гражданскому праву, стр. 24.

становление имущественной сферы собственника (государства) за счет собственности иной категории (личной, колхозно-кооперативной, общественных организаций). В случаях нарушения хозорганами обязательств такого восстановления в силу норм о гражданско-правовой ответственности не происходит. Некоторое возмещение ущерба имеет место лишь по трудовому законодательству (ст. 49 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде).

Но, быть может, принцип полного возмещения действует в отношении хозоргана-кредитора и речь должна идти не о полном устранении противоправных последствий, возникших в имущественной сфере государства, а лишь в сфере кредитора — юридического лица? Думается, что исходя из действующего законодательства и с такой постановкой вопроса согласиться нельзя..

Статья 36 Основ устанавливает, что в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства должником он обязан возместить кредитору причиненные этим убытки. Под убытками разумеются расходы, произведенные кредитором, утрата или повреждение его имущества, а также не полученные кредитором доходы, которые он получил бы, если бы обязательство было исполнено должником. Таким образом, казалось бы, что принцип полного возмещения в отношении хозоргана-кредитора действительно действует. Однако это не совсем так.

Понимая принцип как основное правило, мы могли бы согласиться с действием принципа полного возмещения (со сделанными оговорками), если бы он проводился законодателем в большинстве видов обязательств, участниками которых выступают хозорганы.

В соответствии с ч. 4 ст. 36 Основ по отдельным видам обязательств законодательством Союза ССР и союзных республик может быть установлена ограниченная ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств. При анализе трех основных видов хозяйственных договоров (поставки, перевозки, подряда на капитальное строительство) мы убеждаемся в том, что по двум из них правило, установленное ч. 1 ст. 36 Основ, не действует или действует с ограничениями.

В соответствии с ч. 3 ст. 72 Основ и транспортным

законодательством по договорам перевозки не полученные кредитором в результате нарушения обязательства доходы, которые он получил бы, если бы обязательство было исполнено должником, не взыскиваются. Произведенные кредитором расходы, утрата или поврежденные имущества перевозчиком возмещаются не полностью¹. В соответствии с ч. 1 ст. 70 Основ за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по договору подряда на капитальное строительство ответственная за это сторона возмещает не покрытые неустойкой убытки, выразившиеся в произведенной другой стороной расходах, в утрате или повреждении ее имущества. Не полученные кредитором доходы не возмещаются.

К сказанному следует добавить, что на основании ст. 82 Устава Госбанка СССР за нарушение банком договорных обязательств в случае неправильной выдачи денежных средств или неправильного зачисления их на счета Госбанк несет ответственность за ущерб, причиненный клиентам, в пределах неправильно выданных или зачисленных денежных сумм. Как правильно отмечает Я. А. Куник, в других случаях банк не должен возмещать убытки². В соответствии со ст. 83 Устава во всех остальных случаях ответственность Госбанка перед клиентом ограничивается штрафом, предусмотренным Положением о штрафах за нарушения правил документооборота.

Действующие нормы исключают возможность переложения договорных убытков поставщика на организацию, снабжающую его тепло-, электроэнергией, в частности, если установлено, что недопоставка изделий поставщиком обусловлена неподачей ему электроэнергией или теплоэнергией.

Таким образом, основная масса наиболее распространенных обязательств не знает «принципа полного возмещения».

Остается договор поставки, в отношении которого правило ч. 1 ст. 36 Основ применяется наиболее полно.

¹ См. ст.ст. 143, 148—154 УЖД СССР; ст.ст. 179, 188—196 УВВТ СССР; ст. 163 КТМ СССР; ст.ст. 102—106 ВК СССР; ст.ст. 132—139, 152 УАТ РСФСР.

² См. Я. А. Куник, Кредитные и расчетные отношения в торговле, «Экономика», 1970, стр. 270.

Однако и здесь в результате недостатков законодательства и трудностей чисто практического характера это правило знает серьезные исключения.

Часть 2 ст. 50 Основ предусматривает, что неустойка (штраф, пеня) и убытки за нарушение обязанностей по договору поставки взыскиваются в соответствии с Положениями о поставках и Особыми условиями поставки.

Положениями о поставках продукции и товаров (ответственно пп. 88 и 90) устанавливается, что независимо от уплаты неустойки (штрафа, пени) сторона, нарушившая договор, возмещает другой стороне причиненные в результате этого нарушения убытки в части, не покрытой неустойкой (штрафом, пеней). Таким образом, Положения предусматривают зачетные неустойки. Исключение составляют лишь неустойки, взыскиваемые в связи с поставкой изделий ненадлежащего качества или некомплектных. Последние носят штрафной характер и убытки в этих случаях взыскиваются без зачета неустойки (штрафа, пени).

Зачетные неустойки сами по себе не являются средством реализации «принципа полного возмещения». При их взыскании суммы убытков, включенных в неустойку, и суммы «собственно неустойки» не дифференцируются. Вместе с тем, как отмечалось выше, число исков о взыскании убытков из года в год снижается. Причины снижения числа таких требований, в первую очередь, кроются в сложности соответствующих расчетов и в трудностях доказывания причинных связей между нарушениями обязательств и возникшими убытками¹. Но независимо от причин, лежащих в основе явления, оно само свидетельствует о «пробуксовывании» механизма ответственности при реализации «принципа полного возмещения».

И еще одно, на наш взгляд, серьезное замечание. Взысканные в составе зачетных неустоек суммы убытков не могут быть использованы кредиторами на производственные нужды по своему усмотрению. Следо-

¹ В связи со сказанным заслуживает одобрения работа, проводимая Донецким институтом экономики промышленности Академии наук УССР по разработке методики определения размера убытков (см. В. К. М а м у т о в, В. В. О в с и е н к о, В. Я. Ю д и н, Предприятие и материальная ответственность, Киев, 1971).

вательно, «возмещение» такого рода носит относительный характер.

В связи со сказанным утверждение о том, что механизм ответственности хозорганов за нарушение обязательств построен на «принципе полного возмещения», по-видимому, недостаточно обоснованно. Принцип, который не прослеживается в большинстве отношений, а лишь в части из них, в основном лишь декларируется, не может быть признан принципом действующего механизма ответственности.

**Принцип
ответственности
за вину**

Принцип ответственности за вину провозглашен формулой ст. 37 Основ: лицо, не исполнившее обязательства либо исполнившее его ненадлежащим образом, несет имущественную ответственность лишь при наличии вины (умысла или неосторожности), кроме случаев, предусмотренных законом или договором.

Имеющиеся в действующем законодательстве отдельные отступления от принципа вины ни в коей мере не колеблют его значения. Принцип вины без каких-либо оговорок может быть признан одним из основополагающих условий действия механизма гражданско-правовой ответственности хозорганов за нарушение своих обязательств.

Однако при более детальном анализе принципа вины (применительно к юридическим лицам) возникает ряд трудностей, необходимость разрешения которых диктуется практикой применения механизма ответственности, целями его совершенствования.

Действительно, в науке права господствующей точкой зрения является признание «субстратом» юридического лица определенным образом организованного коллектива рабочих и служащих во главе с его руководителем. Мы полностью присоединяемся к такому решению вопроса. Однако оно не дает ясного представления о формировании воли юридического лица, о соотношении воли его органа и членов коллектива, а следовательно, о вине юридического лица как основании его ответственности. Как подчеркивал Г. К. Матвеев, «самым трудным... является вопрос о содержании вины юридических лиц, а значит, и вопрос о воле юридических лиц, а также о воле их органов и лиц, составляющих коллектив юридического лица, т. е. в конечном

счете вопрос о соотношении коллективной и индивидуальной воли»¹. Е. А. Флейшиц отмечала, что в судебной практике и в юридической литературе² установился взгляд, согласно которому юридическое лицо отвечает за неисполнение по вине его органов или других работников обязанностей, возникших для юридического лица из договоров или других сделок, совершенных от его имени его органами или лицами, уполномоченными на то доверенностью в пределах своих полномочий³. После издания Основ Е. А. Флейшиц, анализируя ст. 88 и считая, что в понимании ответственности за вину при причинении внедоговорного вреда и при нарушении договорных обязательств не может быть различия, пришла к тому же выводу: отвечая за неисполнение или ненадлежащее исполнение договорных обязательств, юридическое лицо отвечает за действия своих работников⁴.

С. Н. Братусь подчеркивал, что ответственность юридического лица за действия его работников есть ответственность за свои действия⁵. К юридическому лицу могут быть применены все категории, заключенные в понятии вины, (умысел, неосторожность, вменение и т. д.) в области гражданско-правовых отношений⁶. Однако если вина является психическим отношением лица к своим противоправным действиям и их последствиям или, иными словами, волевым, сознательным отношением, а воля — это активность человека, осущест-

¹ См. Г. К. Матвеев, Вина в советском гражданском праве, Киев, 1955, стр. 203.

² Имелась в виду высказывания по этому поводу С. Н. Братуся («Субъекты гражданского права», Госюриздат, 1950, стр. 205—212); П. Б. Новицкого и Л. А. Лунца («Общее учение об обязательстве», Госюриздат, 1950, стр. 354); Б. С. Антимонова («Ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности», Госюриздат, 1951); Е. А. Флейшиц («Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения», Госюриздат, 1951, стр. 110).

³ См. Е. А. Флейшиц, Расчетные и кредитные правоотношения, 1956, стр. 49.

⁴ См. Е. А. Флейшиц, Ответственность организаций за действия их работников, «Ученые записки ВНИИСЗ», вып. 4, 1965, стр. 153.

⁵ См. С. Н. Братусь, Субъекты гражданского права, стр. 211—212.

⁶ См. там же, стр. 207.

ствляемая с заранее поставленной целью, с предварительным выбором средств, ведущих к достижению цели, и с применением сознательного усилия¹, то, говоря о воле юридического лица, мы должны либо связывать ее с волей конкретных людей, либо признать существование оторванной от человека воли.

Соответственно должны строиться рассуждения о вине коллектива и его членов.

Воля юридического лица может мыслиться как:

- 1) коллективная воля его членов (работников);
- 2) воля органа юридического лица либо его представителей;
- 3) воля отдельных членов (работников) юридического лица.

Воля юридического лица, как коллективная воля его членов (работников), может иметь место в случаях объективного выражения ее вовне. Тогда, как правильно отметил Г. К. Матвеев, она приобретает самостоятельный и относительно независимый характер по отношению к воле отдельных членов данного коллектива². Такого выражения воли коллектива в гражданско-правовых отношениях юридических лиц не требуется. Заключение и исполнение договоров осуществляется отдельными работниками юридического лица, для совершения соответствующих действий коллектив в целом свою санкцию не дает.

Таким образом, анализ воли коллектива в целом выходит за рамки исследования, проводимого нами.

Воля органа юридического лица либо его представителей имеет решающее значение при установлении, изменении и прекращении договорных отношений. Как правильно подчеркивал Б. Б. Черепяхин, только от органов юридического лица, представляющих его вовне³,

¹ См. П. И. Иванов, Психология, М., 1959, стр. 301.

² См. Г. К. Матвеев, Вина в советском гражданском праве, стр. 208.

³ Б. Б. Черепяхин делил органы юридического лица на представляющие и не представляющие (представляющие юридическое лицо вовне и изъявляющие свою волю внутри юридического лица). Мы не будем останавливаться на правильности и целесообразности предложенного деления органов юридического лица. В настоящей работе мы исходим из ч. 1 ст. 28 ГК РСФСР, согласно которой «юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя граждан-

могут исходить внешние юридические акты, в том числе сделки, процессуальные акты и другие целенаправленные юридические действия. Только через эти органы юридическое лицо реализует свою дееспособность (сделкоспособность)¹. Вместе с тем орган юридического лица может совершать юридические акты лично своими волеизъявлениями или через других лиц, уполномоченных на выступление от имени юридического лица (представителей)².

Волевые действия органа юридического лица (правомерные и неправомерные) безусловно являются действиями самого юридического лица со всеми вытекающими отсюда последствиями. Действия представителей создают, изменяют и прекращают права и обязанности для представляемого юридического лица лишь в соответствии с нормами гл. 4 ГК РСФСР. В частности, при совершении представителем сделки с превышением полномочия она создает, изменяет и прекращает гражданские права и обязанности лишь в случае последующего одобрения этой сделки представляемым (ст. 63 ГК РСФСР). Следовательно, в гражданском праве воля органа юридического лица либо воля его представителей (в очерченных законом пределах) признаются волей юридического лица.

Самым сложным, на наш взгляд, является вопрос о соотношении воли юридического лица и членов его коллектива (работников).

ские обязанности через свои органы, действующие в пределах прав, предоставленных им по закону и уставу (положению)». Следуя делению, предложенному Б. Б. Черепаниным, под органом юридического лица нами понимается орган, представляющий юридическое лицо вовне.

¹ См. Б. Б. Черепанин, Органы и представители юридического лица, «Ученые записки ВНИИСЗ», вып. 14, 1968, стр. 135.

² Там же. Б. Б. Черепанин полагал, что в большинстве случаев волеобразующим органом государственной организации является директор, управляющий и т. д.; что же касается исходящих от юридического лица правомерных юридических актов, волеобразующий орган является волеизъявляющим. В части правонарушительных актов волеизъявляющий коллектив охватывает весь личный субстрат госоргана (его орган, служащих и рабочих) (см. Б. Б. Черепанин, Волеобразование и волеизъявление юридического лица, «Правоведение» 1958 г. № 2, стр. 48).

Если первое утверждение не вызывает возражений, то со вторым согласиться нельзя. Волеизъявление работника не равно волеизъявлению всего коллектива госоргана.

Как уже отмечалось, в соответствии с господствующей точкой зрения, неоднократно высказывавшейся в литературе, работники юридического лица, выполняя свои служебные обязанности, осуществляют деятельность юридического лица. Если этой деятельностью причинен противоправный вред третьим лицам (в договорных и внедоговорных отношениях), за этот вред несет ответственность юридическое лицо, как за свои действия. Вина работников юридического лица является виной самого юридического лица¹.

Изложенная концепция апробирована временем, стала привычной. Вместе с тем нельзя не отметить в ней хотя и не бросающиеся в глаза, но весьма серьезные противоречия, имеющие не только теоретическое, но и практическое значение.

Действительно, если вина работников юридического лица, выполняющих свои трудовые обязанности, является виной самого юридического лица, то и воля этих работников является волей юридического лица.

Воля и действия юридического лица, по мнению Г. К. Матвеева, состоят из воли и действий его членов (участников), а также из воли и действий его органов. Виновность предприятия есть виновность лиц, его составляющих, а также лиц, организующих его деятельность². Вместе с тем виновность юридического лица — это особая вина коллектива, так как психологическим содержанием ее служит порочная воля (и сознание) участников этого коллектива, а не отдельных индивидуумов³.

Так ли это? Думается, что нет. Волевые действия юридического лица совершаются его органом. Иная точка зрения приведет к признанию того, что любой работник юридического лица является носителем его воли⁴.

Воля коллектива — это воля его членов, но воля коллективная. Воля отдельного члена коллектива не

¹ См. Б. Б. Черепанин, Органы и представители..., стр. 138.

² Г. К. Матвеев, Вина в советском гражданском праве, Киев, 1955, стр. 214.

³ Там же.

⁴ Вина — психическое отношение к неправомерному действию или бездействию, волевое отношение.

может отождествляться с волей коллектива. Соответственно должно строиться рассуждение и о вине коллектива.

При признании виновности лица, работающего на предприятии, виновностью самого предприятия, ставится знак равенства между виной отдельного лица и виной предприятия. Или, иначе, если работник ОТК не забраковал недоброкачественную продукцию (вина работника), виновен весь коллектив предприятия, хотя коллективной воли мы здесь не наблюдаем, здесь нет и воли органа юридического лица.

Но, возразят нам, юридическое лицо несет ответственность за действия своих работников. По какому основанию? Да, несет. Что же касается основания, то можно напомнить высказывание М. М. Агаркова: «Если вред причинен рабочим или служащим юридического лица при исполнении ими служебных обязанностей, то юридическое лицо отвечает лишь за свою (своих органов) вину при выборе и надзоре (*culpa in eligendo et in custodiendo*)»¹.

Если вина работника есть вина юридического лица, то, следовательно, она является виной всего коллектива во главе с органом юридического лица либо виной самого органа. Думается, что с такой постановкой вопроса трудно согласиться. Признание вины работника виной юридического лица означает и признание ее одинаковой формы (умысел, неосторожность). Вина, воля присущи только людям, которые стоят за понятием «юридического лица», поэтому мы вынуждены будем исходить из того, что умысел работника означает умысел органа (коллектива), а неосторожность работника — неосторожность органа (коллектива). Очевидно, что такое признание также неприемлемо.

Следует отметить, что смешение вины работника с виной юридического лица вольно или невольно ограничивает сферу воздействия механизма ответственности юридического лица. Происходит логически последовательная подмена конкретного виновника «виновником» коллективным, в результате которой «конкретный носитель зла» остается ненаказуемым.

¹ М. М. Агарков, К вопросу о договорной ответственности, сб. «Вопросы советского гражданского права», изд-во АН СССР, 1945.

По-видимому, сложившееся господствующее представление об основаниях ответственности юридического лица за действия своих работников было исторически обусловлено имевшим место представлением об абсолютном единстве интересов государства, предприятия и работника, об их «гармоническом сочетании».

Общепризнанное в настоящее время существование неантагонистических противоречий между всем обществом, коллективом предприятия и отдельным трудящимся заставляет по-новому осмыслить проблему¹. При противоречии интересов предприятия и работника нельзя ставить знак равенства между их волей и виной.

В заключении мы приходим к выводу, что воля юридического лица выражается только его органом, и, следовательно, говоря о вине юридического лица, также можно говорить только о вине его органа. вина органа юридического лица за действия своих работников (при исполнении ими служебных обязанностей) является виной за необеспечение надлежащей организации деятельности всех звеньев юридического лица. Форма вины органа может не совпадать с формой вины работников юридического лица².

Но не отрывает ли предлагаемая постановка вопроса работника юридического лица от коллективного образования в которое он входит? Думается, что нет. Отношения работника с юридическим лицом выходят за пределы науки гражданского права. Гражданское право рассматривает участников гражданского оборота — юридическое лицо как таковое, его волю, вину и ответственность.

Как правильно отмечает С. Н. Братусь³, работник при выполнении своих обязанностей не противостоит юридическому лицу в качестве отличного от него субъекта права. Юридическое лицо несет ответственность за его действия, как правомерные, так и неправо-

¹ О трех видах экономических интересов более подробно см. § 1 гл. V настоящей работы.

² Такая точка зрения уже высказывалась нами (см. И. Н. Петров, вина как условие ответственности хозорганов за нарушение ответственности, «Советская юстиция» 1969 г. № 24).

³ См. С. Н. Братусь, Субъекты гражданского права, стр. 211.

мерные (при условии, что эти действия совершены им при выполнении своих обязанностей).

Можно полностью согласиться с Р. О. Халфиной, когда она пишет, что «понятие собственной вины юридического лица неразрывно связано с понятием организации деятельности последнего. Задачей юридического лица является организация определенной деятельности... Положительной обязанностью юридического лица является надлежащая организация его деятельности, исключаяя неправомерное причинение вреда другим лицам. Невыполнение этой обязанности составляет собственную вину юридического лица»¹.

Организация деятельности юридического лица (в целом) — обязанность его органа. Поэтому невыполнение этой обязанности есть вина самого юридического лица.

Справедливое замечание С. Н. Братуся о том, что задачей юридического лица является не только организация определенной деятельности, но и сама эта деятельность, не меняет положения вещей. Орган юридического лица отвечает и за его деятельность, необеспечение которой есть вина органа, вина юридического лица.

Таким образом, вина юридического лица — вина его органа. Только при таком решении она может быть персонифицирована и обрести реальное значение.

Изложенная точка зрения вытекает из положений, высказанных В. И. Лениным, об ответственности хозяйственных предприятий. Говоря об ответственности трестов и предприятий на хозрасчете, В. И. Ленин указывал, что если безубыточность предприятий оказывается недостигнутой, то должны привлекаться к суду и караться тресты «в составе всех членов правления», т. е. в составе органа юридического лица.

В. И. Ленин писал: «Обдуманы ли формы и способы ответственности членов правлений трестов за неправильную отчетность и за *убыточное* ведение дела?»². Речь идет об ответственности органа, юридического лица.

¹ Цитируется по кн. С. Н. Братуся, Субъекты гражданского права, стр. 211, сноска 1.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 54, стр. 160.

Характерные
черты
гражданско-
правовой
ответственности

Наряду с принципами гражданско-правовой ответственности, под которыми мы понимаем основные идеи, заложенные законодателем в механизм ответственности, могут быть выявлены характерные черты гражданско-правовой ответственности¹ — черты объективно ей присущие, определенные предметом и методом правового регулирования.

Специфическими чертами гражданско-правовой ответственности являются: 1) имущественный и 2) компенсационный характер; 3) поступление результатов применения санкций в пользу лица, право которого нарушено; 4) возможность быть предусмотренной соглашением сторон; 5) зависимость применения санкций от усмотрения кредитора; 6) возможность ее добровольного возложения на себя правонарушителем.

§ 2. Анализ схемы механизма ответственности

Выявить принципы гражданско-правовой ответственности и ее характерные черты еще недостаточно. Необходимо проверить, какую рабочую нагрузку они несут.

Принципы
механизма
ответственности

Принцип социалистической законности, как уже отмечено, — общий принцип социалистического права. Он находит свое преломление в праве гражданском, в том числе в гражданско-правовой ответственности. Если законность — это общественное явление, связанное лишь с определенной формой государственного строя — с демократией², то социалистическая законность является основой социалистической демократии и формой ее существования.

¹ См. И. Н. Петров, Характерные черты гражданско-правовой ответственности, «Ученые записки ВНИИСЗ», вып. 20, 1970, стр. 51—65.

² См. И. С. Самощенко, Охрана режима законности Советским государством, Госюриздат, 1960, стр. 8.

Советская социалистическая законность — безусловное, точное соблюдение, неуклонное исполнение правовых актов органами государства, должностными лицами, гражданами и общественными организациями¹. Социалистической законности — конституционному принципу нашей страны, его значению посвящена обширная правовая литература, и мы останавливаться на нем не будем.

Нам нужно только еще раз подчеркнуть, что принцип социалистической законности лежит и в основе гражданско-правовой ответственности.

Гражданско-правовая ответственность является не только средством борьбы за социалистическую законность, но и сама обеспечивается ею.

Несколько иная оценка может быть дана «принципу полного возмещения». Выше мы уже отмечали, что этот принцип по существу не действует, когда речь идет об ответственности государственных предприятий друг перед другом.

Государство, и в его лице все наше общество заинтересовано в максимальном возмещении потерь, возникших в его имущественной сфере в результате нарушения тем или иным хозорганом своих обязательств. Компенсация, получаемая хозорганом-кредитором от хозоргана-должника, может лишь в лучшем случае покрыть убытки кредитора. Потери государства как единого собственника всего государственного имущества и хозяйственного субъекта таким путем возмещены быть не могут. Решение проблемы возмещения возможно только при компенсации потерь другим собственником: гражданами — работниками предприятий и организаций, виновных в нарушении обязательств и причинении этим ущерба.

Понятно, что полное возмещение ущерба за счет работников юридических лиц — должников может

¹ См. А. Е. Лунев, С. С. Студеникин, Ц. А. Ямпольская, Социалистическая законность в советском государственном управлении, Юриздат, 1948, стр. 19; В. И. Попова, Социалистическая законность в деятельности местных Советов, Госюриздат, 1954, стр. 14; Н. Г. Александров, Законность и правоотношения в советском обществе, Госюриздат, 1955, стр. 66—74; Д. А. Керимов, Обеспечение законности в СССР, Госюриздат, 1956, стр. 15.

иметь место редко, когда сумма убытков незначительна¹. В большинстве случаев возмещение может быть лишь частичным. Разница между убытками и их возмещением — плата за недостатки управления, плата, к сожалению, некомпенсируемая.

Частичное возмещение убытков государства решается трудовым законодательством путем установления имущественной ответственности работников перед хозорганом. Однако эта ответственность не находится в прямой связи с гражданско-правовой ответственностью хозоргана-должника. Первая не является необходимым следствием второй, а зависит от усмотрения органа юридического лица — должника². Замыкаясь на хозоргане, гражданско-правовая ответственность не обеспечивает возмещения ущерба государства.

Вместе с тем постановка вопроса о возмещении обществу имущественных потерь, вызванных действиями отдельных работников, является верной. Поэтому ЦК КПСС, Совет Министров СССР п. 10 постановления от 4 октября 1965 г. № 729 «О совершенствовании планирования и усиления экономического стимулирования промышленного производства» поручили разработать предложения о материальной ответственности должностных лиц промышленных, транспортных, проектных и конструкторских организаций за невыполнение соответствующих заданий и обязательств.

В связи со сказанным применительно к ответственности государственных хозорганов друг перед другом, по нашему мнению, речь должна идти не о «принципе полного возмещения», а о «принципе максимального возмещения». Под возмещением следует понимать не компенсацию должником кредитору понесенных последним убытков, а возмещение имущественных потерь государства. Предложения по практической реализации «принципа максимального возмещения» будут даны в главе V.

¹ При рассмотрении излагаемого вопроса имеются в виду не убытки, возникшие в имущественной сфере того или иного хозоргана, а потери, понесенные государством: простой оборудования, излишние выплаты заработной платы, израсходованные материалы и т. п.

² Более подробно этот вопрос будет рассмотрен в гл. V настоящей работы.

Что касается «принципа полного возмещения», понимаемого как перенесение имущественных потерь кредитора на правонарушителя, то в соответствующих случаях, как уже отмечалось, следует говорить о компенсационной функции гражданско-правовой ответственности. Анализ ее будет дан при рассмотрении полноты учета в законодательстве характерных черт гражданско-правовой ответственности.

Принцип вины в гражданско-правовой ответственности является не только «работающим» принципом, но и несущим максимальную нагрузку¹. Только при ответственности за вину, понимаемую как психическое отношение лица к совершенному им противоправному действию или бездействию, а также к наступающим в связи с этим последствиям, можно говорить о превентивной и воспитательной функциях гражданско-правовой ответственности². Попытки приписать эти функции ответственности без вины, на наш взгляд, неубедительны.

Так, Б. С. Антимонов видел в ответственности без вины владельца источника повышенной опасности не только побуждение избегать виновного поведения, но и «всеми мерами, не жалея труда, времени и затрат, разрабатывать все новые методы и средства для сужения круга несчастных случаев, для сведения опасности к нулю»³. С ним соглашается О. С. Иоффе, полагая, что нормы, не связывающие ответственность с виной причинителя, служат средством осуществления предупредительно-воспитательной функции советского гражданского права в специфической области социалистических

¹ Принцип вины как принцип социалистической законности — общий принцип юридической ответственности.

И. С. Самошенко отмечал, что государственный юридический упрек в советском обществе есть осуждение поступка лица государством. Это осуждение возможно лишь за такой поступок, который был следствием отрицательного внутреннего отношения лица к интересам советского общества, следствием умысла или неосторожности (И. С. Самошенко, Юридическая ответственность в советском обществе, «Ученые записки ВНИИСЗ», вып. 2 (19), 1964, стр. 39).

² См. Н. С. Маленин, Вина — необходимое условие имущественной ответственности, «Советское государство и право» 1971 г. № 2, стр. 28 и след.

³ Б. С. Антимонов, Значение вины потерпевшего при гражданском правонарушении, Госюриздат, 1950, стр. 38.

общественных отношений¹. Е. А. Флейшиц считала очевидным, «что и установленная правовыми нормами обязанность восстановления нарушенного без вины общественного отношения стимулирует к воздержанию от таких нарушений»².

Однако, по-видимому, трудно представить предупредительно-воспитательные функции ответственности, если совершающие соответствующие действия лица не осознают, не знают и не должны знать, какая цепь событий будет вызвана их поведением, не воспринимают и не должны воспринимать свои действия как противоречащие интересам общества.

Юридическая ответственность — один из видов социальных санкций. По утверждению представителей социальной психологии, социальные санкции эффективны, когда существует согласие относительно правильности их применения, ибо социальный контроль связан с обеспечением поведения лиц в рамках групповых экспектаций (взаимных ожиданий — требований членов социальных групп) и в конечном счете основывается на согласии³. Согласие же предполагает определенный уровень понимания санкции членами социальной группы и представление о ней как о справедливой. Невинная ответственность заранее исключает и то и другое. Следовательно, она как ответственность не может быть эффективной.

Постановка вопроса о стимулировании «всеми мерами, не жалея труда, времени и затрат, разрабатывать новые меры и средства для снижения круга несчастных случаев, для сведения опасности к нулю» неясна. Какие новые меры и средства должен разрабатывать гражданин — владелец автомашины или мотоцикла, на что он не должен жалеть труда, времени и затрат? Что же касается юридических лиц, в круг деятельности которых не входит решение соответствующих вопросов, то

¹ См. О. С. Иоффе, *Ответственность по советскому гражданскому праву*, изд-во ЛГУ, 1955, стр. 191; его же, *Советское гражданское право*, изд-во ЛГУ, 1958, стр. 471—472.

² Е. А. Флейшиц, *Общие начала ответственности по Основам гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик*, «Советское государство и право» 1962 г. № 3, стр. 36.

³ См. Т. Шибутани, *Социальная психология*, изд-во «Прогресс», 1969, стр. 56.

за произведенными затратами может последовать только взыскание. Представьте себе суд, который для своей разъездной машины разрабатывает приспособления, «сводящие опасность к нулю», и тратит на это бюджетные средства, выделенные для иных целей.

Если же говорить о хозорганах, в функции которых входит решение соответствующих вопросов, то они обязаны заниматься «разработкой» в силу возложенных на них задач, а не в связи с возможной гражданско-правовой ответственностью за невинные действия своих работников. К этому следует добавить, что любая продукция, выпускаемая промышленностью, должна соответствовать государственным стандартам или техническим условиям (в том числе и источники повышенной опасности), при утверждении которых компетентные органы определяют степень достаточности мер и средств для снижения круга несчастных случаев, для сведения опасности к нулю.

Признавая отсутствие превентивной и воспитательной функций у ответственности без вины (за случай, непреодолимую силу) в обязательствах, возникающих из причинения вреда, мы должны сказать то же и о невинной ответственности в договорных обязательствах¹. Однако если ответственность без вины в первом случае может быть объяснена объективной причиной — необходимостью компенсации и при невинных действиях, обусловленной рядом моментов, то во втором — этих причин нет. Именно поэтому нормы, устанавливающие такую ответственность, неоднократно критиковались. Примером тому может служить абз. 8 п. 59 Положения о поставках продукции и абз. 8 п. 60 Положения о поставках товаров 1969 г., воспринявшие с некоторым дополнением абз. 7 п. 59 Положения о поставках продукции и абз. 11 п. 57 Положения о поставках товаров 1959 года. Речь идет об установленной этими нормами ответственности поставщика за недопоставку продукции «в пределах утвержденного плана

¹ Мы оставляем без рассмотрения ответственность за чужую вину, вопросы, связанные со встречной виной кредитора. Не затрагивается нами и совместная ответственность нескольких должников. Перечисленные случаи ответственности являются различными модификациями ответственности за вину.

перевозок», т. е. о том, что, если транспортная организация в пределах плана перевозок не предоставила поставщику транспортных средств, последний несет ответственность перед покупателем за недопоставку. Если же перевозка недопоставленной продукции не была включена в план перевозок — поставщик от ответственности освобождается¹.

Положения о поставках 1969 года дополнены нормой о том, что поставщик не освобождается от ответственности в случаях, когда по его вине в плане предусмотрено недостаточное количество перевозочных средств либо когда этот план уменьшен по обстоятельствам, зависящим от поставщика. Данное дополнение закрепило существовавшую и ранее практику арбитража, в соответствии с которой ответственность поставщика ограничивалась планом перевозок, только если сам план не соответствовал потребностям поставщика не по его вине (перевозка предусматривалась заявкой, но не была включена в план; поставщик настаивал на увеличении плана и т. п.). Решение основного вопроса осталось прежним.

Как правильно отмечали Е. А. Флейшиц и А. Л. Маковский, из ст. 146 Устава железных дорог СССР, ст. 184 Устава внутреннего водного транспорта, ст. 92 Воздушного кодекса СССР видно, что ответственность поставщика за недопоставку в связи с неподачей перевозочных средств в пределах плана перевозок — ответственность не за чужую вину, отсутствие которой в соответствующих случаях могло бы быть доказано, а независимо от чьей бы то ни было вины². Действительно, уплатив неустойку за недопоставку, поставщик лишен возможности переложить ее (в виде понесенных им убытков) на перевозчика, а может лишь ограничиться взысканием штрафа за неподачу транспортных средств, который по своему размеру никак не соответствует уплачиваемым за недопоставку неустойкам.

В результате отрицательные последствия отражают-

¹ См. «Комментарий к Положениям о поставках продукции производственно-технического назначения и товаров народного потребления», Госюриздат, 1962, стр. 196—197, а также Н. И. Клейн и И. Н. Петров, Научно-практический комментарий к Положениям о поставках, «Юридическая литература», 1971, стр. 232—233.

² См. Е. А. Флейшиц, А. Л. Маковский, цит. работа, стр. 46.

ся на балансе поставщика и на имущественных интересах коллектива, невиновного в нарушении обязательства. Говорить о превентивной, воспитательной функции такой ответственности трудно.

Даже когда законодатель возлагает на одну из сторон по договору, казалось бы, оправданную, повышенную по основанию ответственность, например на организацию, для которой хранение является одной из целей деятельности, предусмотренной уставом (положением), ответственность за случай¹, она (ответственность) не обладает превентивной, воспитательной функцией, не является «наказанием» и, следовательно, перестает быть ответственностью. По-видимому, такого рода установления направлены на привлечение желающих заключить сделку с повышенной ответственностью хранителя. Целью такой ответственности не является недопущение правонарушений, ибо если правонарушения находятся за пределами вины, то бороться с ними правовыми средствами невозможно.

Необходимо также отметить, что хотя принцип вины последовательно проводится почти всем действующим законодательством, оно не учитывает форму вины должника: умысел и неосторожность.

В правовой науке укрепилось мнение, что в гражданском праве из двух форм вины преобладающее значение имеет неосторожность².

¹ В соответствии с ч. 1 ст. 427 ГК РСФСР такая организация освобождается от ответственности за утрату, недостачу или повреждение имущества, переданного на хранение, вызванные непреодолимой силой.

² См. И. Б. Новицкий и Л. А. Лунц, *Общее учение об обязательстве*, Госюриздат, 1950, стр. 328. Мы оставляем в стороне вопрос о критерии неосторожной вины, вопрос интересный и спорный, но выходящий за пределы исследования схемы механизма гражданско-правовой ответственности. Об этой проблеме см. Е. А. Флейшиц, *Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения*, Госюриздат, 1951, стр. 83; Б. С. Антимонов, *Основания договорной ответственности социалистических организаций*, «Юридическая литература», 1962, стр. 69; Х. И. Шварц, *Значение вины в обязательствах из причинения вреда*, Юриздат, 1939, стр. 36; И. Б. Новицкий и Л. А. Лунц, *Договорная ответственность*. «Советское право в период Великой Отечественной войны», Юриздат, 1948, стр. 119; О. С. Иоффе, *Советское гражданское право*, изд-во ЛГУ, 1958, стр. 462—463.

Особенно это относится к случаям нарушения хозяйственных обязательств, в которых контрагент оказывается неисправным не потому, что он к этому стремился (прямой умысел) или допускал срыв договорного обязательства (косвенный умысел), а потому, что действовал непродуманно, недостаточно осторожно, не проявил возможной для него настойчивости в исполнении обязательства¹.

Однако хотя в условиях социалистического хозяйства прямой умысел, направленный на нарушение договорных обязательств, встречается редко, косвенный умысел, лежащий в основе правонарушения, к сожалению, явление распространенное.

Несмотря на то что гражданско-правовая ответственность возникает независимо от формы вины должника, она (форма вины) должна учитываться при определении размера ответственности. В практике встречаются правонарушения, совершаемые только умышленно (например, невыборка продукции и товаров), совершаемые как умышленно, так и неосторожно (выставление бестоварных счетов, неосновательный отказ от акцепта счета), или, как правило, неосторожно (поставка нестандартной продукции, отгрузка продукции без удостоверения о качестве). Во всех перечисленных случаях компенсационный характер гражданско-правовой ответственности должен быть сохранен, однако размер штрафной ответственности должен зависеть от тяжести правонарушения, определяемого не только характером его последствий, но и формой вины должника.

В литературе отмечалось, что умышленное нарушение государственной дисциплины в области хозяйства значительно опаснее, чем неосторожное. Предлагалось учитывать степень интенсивности вины должника, предусмотреть повышенную ответственность за умышленное нарушение обязательств². Ука-

¹ См. Б. С. Антимонов, Основания договорной ответственности социалистических организаций, стр. 58.

² См. Х. И. Шварц, Значение вины в обязательствах из причинения вреда, стр. 43; Г. К. Матвеев, Вина в советском гражданском праве, стр. 240—242; Б. С. Антимонов, Основания договорной ответственности, стр. 136; Н. Маленин, Вина и гражданско-правовая ответственность, «Советская юстиция»

зывалось на случаи умышленного нарушения обязательств¹.

Думается, что было бы целесообразно законодательно предусмотреть дифференцированную штрафную ответственность должников за допускаемые ими правонарушения в зависимости от формы вины. Дифференцированная ответственность могла бы быть установлена либо в твердых размерах, либо с установлением высшего и низшего пределов. В настоящее время у органов госарбитража появилась возможность повысить ответственность должников, умышленно нарушивших обязательства. Пунктом 31 постановления Совета Министров СССР от 27 октября 1967 г. № 988 органам арбитража предоставлено право взыскивать со стороны по договору, грубо нарушивший его условия, неустойку, штраф, пеню в повышенном до 50% размере с обращением этой части взысканных сумм в доход союзного бюджета. Умышленное (особенно при прямом умысле) нарушение, безусловно, является «грубым» нарушением².

Однако такое решение вопроса еще недостаточно. Хозорган, его работники должны знать, что повышенная санкция за умышленное нарушение обязательства является не возможным, а необходимым следствием их действий (бездействия). Только при таких условиях установление соответствующей ответственности будет иметь воспитательное значение.

Подготовка норм о повышенной ответственности за умышленные нарушения обязательств сопряжена с трудностями, особенно при решении практических вопросов, связанных с оценкой формы вины должника. Но эти трудности могут быть преодолены.

Принцип вины является важнейшим принципом гражданско-правовой ответственности. Следовало бы

1968 г. № 2, стр. 8; В. А. Язев, Правовые формы хозяйственных связей промышленности и торговли, автореферат докт. дисс., М., 1970, стр. 26.

¹ См. И. Наумова, Споры по расчетам за продукцию и товары, «Советская юстиция» 1968 г. № 19, стр. 22.

² «Грубое» нарушение может пониматься только как дерзкое нарушение. Все остальные значения слова «грубый», указанные Далем, не могут быть отнесены к правонарушениям (В. Даль, Толковый словарь, т. 1, Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955, стр. 399).

еще раз проверить обоснованность редких исключений из общего правила, содержащихся в некоторых действующих нормах, в том числе и в пп. 59 и 60 Положений о поставках товаров и продукции.

**Принцип
максимального
учета интересов
государства,
юридических лиц
и их работников**

Исчерпываются ли принципы гражданско-правовой ответственности перечисленными выше? Думается, нет. Мы не склонны возводить в принцип второстепенные либо даже первостепенные, но не основополагающие моменты. Однако понимания под принципом руководящую идею, которая должна найти последовательное отражение в правовых нормах, следовало бы дополнить перечень принципов ответственности хозорганов еще одним: принципом максимального учета экономических интересов государства, юридических лиц и их работников¹.

ЦК КПСС и Совет Министров СССР постановлением от 4 октября 1965 г. № 729 «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства» признали, что существовавшие ранее методы и формы стимулирования в промышленности имели крупные недостатки и не отвечали новым требованиям хозяйственного строительства, современным технико-экономическим условиям и уровню развития производительных сил. Признав необходимым положить в основу экономических отношений между предприятиями принцип взаимной материальной ответственности, партия и правительство наметили пути максимальной увязки экономических интересов государства, коллективов предприятий и их работников.

Опосредуя экономические отношения, право не может остаться безучастным к сдвигам в формах и методах руководства экономикой. Это полностью относится и к гражданско-правовой ответственности, являющейся одним из видов стимулирования, стимулированием негативным.

¹ Следует отметить, что С. Н. Братусь в числе основных принципов советского гражданского права называет сочетание общественных и личных интересов (см. С. Н. Братусь, Предмет и система советского гражданского права, стр. 143).

Насколько отражены в нормах гражданско-правовой ответственности интересы всего общества, отдельных производственных коллективов и их работников, насколько удачно решается вопрос об их сочетании, мы попытаемся проанализировать в дальнейшем. Пока же можно лишь констатировать, что принцип учета интересов государства, юридических лиц и их работников не только должен быть провозглашен, но и последовательно проведен через все нормы об ответственности хозорганов.

Известно, что до последнего времени хозорганы-кредиторы часто не прибегают к предоставленным им правом мерам имущественного воздействия на должников¹, предпочитая обращаться в различные органы, могущие оказать на неисправных контрагентов воздействие (в вышестоящие органы, в печать, в органы народного контроля, в партийные органы).

Это явление может быть объяснено неверием в эффективность воздействия правовых норм.

По-видимому, следует обеспечить такое положение вещей, при котором включение системы ответственности было бы необходимым следствием нарушения обязательств, причем настолько эффективным, что включение исключало бы дальнейшее обращение в различные инстанции. Как это сделать, мы попытаемся показать ниже (см. гл. V, § 4).

Принцип
реального
исполнения

Следует остановиться еще на одном принципе, не относимом в литературе к принципам ответственности, но, на наш взгляд, тесно с ней соприкасающимся. Речь идет о принципе реального исполнения, в соответствии с которым «социалистическое гражданское право в принципе не допускает замены

¹ В целях борьбы с этим явлением принимаются различные решения. Так, приказом директора Горьковского автозавода от 2 октября 1967 г. «О мерах по улучшению претензионной работы на заводе» было запрещено руководителям структурных подразделений освобождать от имущественной ответственности предприятия и организации, причинившие нарушением договорных обязательств ущерб работе завода (см. И. Воронин, Юридическая служба предприятия и хозяйственный расчет, «Советская юстиция» 1969 г. № 4; стр. 25).

исполнения обязательства в натуре денежной компенсацией причиненных убытков»¹.

Принцип реального исполнения, несмотря на некоторые редакционные различия в его определении, понимается в правовой литературе одинаково.

В. П. Грибанов под принципом реального исполнения обязательств понимает «исполнение их в натуре, т. е. совершение должником именно тех действий, которые предусмотрены в обязательстве, и надлежащим образом»². Причем принцип реального исполнения не равнозначен принципу строжайшего соблюдения контрагентами государственной и договорной дисциплины³.

Л. А. Лунц исходит из того, что «основной формой удовлетворения кредитора является принуждение должника к исполнению своего обязательства в натуре (принцип так называемого «реального исполнения»); присуждение кредитору денежной компенсации взамен реального исполнения, т. е. денежное возмещение убытков, возникших вследствие неисполнения, рассматривается в нашем гражданском праве как крайняя мера...»⁴

С. В. Занковская под принципом реального исполнения понимает исполнение должником именно того действия, которое вправе требовать от него кредитор, и недопустимость замены его денежной компенсацией в виде возмещения убытков за неисполнение, если исполнение возможно⁵. Э. Г. Полонский раскрывает принцип реального исполнения как обязанность должника выполнить обязательство в натуре, т. е. совершить (или воздержаться от совершения) именно те действия, которые составляют его содержание. При этом уплата той или иной денежной суммы в виде неустойки или возмещение убытков не заменяет исполнения и не освобождает должника от исполнения обязательства в натуре (ст.ст. 191, 221 ГК)⁶.

¹ О. С. Иоффе, Советское гражданское право, т. 1, стр. 410—411.

² «Советское гражданское право», т. 1, 1959, стр. 418.

³ Там же, стр. 416.

⁴ «Советское гражданское право», т. 1, 1950, стр. 429.

⁵ См. «Советское гражданское право», т. 1, 1960, стр. 446.

⁶ См. «Гражданское право», т. 1, 1969, стр. 481.

Однако действует ли принцип реального исполнения в обязательственных отношениях, возникающих между хозорганами? Нам представляется, что нет¹. Ни законодательство о поставках, ни законодательство о договоре подряда на капитальное строительство, о договоре перевозки по существу не обеспечивают реализацию этого принципа. Ни покупатель, ни грузоотправитель, ни заказчик, как правило, не могут требовать через арбитраж исполнения обязательств в натуре, когда речь идет о передаче продукции или оказании услуг. Покупатель не может через арбитраж изъять недопоставленную ему продукцию, даже если продукция такого рода будет находиться на складе поставщика. Грузоотправитель не может через арбитраж обеспечить «исполнение в натуре» обязательств перевозчика и т. д.

Таким образом, право (обязанность) кредитора требовать от должника реального исполнения обязательств (помимо, сверх взыскания убытков и различных неустоек) в обязательствах хозорганов может быть осуществлено путем... взыскания санкций. По плановым обязательствам — взыскания санкций за ненадлежащее выполнение обязательств в течение планового периода.

Следовательно, речь должна идти не о праве кредитора требовать от должника реального исполнения обязательства, права, защищаемого принудительной силой государства, а о правиле, в соответствии с которым уплата санкций за нарушение обязательства в его части не освобождает должника от выполнения обязательства в целом вплоть до окончания срока действия договора или лежащего в его основе планового акта.

Так, пп. 88 и 90 Положений о поставках продукции и товаров предусмотрено, что уплата неустойки (штрафа, пени), установленной на случай просрочки или ино-

¹ С. Н. Братусь полагает, что принцип реального исполнения действительно претворяется в жизнь только в обязательствах определенного вида. Одновременно он отмечает, что принцип реального исполнения сохраняет свою силу лишь как политико-правовой принцип (см. С. Н. Братусь, К десятилетию Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, «Правоведение» 1971 г. № 6, стр. 16—17).

го ненадлежащего исполнения обязательства, и возмещение убытков, причиненных ненадлежащим исполнением, не освобождает стороны от исполнения обязательства в натуре, кроме случаев, предусмотренных действующим законодательством.

Может ли покупатель при недопоставке продукции в I квартале (при квартальных сроках поставки) требовать через арбитраж передачи этой продукции в натуре? Нет. Он может лишь взыскать неустойку, а поставщик, в соответствии с пп. 31 и 28 Положений, недопоставленное в I квартале количество продукции должен поставить во II квартале, при недопоставке во II квартале восполнить ее в III, а затем и в IV квартале. Аналогичное положение возникает при поставке продукции ненадлежащего качества, некомплектной, ненадлежаще маркированной (см. пп. 69 и 71 Положений).

Трудно принять концепцию о реальном исполнении обязательств по отгрузке продукции с документами, удостоверяющими ее качество, по даче поставщиком распоряжения об использовании продукции, принятой покупателем на ответственное хранение, по использованию аккредитива поставщиком, высылке поставщиком покупателям копий счетов и т. д., когда с нарушителей обязательств взысканы, или подлежат взысканию санкции (см. пп. 68, 71, 72, 73 Положения о поставках продукции и пп. 70, 74, 75, 76 Положения о поставках товаров).

В перечисленных случаях кредитор вынужден ограничиться лишь взысканием санкций.

Использование характерных черт гражданско- правовой ответственности	Наряду с принципами ответственности в схему механизма ответственности должны быть включены и ее характерные черты, обусловленные предметом и методом правового регулирования исследуемой группы общественных отношений. Как принципы, так и характерные черты должны прослеживаться в большинстве норм об ответственности, составлять основу построения правового регулирования.
---	--

Попытаемся проследить, какое отражение нашли в нормах об ответственности ее характерные черты.

Имущественный характер гражданско-правовой ответственности хозорганов за нарушение обязательств

четко прослеживается в действующем законодательстве, и мы на нем останавливаться не будем.

Что же касается компенсационного характера ответственности, то здесь необходимо сделать несколько замечаний. Компенсационный характер гражданско-правовой ответственности служит цели стабилизации гражданского оборота, обеспечивает защиту правомерных экономических интересов его участников. Он должен гарантировать не только сохранение имущественной массы кредитора, но и обеспечивать ее увеличение, равное по сумме доходам, которые хозорган-кредитор исходя из нормальных условий хозяйствования получил бы при выполнении должником обязательства.

К сожалению, в законодательстве еще недостаточно учитывается компенсационный характер гражданско-правовой ответственности, то, что он объективно присущ этому виду ответственности. В результате вступающие в сделки хозорганы не всегда гарантированы от убытков по вине их контрагентов.

Так, все виды ограниченной имущественной ответственности по основаниям и размеру приводят к искусственному, волевому, экономически не обусловленному распределению убытков между хозяйствующими субъектами. В результате такого распределения добросовестно исполняющие свои обязательства хозорганы, понесшие убытки по вине должников, не получают необходимой компенсации, не выполняют плановые задания, что расхолаживает их коллективы в борьбе за производственные успехи. Из-за отсутствия источников покрытия убытков и, следовательно, ухудшения результатов хозяйственной деятельности¹ (ибо убытки, штрафы, неустойки и др. учитываются в составе фактических прибылей и убытков), уменьшаются размеры фондов предприятий, в том числе фондов материального поощрения.

Взыскиваемые с должников суммы убытков отра-

¹ В соответствии с абз. 3 п. 10 постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 октября 1965 г. № 729 платежи по возмещению убытков, штрафам и пени относятся на результаты хозяйственной деятельности.

жаются на результатах хозяйственной деятельности кредиторов (на прибыли), однако не могут быть использованы ими на восполнение соответствующих прорывов в их хозяйстве, вызванных нарушением обязательств.

Единый режим, которому подчинены полученные хозорганом возмещенные убытки, штрафы и неустойки (учитываются в составе фактических прибылей и убытков), стирает грань между названными видами ответственности.

Возмещение убытков является компенсацией фактически понесенного предприятием ущерба, и соответствующие суммы должны быть использованы на восстановление имущественной сферы кредитора, на ликвидацию потерь, вызванных причинившим убытки правонарушением, т. е. хозоргану должно быть разрешено расходовать средства, поступившие как возмещение убытков, на устранение тех или иных конкретных последствий нарушения обязательства, использовать их в своей деятельности помимо плановых направлений немедленно после получения. В настоящее время в соответствии с действующим порядком распределения прибыли после взноса платежей в бюджет, образования фондов предприятия прибыль расписывается по заранее предусмотренным назначениям.

Значение неустойки иное, отличное от убытков. В ней имеется «штрафной элемент» (зачетная, исключительная и альтернативная неустойка) либо она полностью носит штрафной характер (штрафная неустойка). Суммы взысканных неустоек (зачетной, исключительной и альтернативной) лишь в неопределенной части являются покрытием убытков либо поступают сверх причиненных убытков (штрафная неустойка). Поэтому для сумм неустоек должен быть установлен иной режим учета и использования в зависимости от их характера: один режим для зачетных, исключительных и альтернативных, а другой — для штрафных. Для первых частично следует предусмотреть режим использования сумм, поступивших в возмещение убытков. Решить же вопрос об установлении каналов направления сумм, взысканных с должников, должны экономисты.

Следует отметить, что недостатками регулирования порядка использования сумм, поступивших в возме-

ние причиненных нарушениями обязательств убытков, может быть объяснено снижением интереса хозорганов к их взысканию.

Поступление сумм имущественных санкций в пользу лица, право которого нарушено, хотя и является характерной чертой гражданско-правовой ответственности, однако применительно к ответственности государственных хозорганов вызывает некоторые возражения.

Советское государство, как единый и единственный собственник государственного имущества, глубоко заинтересовано в хозяйственной деятельности всех своих предприятий и организаций, в ее результатах. Поэтому вопросы перемещения средств от одного хозоргана к другому, какую бы форму это перемещение ни принимало, не могут быть безразличными для законодателя.

На наш взгляд, гражданско-правовая имущественная ответственность хозорганов, наступающая в результате нарушения того или иного конкретного обязательства, может быть условно подразделена на две части: 1) компенсационную, обеспечивающую стабильность хозяйственных отношений и 2) преследующую иную цель, носящую исключительно характер «наказания».

Направление этих двух частей в доход кредитора или в доход государства должно определяться их целями. Очевидно, первую часть следует передать кредитору, а вторую — государству.

Сейчас вторая часть по существу является неосновательным обогащением кредитора, убытки которого уже компенсировались первой частью, обогащением, на наш взгляд, экономически неоправданным, создающим льготные условия его дальнейшей деятельности. Государство же получает необходимые средства для оказания помощи на узких участках хозяйства только через значительный промежуток времени, путем сложного процесса взаимодействия экономических рычагов или прямого изъятия излишних средств у кредитора. В последнем случае мы имеем в виду существующий порядок изъятия у некоторых предприятий и организаций почти всех сумм полученных штрафов, превышающих суммы штрафов уплаченных.

По нашему мнению, все производимые должниками выплаты штрафного характера должны поступать в доход бюджета. Таким образом, соответствующие суммы

государственных средств, изымаемых у должника, минуют имущественную сферу кредитора¹ и могут быть немедленно перераспределены собственником в необходимых направлениях.

Вместе с тем нельзя не учитывать и того, что предложенное решение вопроса больше соответствует существу штрафной ответственности, как мере государственного принуждения.

Возможность быть предусмотренной соглашением сторон, как одна из характерных черт гражданско-правовой ответственности, все более широко используется в хозяйственном законодательстве. Достаточно напомнить, что если Положения о поставках 1959 года допускали установление имущественных санкций за нарушение существенных обязательств, не предусмотренных Положениями, причем оговаривали, что такие санкции могут быть установлены применительно к размерам санкций, установленных Положениями², то Положения о поставках 1969 года исходят из возможности установления сторонами санкций за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств, за нарушение которых действующим законодательством санкции не предусмотрены³. Аналогичная запись включена в п. 67 Правил о договорах подряда на капитальное строительство от 24 декабря 1969 г.⁴.

Пунктом 30 постановления Совета Министров СССР от 27 октября 1967 г. было установлено, что стороны по хозяйственному договору при наличии согласия обеих сторон вправе повысить размеры санкций за нарушение условий договора, предусмотренные действующим законодательством, за исключением размера пени за просрочку платежа⁵.

¹ Подобного рода поступления не имеют ничего общего с производственно-хозяйственной деятельностью кредиторов и поэтому не должны учитываться в составе их фактической прибыли.

² См. пункты 81 и 82 Положений о поставках продукции и товаров 1959 года.

³ См. пункты 85 и 87 Положения о поставках продукции и товаров 1969 года.

⁴ СП СССР 1970 г. № 2, ст. 11.

⁵ Следует отметить, что включение аналогичных норм в Положения о поставках (пп. 85 и 87), в Типовое положение о порядке заключения хозяйственных договоров и выдачи внутриминистер-

Необходимо подчеркнуть, что развитие законодательства об ответственности хозорганов идет по линии предоставления сторонам инициативы в отношении обязательств, ответственность по которым не установлена законом, либо увеличения размеров ответственности, т. е. в рамках ч. 5 ст. 36 Основ, в соответствии с которой соглашение между социалистическими организациями об ограничении их ответственности, если размер ответственности для данного вида обязательств точно определен законом, не допускается.

Но является ли оправданным приведенное выше указание Основ? Какую цель оно преследует? Достигается ли эта цель? Основы исходят из того, что возложение на должника ответственности за нарушение обязательства в полном, предусмотренном законом размере является не только правом, но и обязанностью кредитора¹. Такое представление давно закрепилось в арбитражной практике и базируется оно на, казалось бы, правильной посылке: государство заинтересовано в возложении ответственности на виновные хозорганы в полном объеме.

Однако практика показала, что не всегда целесообразно применять нормы об ответственности в полном объеме. В результате появился абз. 1 п. 31 постановления Совета Министров СССР от 27 октября 1967 г., в соответствии с которым органы арбитража вправе в исклю-

ских заказов на проведение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, утвержденное постановлением Государственного комитета Совета Министров СССР по науке и технике от 5 августа 1969 г. № 360 (п. 23), и включение таких норм в Правила о договорах подряда на капитальное строительство, в транспортные уставы и кодексы, вызывает споры о сфере применения п. 30 постановления правительства № 988.

По нашему мнению, п. 30 распространяется на все виды хозяйственных договоров, в том числе на отношения по капитальному строительству и перевозке.

¹ Обязанность применения установленных законом санкций В. Г. Вердниковым относится к существующим особенностям ответственности сторон по хозяйственным договорам (В. Г. Вердников, А. Ю. Кабалкин, Гражданско-правовые формы товарно-денежных отношений, «Юридическая литература», 1970, стр. 154). Вместе с тем он приходит к выводу, что нет оснований считать, что в ближайшее время появится возможность отказаться от административного воздействия на участников договорных отношений с целью побуждения их к применению санкций (там же, стр. 156).

чительных случаях уменьшить размеры санкций, подлежащих взысканию со стороны, нарушившей обязательства.

Но разве нет случаев, когда еще при заключении договора возникает вопрос о целесообразности уменьшения размера ответственности? Есть. Но законных оснований для его постановки, а тем более для положительного решения, нет. Представляется необходимым пойти по пути дальнейшего расширения права усмотрения сторон в отношении определения размера ответственности.

В заключение следует остановиться на вопросе о том, действительно ли государство заинтересовано в неукоснительном применении норм об ответственности хозяйственных органов всегда и в полном объеме? Думается, что нет. Оно заинтересовано в наказании виновных лиц, а не хозяйствующих государственных образований.

Невыполнение обязательства — признак неудовлетворительной работы предприятия. Возложение на него ответственности, изъятие его оборотных средств только увеличивают уже имевшиеся трудности. Вряд ли государство в этом заинтересовано¹.

Требование о привлечении к ответственности — крайняя мера. Ухудшение материального положения предприятия, которое является следствием применения норм об ответственности, мешает его деятельности, а не «стимулирует устранение недостатков в работе», как это принято говорить. Ответственность предприятий (не лиц, не конкретных виновников) необходима как компенсация потерь кредитора, но не как метод улучшения его финансово-хозяйственной деятельности. Поэтому, если

¹ Как правильно отмечал И. С. Самощенко, ответственность есть не только претерпевание лицом определенных лишений, но и причинение (подчеркнуто мной. — И. П.) ему лишений народом, классом, государством (И. С. Самощенко, Юридическая ответственность в советском обществе, «Ученые записки ВНИИСЗ», вып. 2 (19), 1964, стр. 18). Заинтересовано ли Советское государство в причинении лишений путем имущественного воздействия государственным юридическим лицам, даже если целью этих лишений является принуждение к исполнению требований советского права? Ведь речь идет о «лишениях» экономических, затрудняющих работу предприятий, т. е. затрудняющих в итоге выполнение хозяйственных заданий, хозяйственных планов самого государства.

кредитор к нормам об ответственности не прибегает либо прибегает не в полной мере (а это бывает, когда нарушение обязательства ему не причинило ущерба), для народного хозяйства это может быть и лучше.

Вот несколько примеров. Один из заводов недопоставил другому продукцию. Недопоставка была вызвана нехваткой на складах изготовителя сырья. Покупатель же был затоварен аналогичной продукцией. Для него недопоставка была спасением. Но он должен был предъявить поставщику иск о взыскании неустойки в полном размере, создав у последнего дополнительные трудности.

Изготовитель отгрузил оптовой торговой базе радиоприемники с устраняемыми на месте недостатками. База дала согласие на их устранение силами изготовителя. Срок устранения недостатков был установлен 1 апреля 1970 г. Недостатки были ликвидированы 2 апреля, что не принесло никаких убытков базе. База вынуждена была взыскать с изготовителя штраф в размере 20% (в связи с неустранением недостатков в срок), а не 2% (штраф, уплачиваемый при устранении недостатков в срок).

Заказчик несвоевременно, с просрочкой на 4 дня, передал подрядчику оборудование для монтажа. За это он должен был уплатить неустойку в размере 3% стоимости не переданного в срок для монтажа оборудования по отдельным наименованиям. Вместе с тем подрядчик в силу производственных возможностей смог приступить к монтажу оборудования лишь через полтора месяца после его получения. Однако подрядчик вынужден был предъявить иск о взыскании неустойки в полном размере.

Заинтересовано ли государство в приведенных случаях в «наказании» предприятий-правонарушителей в полном объеме, в ухудшении их финансового положения? Думается, что нет. Не были заинтересованы в этом и кредиторы. Однако уменьшить размеры ответственности нельзя.

Хозяйственная жизнь предприятий настолько многообразна, что не поддается проведенному заранее жесткому регулированию. Поэтому наиболее правильным было бы дальнейшее расширение сферы усмотрения кредиторов в выборе решения о применении норм об ответственности.

Со сказанным связана следующая характерная черта гражданско-правовой ответственности — применение санкций по усмотрению кредитора. Говоря об усмотрении, мы имеем в виду не только возможность отказаться от применения санкций вообще, но и возможность уменьшить их размер.

Система договорных отношений хозорганов должна стать «саморегулирующейся системой», действующей без вмешательства извне. Предъявление требований о взыскании санкций за нарушение обязательств должно быть обусловлено экономическими моментами, а не требованием закона. В отношениях между сторонами договора предъявление требований, вытекающих из нарушений его условий, есть право, но не обязанность потерпевшей стороны. Осуществление или неосуществление этого права должно в каждом конкретном случае определяться подлинным хозрасчетным интересом эвентуального истца, в частности размером понесенного ущерба, возможностью его устранения должником без применения санкций и т. п.¹. Кроме того, истец может учитывать общее экономическое положение предполагаемого ответчика, возможность принудительного удовлетворения им исковых требований и т. д. Исключения могут и должны составлять лишь некоторые требования, в отношении которых прямо указано в законе, что предъявление их является обязанностью покупателя (см., например, п. 61 Положения о поставках продукции и п. 62 Положения о поставках товаров, в соответствии с которыми, если продукция забракована как не соответствующая государственным стандартам, техническим условиям или образцам, покупатель обязан отка-

¹ Как правильно отмечал Л. М. Шор, нужно обеспечить, чтобы контроль рублем, использование санкций в широком смысле (включая возмещение убытков) было бы потребностью, а не обязанностью предприятий, чтобы предприятия реально ощущали экономические последствия их применения (Л. М. Шор, Некоторые правовые проблемы укрепления хозрасчета в деятельности предприятий, «Материалы Всесоюзной научно-технической конференции», «Проблемы научной организации управления социалистической промышленностью», секция № 4, «Правовые основы руководства промышленностью», 1966, стр. 96).

заться от оплаты продукции и взыскать с изготовителя установленный штраф)¹.

При надлежащем построении механизма ответственности предъявление требований станет результатом заинтересованности в этом кредитора, а не следствием его обязанности. Следует подчеркнуть, что при столкновении интересов и обязанностей зачастую доминируют интересы. Именно этим и объясняются случаи «амнистии» кредиторами своих должников.

Вместе с тем арбитражная практика исходит из обязанности кредитора (во всех случаях!) на основании норм об ответственности предъявлять соответствующие иски из недопустимости «амнистирования». По нашему мнению, хотя такая практика не основана прямо на законе, однако в какой-то мере на него опирается.

Во-первых, нет нормы, разрешающей потенциальному истцу не предъявлять требований ответчику.

Во-вторых, хотя ст. 36 Основ под соглашениями об ограничении ответственности, по-видимому, имеет в виду договоры, не исключена возможность толкования «соглашения» в широком смысле, в том числе и как не оформленного надлежащим образом. В последнем случае отказ от применения санкций всегда (или почти всегда) может быть понят как соглашение об ограничении ответственности.

В-третьих, нечеткость формулировок и терминологии некоторых норм дает возможность их двоякого понимания. Так, если слово «обязан», употребленное в пп. 61 и 62 Положений о поставках продукции и товаров, исключает разное понимание, то неопределенные выражения типа «покупатель взыскивает», «поставщик уплачивает» (см., например, пп. 59, 68 и др. Положения о поставках продукции), наоборот, рождает их. В результате возникают сомнения и в правильности употребления абсолютно ясных понятий, как «вправе», «имеет право» (см. пп. 50, 62 Положения о поставках продукции).

¹ Соответствующие нормы закона, как указывает С. Н. Братусь, не являются гражданско-правовыми нормами (см. С. Н. Братусь, К десятилетнюю Основ гражданского законодательства, «Правоведение» 1971 г. № 6, стр. 18).

Вместе с тем исходя из соображений, высказанных нами при анализе возможности установления договорных санкций как характерной черты гражданско-правовой ответственности, полагаем, что и в вопросе усмотрения по поводу применения санкций кредиторы должны пользоваться значительно большей свободой. Нельзя волевым решением отказаться от той или иной характерной, объективно обусловленной черты явления, в том числе и гражданско-правовой ответственности.

Возможность добровольного возложения на себя ответственности должником, как характерная черта гражданско-правовой ответственности, широко используется действующим законодательством. На ней основан претензионный порядок рассмотрения споров, возникающих между хозорганами, который сводится к обязанности предприятий, организаций и учреждений до обращения с иском в органы государственного арбитража предъявить претензию другой стороне и принять необходимые меры к урегулированию возникших споров¹.

В связи с тем что вопросы, связанные с доарбитражным урегулированием споров выходят за рамки материального права, мы на них не останавливаемся. Следует только подчеркнуть, что преломление рассматриваемой характерной черты гражданско-правовой ответственности в правовых нормах постепенно углубляется и является принципиально верным. Отдельные недостатки в регулировании доарбитражного разрешения споров не могут влиять на данную нами общую оценку.

Подводя итоги анализа схемы механизма ответственности хозорганов за нарушения обязательств, следует подчеркнуть, что кроме общих принципов (социалистической законности, ответственности за вину) в отношении гражданско-правовой ответственности хозорганов за нарушения обязательств следует выделить следующие принципы: 1) максимального возмещения собственнику

¹ См. Положение о порядке предъявления и рассмотрения претензий предприятиями, организациями и учреждениями и урегулирования разногласий по хозяйственным договорам, утвержденное постановлением Совета Министров СССР от 17 октября 1973 г. № 758 (СП СССР 1973 г. № 23, ст. 128).

О значении и правовой природе доарбитражного урегулирования споров см. Р. Ф. Калыстратова, Претензионный порядок разрешения споров, Госюриздат, 1963, стр. 3—19.

(государству) причиненных нарушении обязательства убытков; 2) учета экономических интересов государства, юридических лиц и их работников. Оба указанных принципа проведены в действующем законодательстве недостаточно четко, что в значительной степени снижает эффективность механизма ответственности.

В схеме механизма ответственности хозорганов недостаточно учтены такие ее характерные черты, как: 1) компенсационный характер ответственности; 2) возможность быть предусмотренной соглашением сторон; 3) возможность применения санкций по усмотрению кредитора.

В отношении ответственности хозорганов, по-видимому, не должна использоваться такая характерная черта гражданско-правовой ответственности, как поступление сумм неустоек в пользу лица, право которого нарушено.

Совершенствование схемы механизма ответственности, более тщательная разработка его отдельных узлов принесет значительную пользу в улучшении работы народного хозяйства.

ГЛАВА V

ВОЗДЕЙСТВИЕ МЕХАНИЗМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ХОЗОРГАНОВ ЗА НАРУШЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ И ПОВЫШЕНИЕ ЕГО ЭФФЕКТИВНОСТИ

Наряду с недостатками в принципиальной схеме механизма ответственности причины малой эффективности действующего законодательства скрываются в неполном учете специфики объективно существующих, присущих праву свойств воздействия на субъектов регулируемых отношений. Неверный выбор средств правового воздействия, ошибка в объекте воздействия, завышение или занижение объема ответственности, недостаточная увязка различных ее форм и видов между собой могут значительно снизить эффективность правовых норм.

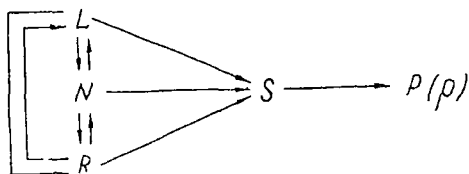
К сожалению, в литературе нет развернутого анализа воздействия механизма гражданско-правовой ответственности на предприятия — нарушителей договорных обязательств. Предпринимаемая нами попытка по существу

является первой. Поэтому разумеется, что сделанные выводы не могут быть признаны окончательными.

§ 1. Интересы, воля и ответственность

Воздействие правовых норм Известно, что правовые нормы призваны регулировать общественные отношения. Способы регулирования, методы воздействия норм права на общественные отношения объективно обусловлены предметом регулирования и спецификой регулятора.

И. С. Самощенко и В. И. Никитинский, дополнив схему В. Кнаппа¹, представили механизм воздействия правовой нормы на общественные отношения следующим образом²:

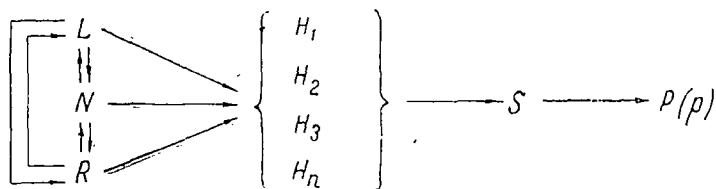
где S — общественные отношения; N — норма; R — отрицательные явления, влияющие на данные общественные отношения; P — переменные состояния, получаемые в результате совместного действия N и R на S ; p — граница допустимого варианта переменного состояния; L — положительные факторы и явления, влияющие на данные общественные отношения и на отрицательные явления.

По-видимому, при построении приведенной выше схемы И. С. Самощенко и В. И. Никитинский исходят из того, что общественные отношения немислимы без субъектов. Они включают субъектов в общественные отношения. Однако для проводимого нами исследова-

¹ См. В. Кнапп, О возможности использования кибернетических методов в праве, изд-во «Прогресс», 1965, стр. 113—114.

² См. И. С. Самощенко, В. И. Никитинский, О результатах действия норм права, стр. 6—7.

ния схема должна быть развернута. Ни N , ни L , ни R не действуют на S непосредственно. Влияние права на общественные отношения возможно только через участвующих в них субъектов — людей¹. Поэтому механизм воздействия норм права на общественные отношения может быть представлен следующей схемой:

где H_1 — H_n — субъекты регулируемых правом общественных отношений.

Это общая схема.

При исследовании воздействия правовых норм (особенно ярко это проявляется при изучении воздействия норм об ответственности) на конкретного субъекта общественных отношений мы можем установить, что право воздействует на психическую сферу субъекта.

Действительно, если стимуляторами человеческой деятельности являются наряду с психическими факторами факторы биологические и окружающая среда, то право, как идеальная надстройка, непосредственно воздействует лишь на психические факторы.

Причем, когда речь идет о превентивной функции

¹ Как правильно отмечает В. И. Шкредов, «установленные государством нормы права непосредственно влияют лишь на сознание носителей производственных отношений, побуждая их к определенному действию или к воздержанию от недозволенных действий под угрозой государственного принуждения. Это влияние права на сознание участников производства само по себе еще лишено реального экономического значения. Оно становится действительным лишь в той мере, в какой отражается на фактических волевых отношениях, на реальных практических действиях людей, участвующих в процессе производства, распределения и обмена» (В. И. Шкредов, Экономика и право, изд-во «Экономика», 1967, стр. 43).

права, имеется прямая связь между нормой об ответственности и психической сферой потенциального правонарушителя. Когда мы имеем дело с применением норм об ответственности, с их воспитательной функцией, связь между нормой и психической сферой опосредована определенными лишениями, которым подвергнут правонарушитель, определенным ущемлением его интересов. Воздействовать на психическую сферу виновного можно через ответственность, путем его «наказания», причинения ему некоторых лишений.

Относя одни интересы лица к положительным, а другие к отрицательным, право, будучи само средством защиты интересов господствующего класса (в нашей стране — всего народа), поощряет проявления одних интересов и «наказывает» проявления других. Интересы же проявляются только через волю, через волевой акт.

Сказанное относится не только к регулированию общественных отношений, где субъектами являются граждане, но и к отношениям, субъектами которых выступают предприятия, организации, учреждения¹. Ибо юридические лица без людского субстрата — ничто, ибо воздействие права возможно только на людей.

Для того чтобы более четко представить себе воздействие механизма ответственности, следует сделать несколько замечаний.

Потребность — нужда в чем-либо. Потребности могут носить различный характер — материальный, духовный. Потребность в той или иной степени осознается человеком. Как отмечал Ф. Энгельс: «Люди привыкли объяснять свои действия из своего мышления, вместо того чтобы объяснять

¹ Обеспечение защиты имущественных прав и законных интересов предприятий, организаций и учреждений является одной из главных задач государственного арбитража (см. п. 2 Положения о Государственном арбитраже при Совете Министров СССР (СП СССР 1974 г. № 4, ст. 19), а также соответствующие пункты Положений о государственных арбитражах при Советах Министров союзных республик, Общих положений о государственных арбитражах при Советах Министров автономных республик, при исполнительных комитетах краевых, областных и городских Советов депутатов трудящихся).

их из своих потребностей (которые при этом, конечно, отражаются в голове, осознаются...»¹).

И. Г. Филановский на основе анализа исследований, проведенных психологами, приходит к выводу, что потребность представляет собой испытываемое человеком субъективное переживание объективной нужды в материальных или нематериальных благах².

По нашему же мнению, потребность индивидуума есть не переживание объективной нужды, а **переживание нужды субъективной**. Переживание объективной нужды предполагает ее познание. Обычно личность имеет субъективное представление об объективной нужде. Вместе с тем потребности могут быть вообще не связаны с объективной нуждой, в частности такие потребности, как удовлетворение честолюбия либо любые антисоциальные потребности членов общества.

Потребности могут быть индивидуальные и групповые (от небольшого коллектива до государства и человечества в целом). Потребности в конечном счете определяются материальными условиями существования людей. Однако условиями существования они определяются в целом, в основном. Потребности отдельных личностей не детерминированы. Они могут не совпадать друг с другом («...потребность одного индивидуума не имеет для другого эгоистического индивидуума... никакого само собой разумеющегося смысла...»³) и с потребностями социальной группы, членом которой являются конкретные индивидуумы.

Вместе с тем потребности социальной группы могут не совпадать с потребностями всего общества.

Г. В. Осипов справедливо отмечает, что сознательное, планомерное регулирование экономических отношений может дать оптимальный эффект только в том случае, если оно будет сопровождаться научным регулированием общественных форм и общественных отношений людей. Это предполагает всестороннее исследование всего круга социальных проблем, связанных с

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 493.

² См. И. Г. Филановский, Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению, изд-во ЛГУ, 1970, стр. 22.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 134.

деятельностью человека, в том числе с его потребностями и степенью реализации этих потребностей¹.

Интерес Интересы обычно понимаются как ставшие мотивом деятельности потребности, возникающие у людей как отдельных личностей и как членов различных социальных общностей и объединений, а также потребности самих этих социальных коллективов, взятых как целое. Содержание интересов определяется материальными условиями жизни людей, местом, которое они занимают в исторически конкретных производственных отношениях. Поэтому в своей основе они носят объективный характер². Осознанные людьми интересы приобретают значение идеальных побудительных сил, придают практической деятельности людей целенаправленный характер³.

Психологи различают интерес непосредственный и опосредствованный. Первый проявляется главным образом в непроизвольном внимании и не составляет индивидуальной особенности личности. Второй — в более или менее длительной, устойчивой направленности личности на определенный предмет, на определенную область действительности и жизни, на определенную деятельность⁴. Нас интересуют интересы опосредствованные, так как интерес непосредственный по существу означает отношение индивидуума к занимательному предмету или явлению, возбуждающему любопытство, к чему-то за-

¹ См. Г. В. Осипов, Социология как наука, в сб. «Социальные исследования», вып. 2, изд-во «Наука», 1968, стр. 38.

² См. Г. Глезерман, Интерес как социологическая категория, «Вопросы философии» 1966 г. № 10, стр. 18; С. Сабиков, Изучение категории интереса в праве, «Советское государство и право» 1968 г. № 5, стр. 112 и сл.; Р. Гукасян, Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве, Саратов, 1970, стр. 8.

³ См. «Краткий словарь по философии», «Политическая литература», М., 1966. Ряд исследователей полагает, что интерес вне сознания существовать не может (см., например, А. Г. Здравомыслов, Категория интереса в марксистской социологии, автореферат канд. дисс., Л., 1959, стр. 16; С. С. Вишневский, Интересы и управление общественными процессами, сб. «Научное управление обществом», вып. 1, изд-во «Мысль», 1967, стр. 179; Д. А. Кикнадзе, Потребность. Поведение. Воспитание, изд-во «Мысль», 1968, стр. 60).

⁴ См. П. И. Иванов, Психология, 1959, стр. 377.

бавному. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что, рассматривая интерес в числе индивидуальных особенностей личности, психологи тем самым сосредоточивают внимание на субъективной форме интересов. Это объясняется задачами, стоящими перед психологией, как наукой о психике, о закономерностях ее проявления и развития, наукой, связанной с человеческой личностью.

Разрыв между философским и психологическим пониманием интереса, который отмечался в литературе¹, представляется только кажущимся. Этот «разрыв» лежит в области диалектики объективного и субъективного.

**Мотивы
и воздействия
права**

Таким образом, потребность и интерес как осознанная потребность являются предпосылками человеческой деятельности. Деятельность же связана

с осуществлением волевых действий, с их мотивацией.

Мотив — это аргументированный выбор цели и средств ее достижения. Или иначе «это ответ на вопрос, почему человек ставит перед собой эту цель, а не другую, почему он при достижении поставленной цели действует или предполагает действовать таким-то, а не другими средствами и путями»².

Осознанность субъектами гражданских правоотношений действий, направленных на установление, изменение или прекращение гражданских прав или обязанностей, признается законом необходимой. Так, в соответствии со ст. 56 ГК сделка, совершенная гражданином, хотя и дееспособным, но находившимся в момент ее совершения в таком состоянии, когда он не мог понимать значения своих действий или руководить ими, признается судом недействительной по иску этого гражданина. По правилу ч. 1 ст. 57 ГК сделка, совершенная под влиянием заблуждения, имеющего существенное значение, признается недействительной по иску стороны, действовавшей под влиянием заблуждения. Признается недействительной и сделка, совершенная под влиянием обмана, злонамеренного соглашения представителя одной стороны с другой стороной (ч. 1 ст. 58 ГК).

¹ См. И. Г. Флановский, Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению, изд-во ЛГУ, 1970, стр. 24.

² П. И. Иванов, Психология, стр. 304.

Понятно, что потребности и интересы находятся за пределами непосредственного воздействия права, в том числе и норм об ответственности. Осознанная нужда не подвластна праву. Она остается нуждой независимо от наличия или отсутствия тех или иных правовых предписаний. Иное положение с мотивами. Нормы об ответственности призваны создавать мотивы, стимулы соблюдения установленного государством правопорядка. Блокируя одни мотивы и поддерживая другие, право обеспечивает угодное господствующему классу (у нас — всему обществу) поведение людей.

Вопросы изучения воздействия норм об ответственности на субъектов правоотношений — широкое поле деятельности социологии, ибо «социологический анализ предполагает не только исследование мотиваций человеческого поведения, но и институционализированных, юридически санкционированных социальных отношений — овеществленных элементов общественного бытия, определяющих характер и содержание этого поведения»¹.

Отношения между людьми — это волевые отношения, поэтому объектом воздействия права, в том числе и норм об ответственности, является воля субъектов правоотношений, волевой процесс.

Воля и ответственность Воля — это активность человека, осуществляемая с заранее поставленной целью, с предварительным выбором средств, ведущих к достижению цели, и с применением сознательного усилия². Воздействие правовой санкции на волю субъекта начинается со второй фазы волевого процесса и продолжается до его завершения³. Более точно

¹ Г. В. Осипов, Социология как наука, стр. 39.

² См. П. И. Иванов, Психология, стр. 301.

³ Фазами волевого процесса являются: 1) осознание стремления, 2) выбор цели и средств, 3) принятие решения и 4) исполнение решения (там же, стр. 302).

Х. Дельгадо, анализируя связь воли с деятельностью нейронов, утверждает, что сенсорные восприятия могут заставить нейроны, участвующие в принятии решений, функционировать определенным образом (Х. Дельгадо, Мозг и сознание, изд-во «Мир», 1971, стр. 186—191). Он приходит к выводу, что отделы центральной нервной системы, оказывающие тормозное действие, могут быть активизированы при столкновении сенсорных воздействий — информации, идей, образцов поведения. Прием информации из окружающей среды приводит к электрическим и химическим сдвигам в

воздействие санкции возникает при формировании «хотения» (действенного желанья), когда осознаются возможность достижения цели, готовность действовать в определенном направлении, возможные последствия действий, когда возникает стремление отыскать пути достижения желаемого либо стремление подавить само желание.

Санкция правовой нормы учитывается индивидуумом при выборе цели и средств. Возможность наступления отрицательных правовых последствий (в зависимости от их неизбежности и тяжести) либо заставляет субъекта отказаться от достижения противоправной цели (от противоправных средств ее достижения), либо удлиняет борьбу мотивов, рождает неуверенность в принятом решении, нерешительность в его осуществлении, либо когда санкция недостаточна или применение ее маловероятно, не оказывает влияния на принятие решения и его исполнение.

Санкция правовой нормы как общепреventивная сила действует вплоть до исполнения субъектом решения, иногда заставляет отказаться от завершения исполнения и после начала его осуществления (покушение).

После же исполнения противоправного решения наступает ответственность как таковая, функцией которой является, в частности, создание у виновного лица путем его «наказания» необходимых государству шаблонов поведения на будущее. Одновременно примером воздействия на виновного создаются те же шаблоны и у окружающих.

Степень воздействия нормы об ответственности на принятие решения и его исполнение, на выработку шаблонов поведения и есть эффективность воздействия норм об ответственности на психическую сферу субъектов правоотношений.

Воздействие ответственности Какими средствами ответственность воздействует на субъектов правоотношений и правонарушителей? Возможностью ущемления интересов (preventивно) или их действительным ущемлением (наказание).

нервной ткани, и возникающие импульсы формируют функциональные особенности анализа и синтеза этой информации индивидуумов, от которых зависят сила и характер его реакций (там же, стр. 179—180).

Таким образом, право, стоящее на страже интересов общества, защищается возможным или действительным ущемлением интересов его членов в случаях допущения ими правонарушений.

К. Маркс указывал, что «все то, за что человек борется, связано с его интересом...»¹. К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивали: «...Естественная необходимость, свойства человеческого существа, в каком бы отчужденном виде они ни выступали, интерес, — вот что сцепляет друг с другом членов гражданского общества. Реальной связью между ними является не политическая, а гражданская жизнь»².

Как известно, гражданское право в основном регулирует имущественные отношения (ст. 1 Основ). Применительно к отношениям между хозорганами им регулируются имущественные отношения хозорганов «по горизонтали». В основе этих отношений лежат (должны лежать), как правило, экономические интересы.

Экономические интересы являются движущей силой развития экономических отношений. «Экономические отношения каждого данного общества проявляются прежде всего как *интересы*», — говорил Ф. Энгельс³.

Не останавливаясь на методических расхождениях в их трактовке, необходимо подчеркнуть, что экономический интерес как категория объективная является формой выражения необходимости удовлетворения производственных и личных потребностей⁴.

При социализме общественная собственность на средства производства, равное положение трудящихся по отношению к средствам производства и в то же время сохранение неравенства в их использовании (сохранение социально-экономических различий в труде) обус-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 72.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 2, стр. 134.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 18, стр. 271.

⁴ И. Можайскова, Н. Видавская, Предприятие как звено социалистического общественного производства и хозрасчетный характер стимулов его развития, в кн. «Экономические стимулы в работе предприятий», под ред. Д. А. Аллахвердяна, изд-во «Наука», 1968, стр. 10.

ловливает существование трех форм экономических интересов: общественных, коллективных и личных¹.

Общественная собственность на средства производства, влекущая за собой общественное потребление, связывает воедино все три формы экономических интересов, делает ведущими интересы общественные. Повышение эффективности общественного производства обеспечивает более полное материальное удовлетворение всех членов общества. Через удовлетворение общественных экономических интересов удовлетворяются интересы и коллективные, и личные.

Законодательство запрещает сделки, противоречащие интересам государства (противоречащие закону, стоящему на защите этих интересов). Так, в соответствии с ч. 1 ст. 48 ГК сделка, не соответствующая требованиям закона, недействительна. Недействительны сделки, совершенные с целью, противной интересам государства и общества (ст. 49 ГК). Недействительны сделки юридического лица, противоречащие его целям (ст. 50 ГК). Имущество, находящееся в личной собственности граждан, не может использоваться для извлечения нетрудовых доходов (ч. 1 ст. 25 Основ).

Вместе с тем государственные, общественные экономические интересы не поглощают интересы отдельных коллективов и личностей. Коллективные экономические интересы отдельных производственных звеньев как коллективов трудящихся обусловлены спецификой труда на современных предприятиях, когда продукт перестает быть продуктом непосредственного труда, а в роли производителя выступает сочетание общественной деятельности, когда существует необходимость соразмерения «заработка с общими итогами выработки продукта или эксплуатационных результатов»². Их удовлетворение в значительной мере означает удовлетворение экономических интересов общественных и личных: повышение эф-

¹ Как замечает В. И. Шкредов, общество заинтересовано в централизации определенной доли прибавочного продукта для обеспечения всеобщих производственных и потребительских нужд... Этот всеобщий интерес отличен от интереса отдельного предприятия и тем более от индивидуальных интересов (В. И. Шкредов, цит. работа, стр. 59).

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 36, стр. 189.

фективности производства конкретного предприятия влечет за собой определенное повышение всего общественного производства (отношение части и целого) и в то же время улучшение материального обеспечения членов коллектива (через заработную плату, премии, поощрительные фонды).

Личный экономический интерес обусловлен противоречием между равным отношением к средствам производства и неравным удовлетворением материальных потребностей, индивидуальными особенностями потребителей. Удовлетворение личного экономического интереса зависит от результатов труда индивидуума и вместе с тем от эффективности всего общественного производства, эффективности производственной деятельности конкретного предприятия. Одновременно повышение результативности труда работника является вкладом в повышение эффективности производства предприятия, а через него — всего общественного производства.

Наряду с единством трех форм экономических интересов существуют и неантагонистическое противоречие между ними. Владимир Ильич Ленин отмечал, что «справедливости и равенства, следовательно, первая фаза коммунизма дать еще не может: различия в богатстве останутся и различия несправедливые»¹. Отсутствие полного экономического равенства членов общества объективно обуславливает известное противостояние личных экономических интересов интересам коллективным и общественным.

В свою очередь, различные условия производственной деятельности, наличие «своих» потребностей у каждой отдельной производственной единицы (нужды в основных и оборотных средствах, в рабочей силе и т. п.) предопределяют противоречия между хозорганами, а иногда и противоречия с общественными интересами. Как указывал В. И. Ленин, хозрасчетная самостоятельность предприятий «в связи с настоятельной необходимостью повысить производительность труда, добиться безубыточности и прибыльности каждого госпредприятия, в связи с неизбежным ведомственным интересом и

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 93.

преувеличением ведомственного усердия неминуемо порождает известную противоположность интересов»¹.

Таким образом, экономические интересы социалистического общества, выступающие в формах интересов всего общества, коллективных и личных, представляют собой определенное, объективно существующее диалектическое единство.

Наличие и объективная обусловленность соотношения трех форм экономических интересов в социалистическом обществе требуют соответствующей реализации экономических интересов в ходе социалистического строительства. Такая реализация возможна в результате познания экономического интереса как объективной категории, познания соотношения его трех форм. Очевидно, что чем больше приближается знание о предмете к самому предмету, тем с большей пользой он может быть использован.

Как правильно подметил Л. Д. Никитин, насколько удачно отражается в действующих принципах и законодательных актах взаимодействие трех видов интересов, настолько полнее проявляются объективные экономические законы, оказывая положительное влияние на результаты производства, и, наоборот, при расхождении или, что еще хуже, при противоречии этих интересов действие объективных экономических законов проявляется в виде невосполнимых, непроизводительных потерь трудовых и материальных ресурсов².

Изучением экономических интересов и их соотношения заняты экономисты, и мы не будем касаться этой проблемы. Однако в результате познания экономических интересов (с той или иной степенью достоверности) вырабатываются конкретные экономические рекомендации, суть осознанное использование объективных явлений. Эти рекомендации выражаются в правовых нормах³.

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 44, стр. 343.

² См. Л. Д. Никитин, Управление производством и марксистская диалектика, в сб. «Научное управление обществом», вып. 3, изд-во «Мысль», 1969, стр. 158.

³ При этом не следует забывать, что воздействие государственной власти (в том числе и через право) «на экономическое развитие может быть тройкого рода. Она может действовать в том же направлении — тогда развитие идет быстрее; она может действовать против экономического развития — тогда в настоящее время

Соотношение
объективных
и субъективных
интересов

До сих пор мы говорили о соотношении интересов объективных. Но для того чтобы эти интересы приобрели значение идеальных побудительных сил целенаправленной деятельности

людей, необходимо их осознание участниками общественных отношений, согласие отдельных личностей с правильностью такой постановки вопроса. Однако развитие нашего общества еще не достигло того уровня, когда «всеобщий интерес становится особым интересом в действительности», когда «особый интерес становится в действительности всеобщим»¹. Осознание объективных интересов отдельными личностями не равноценно, субъективные интересы зачастую не укладываются в правовые рамки, закрепляющие интересы объективные. Ибо, как отмечал Ф. Энгельс, «...в истории общества действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, ставящие себе определенные цели»². Ф. Энгельс обращал внимание на то, что рычаги, которыми, в свою очередь, непосредственно определяются страсть или размышление, бывают самого разнообразного характера. «Отчасти это могут быть внешние предметы, отчасти идеальные побуждения: честолюбие, «служение истине и праву», личная ненависть или даже чисто индивидуальные прихоти всякого рода»³.

Интерес как результат психической деятельности недоступен восприятию окружающих до того момента, пока он не будет объективизирован в той или иной форме. Его объективизация опосредуется волей и действием

у каждого крупного народа она терпит крах через известный промежуток времени; или она может ставить экономическому развитию в определенных направлениях преграды и толкать его в других направлениях. Этот случай сводится в конце концов к одному из предыдущих. Однако ясно, что во втором и третьем случаях политическая власть может причинить экономическому развитию величайший вред и может вызвать растрату сил и материала в массовом количестве» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 37, стр. 417).

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 273.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. 2, 1948, стр. 371.

³ Там же, стр. 372.

(бездействием). Таким образом, говоря об интересе как о предпосылке совершения правовых действий, мы можем судить о нем только косвенно, приближенно, в частности, по целям, на которые направлено действие.

Гражданское право уделяет серьёзное внимание характеру целей, достигаемых лицом при совершении сделок, подчеркивая недопустимость удовлетворения интересов участников гражданского оборота в ущерб интересам государства.

Таким образом, экономические интересы могут быть подразделены на интересы правомерные и неправомерные. Первые, санкционируются законом, защищаются правом. Вторые — нет¹.

Закрепляя объективные экономические интересы, гражданское право призвано охранять их от нарушений, в основе которых лежат субъективные интересы². Охрана осуществляется нормами об ответственности.

Таким образом, санкция гражданско-правовой нормы должна учитывать возможные субъективные интересы, которые могут стать побудителями нарушения право-

¹ В. И. Шкредов отмечает: «С одной стороны, материальный интерес побуждает к действиям, соответствующим материальным условиям производства и существующим экономическим отношениям. С другой стороны, он может направлять волю людей к совершению действий, которые не согласуются с данными объективными условиями общественного производства» (В. И. Шкредов, цит. работа, стр. 13).

² В обязательственных отношениях между хозорганами мы можем говорить: о желании реализовать недоброкачественную продукцию, объясняемом стремлением улучшить свои производственные показатели, получить материальное поощрение, избежать критических замечаний руководства и т. п.; о намерении недопоставить продукцию одному покупателю в целях отгрузки ее другому, с которым существуют неформальные связи, имеются личные контакты, в расчете на какие-то взаимные услуги и т. п.; о завышении веса груза во избежание уплаты перевозчику штрафа за недогруз вагона; об отказе от акцепта счета из желания оставить на некоторое время подлежащие уплате средства в своем обороте и т. д.

Наряду с интересами юридического лица, совпадающими с экономическими интересами хозяйствующего коллектива, возможны случаи нарушения юридическим лицом обязательства в связи с действиями, обусловленными личными интересами тех или иных конкретных работников.

вого предписания. Чтобы предотвратить неугодные обществу действия, предусматриваемые санкцией, неблагоприятные последствия должны быть больше, чем возможная выгода, получаемая правонарушителем в результате неправомερных действий. Только в этих случаях санкция правовой нормы может иметь общее превентивное значение, воздействовать на волевое поведение субъекта, «эффективно участвовать» в волевом процессе: в выборе цели и средств, в принятии и исполнении решения¹.

Иначе, приняв A за содержащуюся в санкции степень ущемления интересов правонарушителя, а B — за степень удовлетворения интересов субъекта при безнаказанном совершении правонарушения, мы можем сказать, что A должно быть больше B . При $A < B$ норма ответственности будет неэффективной. В борьбе мотивов, при «взвешивании» A и B B окажется более весомым. При $A = B$ норма также не будет достаточно эффективной, ибо правонарушитель заведомо «ничего не теряет».

Рассуждая таким образом, мы абстрагируемся от воздействия на потенциального правонарушителя иных факторов: возможной моральной ответственности, самого процесса привлечения к юридической ответственности и т. п. Следует подчеркнуть, что моральные факторы не являются универсальным средством воздействия. Степень его будет определяться моральным обликом конкретного индивидуума. Юридическая же ответственность, особенно гражданско-правовая, имеющая дело, как правило, с имущественными интересами, может быть признана средством всеобщим.

Гражданско-правовые обязательства направлены в основном на удовлетворение имущественных интересов. Их нарушение влечет воздействие опять же на имущественные интересы. В таких условиях «взвешивание»

¹ Мы не можем согласиться с Б. М. Тепловым, что борьба мотивов — это всегда борьба между сознанием долга и какими-либо противоречащими долгу побуждениями. В борьбе мотивов может участвовать не сознание долга, а сознание грозящей ответственности, не противоречащие долгу побуждения, а побуждения любого характера. Сознание долга, понимание его присуще не всем членам общества (Б. М. Теплов, «Психология», М., 1949, стр. 175).

возможной «выгоды» от нарушения обязательства и результата применения ответственности наиболее просто и психологически обусловлено.

Если в уголовном праве ответственность воздействует на широкий круг интересов преступника путем применения самых различных санкций, от имущественного воздействия до лишения свободы и даже жизни, то гражданско-правовая ответственность предполагает только имущественное воздействие (за редкими исключениями).

Характер гражданско-правовых нарушений договорных обязательств исключает аффект, действия «по упрощенной схеме рефлекса: стимул — реакция, без этапа внутренней оценки «за» и «против»¹, исключает импульсивные действия, являющиеся проявлением инстинктов. Как всякая область сознательной деятельности людей, товарно-денежные отношения определяются интересами их участников, форма проявления которых — волевые действия, являющиеся результатом полного, законченного волевого процесса и, следовательно, результатом борьбы мотивов, «взвешивания» возможных последствий. В этом «взвешивании» всегда должна перетягивать ответственность.

Вместе с тем санкция правовой нормы должна учитывать наличие указанных выше трех групп экономических интересов. Она ни при каких условиях не может строиться так, чтобы ее применение угрожало нарушению интересов, охраняемых правом. Это имеет особое значение при анализе гражданско-правовой ответственности хозорганов за нарушение обязательств. Ответственность никогда не может ущемлять общегосударственные экономические интересы². Ущемление экономических интересов личности не должно подменяться воздействием на интересы коллектива. Последние по степени защиты должны стоять вслед за интересами государства.

Ущемление интересов коллектива возможно только в силу экономической необходимости (например, при

¹ О. Е. Фрейеров, Мотивация общественно опасных действий психически неполноценных лиц, «Советское государство и право» 1969 г. № 4, стр. 99.

² См. «Интересы государства превыше всего», «Правда» 21 февраля 1973 г.

возмещении причиненных нарушением обязательства убытков) либо в целях воздействия на интересы личности через коллектив.

Участниками договорных отношений в народном хозяйстве являются юридические лица. Поэтому возникает проблема увязки в нормах об ответственности всей совокупности предъявляемых к ним требований, включая и учет интересов общества, коллективов (социальных групп) и отдельных лиц. Ибо «идея» неизменно посягает на себя, как только она отделяется от «интереса»¹.

Обязательным условием эффективности ответственности является и ее неотвратимость. При психической оценке возможных последствий намечаемых действий потенциальным правонарушителем учитывается не только тяжесть ответственности, но и ее неизбежность. Превращение неизбежности в разностепенную вероятность влечет за собой и соответствующую оценку создавшейся ситуации участниками общественных отношений и как результат — меньшая «весомость» нормы об ответственности в мотивации поведения субъектов.

Неотвратимость ответственности не может отразиться в санкции правовой нормы. Она должна быть обеспечена совокупностью правил, регулирующих порядок применения санкции (нормами как материального, так и процессуального права). Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что наиболее эффективной является прямая ответственность правонарушителя, возложение ответственности непосредственно на виновное лицо. В крайнем случае, если прямая ответственность по тем или иным соображениям не может иметь места, допустимо ввести последовательную ответственность нескольких лиц при обязательном условии обеспечения безотказной работы механизма доведения ответственности до конкретного виновника.

Ответственность должна быть неотвратимой для виновного лица. Иначе нельзя говорить о роли ответственности в мотивации поведения, о психической сфере ее воздействия и т. д.

Сказанное делает необходимым анализ проблемы ответственности хозорганов и их работников.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 89.

§ 2. Ответственность хозоргана и его работников

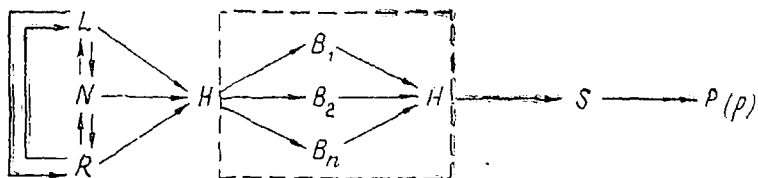
Одной из наиболее серьезных проблем повышения эффективности законодательства об ответственности хозорганов за нарушения обязательств является проблема увязки ответственности хозоргана с ответственностью его работников, виновных в ненадлежащем исполнении обязательства.

Как уже отмечалось, гражданско-правовой ответственности объективно присущи две функции: компенсационная и «наказания». Принципиально компенсация имущественной сферы кредитора, по-видимому, может быть осуществлена несколькими путями за:

- 1) счет хозоргана-должника;
- 2) счет специальных фондов, образуемых на разных уровнях хозяйственного управления;
- 3) счет бюджета.

Законодатель избрал первый путь. Анализ правильности этого решения лежит за пределами науки права. Юристы должны рассмотреть вопрос о возможности и пределах переложения понесенных в связи с нарушением обязательств убытков на конкретных виновников, а также проанализировать действие механизма ответственности как «наказания». И в том и в другом случае необходимо исследовать связь между ответственностью хозоргана и ответственностью его работников.

В хозяйственном обороте выступают хозрасчетные предприятия и организации, имеющие закрепленные за ними основные и оборотные средства и самостоятельный баланс, являющиеся юридическими лицами (ст. 11 Основ). Хозорган, как юридическое лицо, отвечает по своим обязательствам принадлежащим ему (а государственная организация, являющаяся юридическим лицом, закрепленным за ней) имуществом, на которое по законодательству Союза ССР и союзных республик может быть обращено взыскание (ст. 13 Основ). Таким образом, имущественная сфера, за счет которой хозорган должен нести ответственность, определена достаточно четко и вопрос об ответственности работников хозоргана полностью лежит за пределами гражданского права, т. е. воздействие нормы об ответственности мыслится по следующей схеме:

где H — предприятие (юридическое лицо), $B_1, B_2 \dots B_n$ — конкретные работники предприятия. В пунктирной рамке — отношения, лежащие за пределами гражданского права.

Однако такое решение вопроса об ответственности предприятия или организации по своим обязательствам, о ее пределах — лишь частичное решение проблемы. Если все качества юридического лица могут быть воплощены в жизнь лишь при условии активных волевых действий¹, то ответственность хозоргана в целом выполняет только одну функцию гражданско-правовой ответственности — компенсационную. «Наказания» юридического лица такого рода ответственность не достигает. Нельзя «наказать» завод, фабрику или комбинат. Можно наказывать только людей, работающих на предприятии, ибо только они совершают те активные волевые действия, без которых юридическое лицо «не живет»².

Именно поэтому в правовой литературе и периодической печати подчеркивалась необходимость теснейшей увязки ответственности хозоргана с ответственностью его работников³.

¹ См. Ю. М. Козлов, Как управляется социалистическое предприятие, изд-во «Знание», 1968, стр. 18.

² Хотя правовое регулирование отношений между хозорганом, в том числе и ответственность, имеет конечной целью воздействие на экономику, как правильно отмечает В. И. Шкредов, воздействие права на экономику осуществляется посредством его влияния на волю и действия людей (подчеркнуто нами. — И. П.) как участников процесса производства и носителей производственных отношений (В. И. Шкредов, цит. работа, стр. 57).

³ См., например, И. Н. Петров, Мимо цели, «Экономическая газета» 1961 г. № 18; А. Быков, Имущественные санкции и материальная ответственность работников, «Советская юстиция» 1968 г. № 9, стр. 8; Е. А. Павлова, Правовое регулирование дис-

Однако в пределах какой отрасли права лежит возможное решение проблемы? В пределах гражданского или трудового права? Представляется, что оно находится где-то на стыке двух указанных отраслей. Именно это обстоятельство и обусловило недостаточную разработку соответствующего законодательства и возникновение рассматриваемой проблемы. Вместе с тем, по нашему мнению, инициативу по ее решению должно взять на себя гражданское право.

Регулируя ответственность хозоргана за нарушения обязательств, гражданское право должно обеспечить и безукоризненное действие всей остальной цепочки ответственности, создать для этого необходимые предпосылки. В ответственности хозоргана должны быть заложены условия, обеспечивающие неотвратимость ответственности, лежащей в области трудового права и доводящей «наказание» до конкретных виновников.

Решение проблемы увязки ответственности конкретных виновников нарушения обязательства (в смысле их «наказания» и частичной компенсации ущерба, причиненного имущественной сфере государства) с ответственностью хозоргана может иметь несколько вариантов. Выбор конкретного пути зависит, в свою очередь, от решения основного вопроса: какой вид ответственности более эффективен — коллективная ответственность или ответственность индивидуальная, персональная?

Для ответа необходимо определить пределы возможного (целесообразного) установления коллективной ответственности за действия одного лица или нескольких членов коллектива.

Как известно формализованные социальные группы могут быть подразделены на малые и большие¹. Малые группы — немногочисленны, они насчитывают, как пра-

циплины труда в совхозах в условиях хозяйственной реформы, «Ученые записки ВНИИСЗ», вып. 18, стр. 1—3; «А как же насчет совести?», «Правда» 17 февраля 1969 г.

¹ Некоторые социологи выделяют также «средние группы». Однако, так как структура, связи, процессы в «средних» группах сходны с теми же явлениями в «больших» группах, мы, вслед за Яном Щепаньским, не останавливаемся на средних группах.

вило, несколько десятков членов¹. Они обычно связаны отношениями дружбы и сотрудничества. Среди членов такой группы преобладают непосредственные личные контакты, в силу чего возможно их взаимное влияние друг на друга. «В таких группах создается образец взаимодействий, основанный на непосредственном знакомстве членов. Иначе говоря, во всех отношениях между членами выступает элемент личного знакомства, близости, приводящей к тому, что взаимодействия, даже институционализованные, никогда не являются полностью обезличенными...» «В малых группах... создается особый вид связи, близости между членами, создающий больше возможностей полной идентификации члена с группой...»².

Большая группа многочисленна. Она слишком многочисленна, чтобы все ее члены могли знать друг друга лично, чтобы все контакты между ними могли осуществляться непосредственно³. В этих группах воздействие людей друг на друга анонимно⁴.

В силу специфики малых групп возложение имущественной ответственности на соответствующий коллектив оказывает даже более сильное воздействие на конкретного виновника, чем его непосредственное «наказание». Члены малой группы, экспектации которых нарушены, оказывают на виновника психологическое влияние, которое не может оказать ни правовая норма, ни ее применение. Виновник, наказанный одновременно с другими членами малой группы, испытывает на себе воздействие как «наказания», так и членов группы, интересы которых были ущемлены по его вине.

Иное положение возникает при возложении имущественной ответственности на большую социальную группу. Из-за отсутствия контактов между действительным виновником и абсолютным большинством коллектива, в связи с тем, что виновник неизвестен, а основная масса большой социальной группы объективно

¹ См. Ян Шепаньский, *Элементарные понятия социологии*, изд-во «Прогресс», 1969, стр. 135.

² Там же, стр. 136.

³ См. там же, стр. 137.

⁴ См. там же, стр. 136.

лишена возможности воздействовать на виновное лицо (до совершения правонарушения и после него), возложение имущественной ответственности на многочисленные коллективы лишает ее характера «наказания», ее воспитательной роли.

Члены большой социальной группы, имущественные интересы которых ущемлены без связи с их действиями, несут ответственность без вины и не могут признать соответствующие правовые нормы оправданными. Что же касается конкретного виновника (или конкретных виновников) правонарушения, то он (они) по существу оказывается безнаказанным. Происходит обезличка: конкретный виновник страдает наравне с невиновными, он даже исчезает в массе невиновных. Думается, что такого рода ответственность не может обеспечить соблюдение правовых норм.

Вместе с тем ответственность коллектива в целом сопряжена еще с одним, на наш взгляд, недопустимым явлением: при такой ответственности в коллективе растворяется фигура его руководителя. Он несет материальную ответственность в лучшем случае наряду с коллективом, а в худшем — даже меньшую.

Однако руководитель хозоргана, директор предприятия — это не просто член коллектива. Директор организует всю работу предприятия и несет полную ответственность за его состояние и деятельность¹. Неправильные действия руководителя, возглавляющего тот или иной социальный организм, неизбежно ведут к нарушению деятельности руководимой им системы, в значительной мере определяют поведение членов коллектива.

Как уже отмечалось, рассматривая вопрос об ответственности трестов и предприятий на хозрасчете, В. И. Ленин говорил об ответственности за безубыточность своих предприятий «всех членов правления»², т. е. органа юридического лица, его руководства.

Анализ гражданского и трудового законодательства об ответственности за нарушения хозорганом договорных обязательств свидетельствует о том, что эти две

¹ См. п. 90 Положения о социалистическом государственном производственном предприятии.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 54, стр. 160.

отрасли законодательства по-разному подходят к решению вопроса об ответственности коллектива и личности. Гражданское законодательство исходило и исходит из коллективной ответственности работников хозоргана, из ответственности хозоргана в целом. Трудовое законодательство, как правило, предусматривает индивидуальную ответственность виновных работников. Такое принципиальное расхождение в решении вопросов ответственности двумя отраслями законодательства не может быть оправдано.

Могут возразить, что оно (расхождение) объективно обусловлено тем, что гражданское законодательство регулирует отношения между юридическими лицами, людскими субстратами которых являются их коллективы, а трудовое законодательство — трудовые отношения между юридическими лицами и их работниками. Данное возражение было бы верно, если бы гражданское законодательство само не устанавливало коллективную имущественную ответственность за нарушения обязательств, ответственность всего коллектива хозоргана-должника, регулируя тем самым отношения между хозорганом и его работниками (через выполнение плановых показателей, фонды поощрения и т. п.). Именно поэтому мы еще раз подчеркиваем, что условия, обеспечивающие действенность механизма ответственности хозорганов, закладываются в гражданско-правовых нормах.

Коллективная
ответственность

Рассмотрим различные варианты отнесения всех взысканных в порядке возложения ответственности за нарушения обязательств сумм на хозорганы в целом, «наказания» всех его работников.

Вариант № 1. Пункт 43 Основных положений по планированию, учету и калькулированию себестоимости промышленной продукции, утвержденных Госпланом СССР, Министерством финансов СССР и ЦСУ СССР 18 марта 1955 г.¹, предусматривал, что уплаченные предприятиями неустойки, пени, штрафы за невыполнение условий договоров должны были включаться в фак-

¹ См. «Справочник по бухгалтерскому учету», Госфиниздат, 1961, стр. 369.

тическую себестоимость продукции¹. Эти суммы в фактическую себестоимость продукции включались за вычетом полученных предприятиями от других организаций штрафов, пени и неустоек. Если полученные неустойки, пени и штрафы превышали уплаченные, разница в сумме перечислялась с общезаводских расходов на счет «Прибыли и убытки» и на себестоимости продукции соответствующие платежи не отражались.

Таким образом, нарушение обязательств влекло за собой отрицательные последствия для предприятия-нарушителя только в случае, если оно не могло взыскать соответствующие суммы со своих контрагентов, независимо от того, находились ли правонарушения хозоргана в причинной связи с неправомерным поведением последних или нет. Такая причинная связь, по-видимому, презюмировалась.

На практике же часты были случаи нарушения хозорганами своих обязательств без какой-либо связи с действиями их контрагентов, по вине самих хозорганов-нарушителей. Тогда никакого «наказания» виновный хозорган не нес, если только ему удавалось взыскать с других хозорганов необходимые суммы.

При отнесении же уплаченных санкций на себестоимость продукции через сложную систему оценки экономических показателей работы предприятия «наказывался», правда в весьма незначительной мере, весь коллектив хозоргана, все его работники.

Вариант № 2. С проведением хозяйственной реформы в соответствии с п. 10 постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 октября 1965 г. № 729 и п. 14 Методических указаний по переводу предприя-

¹ Экономистами отмечалось, что такое решение вопроса ни теоретически, ни практически не было оправдано, ибо себестоимость должна отражать величину необходимых затрат на производство продукции. Отнесение сумм уплаченных санкций на себестоимость искажает величину общественно необходимых затрат и в среднем по отрасли, являющуюся основой ценообразования (см. А. Н. Алымов, Экономическая реформа и вопросы ответственности хозяйственных органов, «Проблемы ответственности хозяйственных органов в новых условиях планирования и экономического стимулирования промышленного производства» («Материалы межведомственной экономико-правовой научной конференции», Донецк, 1967, стр. 25).

тий, объединений и отраслей промышленности на новую систему планирования и экономического стимулирования от 2 декабря 1966 г.¹ начало действовать (в отношении хозорганов, переведенных на новую систему планирования и экономического стимулирования) другое правило. Платежи по возмещению убытков, уплате штрафов, пени, неустойки стали относиться на результаты хозяйственной деятельности предприятий, учитываться в составе фактических прибылей и убытков. Мы не будем останавливаться на вопросе о том, целесообразно ли соответствующие суммы относить на чистую прибыль предприятия или учитывать их до производства платежей в бюджет², а ограничимся лишь замечанием, что и при таком решении за нарушение обязательств «наказывается» весь коллектив хозоргана, все его работники.

Следует подчеркнуть, что прибыль является источником образования фондов предприятия и, следовательно, связь между ответственностью предприятия и членов его коллектива была по сравнению с ранее действовавшим порядком несколько «выпрямлена», начала прослеживаться более четко.

Вариант № 3. В литературе имеются предложения об отнесении сумм выплат, вызванных нарушением обязательств не на прибыль, а на фонды материального поощрения хозорганов³. Эти предложения по-разному аргументируются, однако сводятся к признанию необходимости более последовательного разграничения имущественных интересов предприятий и государств, еще большего «выпрямления» связи ответственности юридического лица и его коллектива.

¹ «Хозяйственная реформа в действии», изд-во «Экономика», 1967, стр. 10.

² См. А. Н. Алымов, цит. работа, стр. 25.

³ См., например, А. Г. Быков и М. М. Ровинский, Влияние имущественных санкций на хозрасчетную деятельность предприятий и организаций, М., 1970, стр. 21.

С. С. Каринский считает целесообразным, чтобы санкции (пени, неустойки, штрафы, уплачиваемые предприятием за несправную работу, а также возникшие убытки), которые не могли быть взысканы с виновных лиц, учитывались при образовании фонда (С. С. Каринский, Оплата труда в промышленности, «Юридическая литература», 1971, стр. 91).

Вместе с тем авторы указанных предложений, учитывая весьма ограниченные размеры фондов поощрений и исходя из невозможности их полного изъятия, вынуждены рекомендовать разного рода волевые решения. Например, предлагалось, чтобы уплаченные санкции в полной сумме относились на фонд материального поощрения с тем, чтобы применение санкций повлекло за собой снижение размера фонда не более чем на 20% от того размера фонда, который должен быть начислен за фактические результаты хозяйственной деятельности без учета санкций. Остальные же 80% уплаченных санкций должны относиться на прибыль¹.

Идея «наказания» всего коллектива была воспринята и авторами работ, посвященных установлению имущественной ответственности органов управления перед подведомственными предприятиями. Так, С. Н. Братусь считает, что решение проблемы имущественной ответственности органа управления должно быть связано с материальной заинтересованностью работников этих органов. Источником покрытия ущерба должен быть премиальный фонд, который предлагается создать в управлениях министерств². Согласился с С. Н. Братусем и В. А. Рахмилович³, который считает, что за совершенное правонарушение орган управления должен отвечать прежде всего своими поощрительными фондами⁴.

Мы детально не анализируем приведенные предложения. Подчеркнем лишь, что они имеют в виду связь между ответственностью хозоргана (органа управления) и ответственностью **всего его коллектива**.

Наличие некоторых «промежуточных» вариантов не меняет существа вопроса. Так, некоторые авторы полагают, что уплата неустойки и возмещение убытков дол-

¹ См. А. Г. Быков и М. М. Ровинский, цит. работа, стр. 21.

² См. С. Н. Братусь, *Хозяйственная реформа и советское право*, «Ученые записки ВНИИСЗ», вып. 10, 1967, стр. 10.

³ См. В. А. Рахмилович, *Хозрасчет и имущественная ответственность органов хозяйственного управления*, «Советское государство и право» 1968 г. № 10, стр. 108.

⁴ См. В. А. Рахмилович, *Ошибка управления и противоправность акта*, «Ученые записки ВНИИСЗ», вып. 20, 1970, сноска на стр. 79.

жны производиться из прибыли предприятия и влечь за собой в соответствующей части уменьшение доли прибыли, зачисляемой в фонды поощрения. Вместе с тем, по их мнению, нельзя признать обоснованным предложение уплачивать соответствующие суммы полностью из поощрительных фондов, поскольку неблагоприятные результаты деятельности предприятия должны быть распределены между государством, самим предприятием и стоящим за ним производственным коллективом¹. Однако и при таком решении наказание за нарушение обязательства несет **весь коллектив предприятия**.

Индивидуальная
ответственность

Индивидуальная ответственность лишена недостатков, присущих коллективной ответственности. Индивидуальная ответственность при обеспечении ее неотвратимости наиболее эффективна и полностью соответствует представлениям трудящихся о правомерности норм об ответственности.

Индивидуальная, личная ответственность виновников правонарушений является обратной стороной принципа личной заинтересованности. В. И. Ленин говорил: «Обсуждение сообща, а ответственность единолична»².

В речи на XV съезде профсоюзов СССР Л. И. Брежнев указал на то, что «нашей общей задачей остается — и это необходимо еще раз подчеркнуть — серьезное повышение требовательности, персональной ответственности работников всех рангов за порученное дело, за выполнение решений ЦК КПСС и правительства. Надо пресекать нарушения партийной и государственной дисциплины, строго взыскивать за них». Л. И. Брежнев отметил, что какие бы то ни было нарушения как со

¹ См. М. И. Браггинский, В. С. Маврищев, О некоторых путях усиления экономической эффективности имущественных санкций в хозяйственных договорах, «Проблемы ответственности хозяйственных органов в новых условиях планирования и экономического стимулирования промышленного производства», Донецк, 1967, стр. 63. Предложенное распределение результатов деятельности вызывает ряд вопросов: почему последствия должны возлагаться на государство? Как можно распределить их между предприятием и коллективом? Мыслимо ли предприятие без коллектива?

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 44, стр. 165.

стороны рабочих, так и со стороны хозяйственных руководителей В. И. Ленин считал нетерпимыми¹.

Можно предположить несколько вариантов ответственности лиц, виновных в нарушении хозорганом обязательств.

Возможна постановка вопроса об отнесении всех выплаченных предприятием сумм (взысканных или уплаченных добровольно в связи с нарушением обязательств) на конкретных виновников. Однако, думается, что такое решение не выдерживает критики как по теоретическим, так и по практическим соображениям.

Возможно «разделение» ответственности на составные части, соответствующие ее функциям: на компенсационную и штрафную, с отнесением компенсационной части на предприятие в целом, а штрафной — на виновных лиц. С учетом существующих размеров санкций и данное решение неприемлемо. Вместе с тем при значительном уменьшении размера подлежащих взысканию неустоек такая постановка вопроса представляется обоснованной. Необходимо учитывать, что если размер компенсационной части ответственности объективно обусловлен фактическими последствиями правонарушения, то размер штрафа ими не обусловлен. Как отмечал В. И. Ленин, «назначение штрафов — не вознаграждать за убыток, а создать дисциплину... величина штрафа зависит поэтому не от величины убытка, а от степени неисправности...»².

Представляется, что значительный размер неустоек, предусмотренных действующим законодательством за нарушения хозорганами обязательств, объясняется недостатками механизма ответственности. Для того чтобы неустойка достигла стоящей перед ней задачи «наказания» виновных при условии что ответственность несет весь коллектив; а также, что неустойка непосредственно не затрагивает имущественных интересов членов коллектива (действует через прибыль, фонды поощрения), она должна быть достаточно велика. Однако повышение размера неустойки в целях ее большей осязательности для виновных приводит к неучитываемым

¹ См. «Материалы XV съезда профессиональных союзов СССР», Профиздат, 1972, стр. 11, 13.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 2, стр. 20.

нежелательным последствиям — к изъятию у государственного предприятия больших сумм и, следовательно, усложнению его финансового положения. Вместе с тем предприятие-должник, нарушившее обязательство, уже в силу этого обстоятельства является неблагополучным с точки зрения ведения своего хозяйства. Создание для него дополнительных трудностей (путем взыскания неустойки) противоречит интересам государства. Воздействие на имущественные интересы коллектива, которое в большинстве случаев не достигает конкретных виновников, производится без должного учета различий между интересами коллектива и личности.

Юристы неоднократно подчеркивали необходимость возложения ответственности на конкретных виновников допущенных хозорганом правонарушений, отмечали недостатки действующего правового механизма, не обеспечивающего соблюдения ленинского принципа неотвратимости ответственности¹.

Хотя возможность возложения ответственности на виновных работников хозоргана предусмотрена трудовым законодательством, однако соответствующие нормы явно недостаточны.

<p>Ответственность по гражданскому и трудовому законодательству</p>	<p>По трудовому законодательству материальная ответственность работника наступает (должна наступать) во всех случаях причинения предприятию имущественного ущерба; гражданско-правовая ответственность предприятия возникает лишь тогда, когда действиями (бездействием) работника нарушены гражданско-правовые обязательства хозоргана. Например, за изготовление работником недоброкачественного изделия, причинившее ущерб предприятию, работник должен нести материальную ответственность по нормам трудового законодательства. Однако само по себе изготовление недоброкачественного изделия не нарушает гражданско-правовых обяза-</p>
---	--

¹ Н. С. Малени, Ответственность в системе руководства промышленностью, «Материалы к Всесоюзной научно-технической конференции «Проблемы научной организации управления социалистической промышленностью», секция № 4, «Правовые основы руководства промышленностью», М., 1966, стр. 270; В. П. Ефимочкин, Хозяйственный договор (там же, стр. 231).

тельств предприятия. Причиненные работником убытки локализируются на предприятии-изготовителе. Для того чтобы было нарушено гражданско-правовое обязательство (договор поставки), необходимо, чтобы недоброкачественная продукция была поставлена. Именно поставка недоброкачественной продукции влечет за собой гражданско-правовую ответственность изготовителя, выражающуюся в форме уплаты штрафа и возмещения убытков. Причем имущественный ущерб от такого рода действий будет больше, чем от изготовления брака.

Следует подчеркнуть, что в последнем случае происходит смещение виновных лиц. Если при изготовлении недоброкачественного изделия виновным является конкретный рабочий, конкретная бригада, то при поставке недоброкачественной продукции — отдел технического контроля, лица, обязанные контролировать качество поставляемой продукции.

При изготовлении недоброкачественной продукции, как правило, налицо вина работников (в форме умысла или неосторожности) в нарушении требований технологии производства, нарушении нормативно-технических актов, невыполнении трудовых обязанностей. При поставке недоброкачественной продукции — в нарушении договора поставки, его условий, в нарушении гражданско-правовых обязательств — вина предприятия.

Таким образом, наряду с изменением круга виновных работников мы можем констатировать и изменение субъектного состава. В первом случае ответственность несут граждане, а во втором — юридическое лицо.

Изменение круга виновных лиц и субъектного состава влечет за собой растворение в ответственности предприятия ответственности конкретных виновников.

При рассмотрении материальной ответственности рабочих и служащих за нарушение хозорганом договорных обязательств следует ограничиться анализом норм, определяющих их ответственность за выплату предприятием (организацией) убытков и неустоек. Суммы по возмещению убытков и уплате неустойки, взыскиваемые с хозорганов, нарушивших свои обязательства, либо добровольно перечисляемые ими кредиторам полностью укладываются в понятие ущерба, причиненного предприятию рабочими и служащими при исполнении трудовых обязанностей. Речь должна идти об ответст-

венности по ст. 119 КЗоТ РСФСР; ограниченной материальной ответственности в размере прямого действительного ущерба, но не более $\frac{1}{3}$ месячной тарифной ставки (оклада) виновного работника (ср. со ст. 83 КЗоТ РСФСР 1922 года).

Если вопрос о материальной ответственности рабочих и служащих за действия, повлекшие за собой нарушения хозяйственных обязательств и как следствие таких нарушений — имущественную ответственность хозоргана, с точки зрения трудового права, ясен, то вопрос об ответственности в этих случаях администрации спорен. Понятие «рабочие и служащие» предприятия, по-видимому, не включает в себя директора предприятия, руководителя хозоргана. Так, Правила внутреннего трудового распорядка, действующие на предприятиях и в учреждениях, предусматривают обязанности администрации (правильно организовать труд рабочих и служащих, закреплять за каждым работником определенное рабочее место, соблюдать законы и правила об охране труда и т. п. — см. п. 12 Типовых правил внутреннего трудового распорядка, утвержденных постановлением Государственного комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы от 29 сентября 1972 г. № 258), противопоставляя их обязанностям рабочих и служащих (п. 11). То же противопоставление мы находим в п. 1 постановления Совета Министров СССР и ВЦСПС от 6 марта 1966 г., в пп. 2, 4 и др. Положения о правах фабзавместкома, утвержденного Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 сентября 1971 г., п. 95 Положения о предприятии и в ряде других нормативных актах. Таким образом, хотя руководитель и входит в состав работников хозоргана, выполняет в нем работу по определенной должности с обязательством соблюдать внутренний трудовой распорядок предприятия или учреждения, т. е. по формальным признакам вписывается в общепринятое понятие «рабочих и служащих»¹, однако «рабочим» или «служащим» предприятия признан быть не

¹ «Комментарий к законодательству о труде», «Юридическая литература», 1966, стр. 43.

может. Руководитель — администрация, орган другой стороны трудового договора. Руководитель с возглавляемым им хозорганом не заключает трудового договора. Он назначается на должность и освобождается от нее по решению вышестоящих органов хозяйственного руководства, премируется, подвергается дисциплинарным взысканиям и т. п. по решению органов управления.

Является ли руководитель хозоргана служащим вышестоящего органа? Это — сложный вопрос, и мы не беремся его решить. Однако при положительном ответе на него директор предприятия не будет нести ответственность по ст. 119 КЗоТ РСФСР, которая говорит об ответственности рабочих и служащих предприятия. Если на заданный вопрос последует отрицательный ответ, то от этого директор не становится «служащим» предприятия, ибо в одном лице две стороны трудового договора сочетаться не могут. Следовательно, и в этом случае ст. 119 КЗоТ РСФСР не может быть на него распространена.

В соответствии с действующим трудовым законодательством руководитель хозоргана вообще не несет материальную ответственность за нарушение предприятием гражданско-правовых обязательств. И не потому, что он не возлагает ее сам на себя (а если признать, что ст. 119 КЗоТ распространяется на руководителя, такой вывод неизбежен). Мы сталкиваемся со своеобразным законодательным вакуумом, находящимся в цепи имущественной ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение хозяйственных договоров, вакуумом, стоящим на пути неотвратимости «наказания» за допущенные правонарушения. Без его заполнения мы не можем добиться такого положения, при котором бы каждый виновник за каждое действие, повлекшее за собой ущерб, для народного хозяйства, нес имущественную ответственность.

При взыскании с предприятия-правонарушителя тех или иных сумм (в связи с ненадлежащим исполнением обязательств) материальная ответственность может быть возложена на виновных рабочих и служащих (в пределах $\frac{1}{3}$ тарифной ставки). Решение вопроса о возложении соответствующей ответственности зависит от администрации, которая сама такой ответственности

не несет и в возложении ее на своих подчиненных зачастую не заинтересована.

Практика применения ст. 83 КЗоТ РСФСР 1922 года и ст. 119 действующего КЗоТ по интересующему нас кругу правонарушений относительно незначительна.

Нельзя не обратить внимание и на то, что директор — лицо, в первую очередь и в наибольшем объеме отвечающее за деятельность предприятия, — оказывается не включенным в цепь материальной ответственности юридических лиц и работников, виновных в нарушениях условий хозяйственных договоров.

Предлагаемая конструкция

Для обеспечения эффективности гражданско-правовой ответственности хозорганов представляется необходимым установить непрерывную цепь ответственности, которая обеспечивала бы неотвратимость ответственности виновных в нарушении обязательства лиц. Для этого, по нашему мнению, нужен пересмотр действующего механизма ответственности.

Следует, по-видимому, ввести наряду с ответственностью хозорганов в форме неустойки ответственность конкретных виновников. В зависимости от результатов реализации этого предложения, быть может, удастся полностью отказаться от ответственности хозорганов в форме уплаты неустойки.

Как уже отмечалось, взыскание с должника неустойки в крупном размере противоречит интересам государства. Неустойка же в незначительных размерах не оказывает на предприятие-должника необходимого воздействия.

Неустойка, взыскиваемая с предприятия, «наказывает» весь коллектив, а не конкретных виновников, т. е. не может быть достаточно эффективной, причем, как будет показано далее, из всех видов неустоек только применение штрафной неустойки может быть признано в той или иной степени обоснованным.

Было бы более целесообразно взыскивать в бюджет ту или иную **незначительную сумму** за счет виновных в нарушении обязательств лиц. Размер подлежащей взысканию суммы в каждом конкретном случае мог бы определять арбитраж исходя из установленных законом пределов, серьезности правонарушения и возможного круга виновных лиц.

Предлагаемый для обсуждения порядок исполнения решения таких приказов арбитража следующий¹:

1. Приказ с указанием на то, что он исполняется за счет конкретных виновников, направляется арбитражем финоргану по месту нахождения должника одновременно с рассылкой решения.

2. Финорган направляет приказ лично руководителю хозоргана, который в установленный законом срок должен определить, кто именно из работников его предприятия должен нести ответственность в конкретном случае, и произвести с них соответствующие удержания в пользу бюджета.

3. Если удержания своевременно не будут произведены, финорган во внесудебном порядке взыскивает значащуюся в приказе сумму с руководителя хозоргана.

Вопрос нуждается во всестороннем обсуждении. Порядок отнесения руководителем предприятия тех или иных сумм на виновных может быть разработан только специалистами в области трудового права.

Необходимо подчеркнуть, что при принятии выказанного предложения не обязательно сохранять (в соответствующих случаях) ответственность работников предприятия-должника в пределах $\frac{1}{3}$ их тарифной ставки (ст. 119 КЗоТ РСФСР). Было бы возможно ее снижение. Предлагаемое решение обеспечило бы неотвратимость ответственности виновников, что в значительно большей степени способствовало бы укреплению дисциплины. Сознание, что в случае допущения правонарушения обязательно последует взыскание 10 руб., значительно более важно, чем предположение о возможности (с крайне малой степенью вероятности) взыскания за то же нарушение 40—50 руб.

¹ О наших предложениях рассматривать вопрос об ответственности конкретных виновников нарушения обязательства в арбитраже (см. И. Петров, Мимо цели, «Экономическая газета» 1961 г. № 18, Бракоделы и санкции, «Экономическая газета» 1963 г. № 50).

Впоследствии с такой постановкой вопроса согласился Н. С. Маленин (Н. С. Маленин, Ответственность в системе руководства промышленностью — «Материалы к Всесоюзной научно-технической конференции»; «Проблемы научной организации управления социалистической промышленностью», секция № 4, «Правовые основы руководства промышленностью», М., 1966, стр. 272; см. также Р. Ф. Каллистратова, Претензионный порядок разрешения споров, Госюриздат, 1963, стр. 35—36).

Соответствующий порядок может быть разработан и для претензионного рассмотрения споров.

Установлению нового порядка ответственности могло бы предшествовать введение экспериментальных норм в случаях, когда выявление конкретных виновников допущенных правонарушений не сложно. Например, при неосновательном отказе от акцепта счета, невыставлении аккредитива, поставки недоброкачественной продукции и т. п.

Ранее действовавшим законодательством допускалась возможность взыскания арбитражем с виновных лиц денежных сумм. Так, обнаружив при рассмотрении дела запущенность бухгалтерского учета, неправильную организацию отчетности, арбитр мог наложить на ответственных за это руководителей хозорганов и главных бухгалтеров денежное взыскание в пределах месячного оклада¹.

Существующий порядок отнесения убытков на хозорган, виновный в нарушении обязательств, должен быть сохранен. Однако и он, по-видимому, нуждается в совершенствовании.

Перемещение средств внутри единой государственной собственности для ликвидации финансового прорыва, образовавшегося в имущественной сфере кредитора, должно быть подчинено трем основным целям: 1) быстрейшему и наиболее полному возмещению ущерба; 2) возмещение его с наименьшими потерями для всего народного хозяйства, в том числе и для должника; 3) максимальной локализации неблагоприятных последствий допущенного правонарушения.

Представляется, что действующая система компенсации не обеспечивает в должной степени достижения этих целей.

Быстрота возмещения при существующем порядке рассмотрения споров еще недостаточна. Полнота возме-

¹ Пункт 14 Положения о Государственном арбитраже РСФСР, утвержденного постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 1 июня 1933 г. (СУ РСФСР 1933 г. № 35, ст. 127). Аналогичная норма содержалась в п. 16 Положения о Государственном арбитраже УССР (СП УССР 1945 г. № 4—5, ст. 40), п. 17 Положения о Государственном арбитраже Белорусской ССР, утвержденного постановлением СНК БССР от 27 декабря 1944 г. (см. «Арбитраж в советском хозяйстве», Юридическое изд-во Министерства юстиции СССР, 1948, стр. 147) и др.

щения при сложности доказывания понесенных убытков при невозможности использовать полученные суммы на неотложные нужды, вызванные нарушением обязательства, по-видимому, тоже недостаточна. Возмещение за счет средств должника влечет за собой прорыв в финансовой деятельности последнего, равнозначный прорыву в имущественной сфере кредитора. Таким образом, потери народного хозяйства в целом не восстанавливаются, а возникает новая «горячая точка» — предприятие-должник. Потери в сфере кредитора возмещены с точки зрения хозяйствующего субъекта — государства в основном условно (невыполнение планового задания, выпуск брака и т. п. не могут быть компенсированы государству уплатой сумм убытков одним предприятием другому). Вместе с тем у предприятия-должника появляются финансовые затруднения, в которых хозяйствующий субъект не заинтересован.

Неблагоприятные последствия, вызванные правонарушением, не локализируются в имущественной сфере кредитора, должника или их обоих. Они распространяются от должника по цепочке хозорганов, виновных в нарушении обязательств. Получается, что с кредитора убытки переносятся на должника, с должника — на третье лицо, с него — дальше, до последнего виновника нарушения обязательства. По мере перенесения убытков с одного государственного предприятия на другое возникают осложнения в финансовой деятельности каждого из них, осложнения, в которых государство не заинтересовано.

Думается, что вопрос об отнесении убытков на кредитора нуждается в глубоком экономическом исследовании.

Необходимо отметить, что и при сохранении принципиальной схемы действующего механизма ответственности в него должны быть внесены улучшения. В этой связи следует остановиться на формах и видах ответственности.

§ 3. Формы и виды ответственности и их воздействие на хозорганы

Статья 36 Основ, устанавливая ответственность за нарушение обязательств, предусматривает две ее фор-

мы: возмещение убытков и уплату неустойки. Под убытками разумеются два их вида: 1) расходы, произведенные кредитором, утрата или повреждение его имущества; 2) неполученные кредитором доходы, которые он получил бы, если бы обязательство было исполнено должником. Под неустойкой — четыре вида: 1) зачетная (когда убытки возмещаются в части, не покрытой неустойкой); 2) исключительная (когда допускается взыскание только неустойки, но не убытков); 3) штрафная (когда убытки могут быть взысканы в полной сумме сверх неустойки); 4) альтернативная (когда по выбору кредитора могут быть взысканы либо неустойка, либо убытки).

Таковы средства, предусмотренные законодателем для достижения цели гражданско-правовой ответственности — недопущения правонарушений. Как используются эти формы и виды ответственности действующим законодательством? В чем специфика их воздействия? Какова их сравнительная эффективность?

Убытки

Убытки обычно подразделяются на: 1) положительный ущерб и упущенную выгоду; 2) прямые и косвенные. Второе деление остается за пределами проводимого нами исследования¹.

Положительный ущерб условно может быть разделен на убытки, составляющие суммы, выплаченные кредитором за предмет ненадлежаще исполненного обязательства, и дополнительные расходы, понесенные кредитором. Обозначив первую часть положительного ущерба u_v , а вторую u_d , мы получим u_n (положительный ущерб) $= u_v + u_d$. Например, при поставке недоброкачественной продукции u_n покупателя $= u_v$ (уплаченная стоимость забракованной продукции) $+ u_d$ (расходы по транспортировке, приемке, хранению этой продукции и т. п.).

¹ О прямых и косвенных убытках см., например, И. Б. Новицкий, Л. А. Лунц, *Общее учение об обязательстве*, стр. 372; «Гражданское право», т. 1, изд-во «Высшая школа», 1968, стр. 486; Г. К. Матвеев, *Основания гражданско-правовой ответственности*, «Юридическая литература», 1970, стр. 137—151; О. С. Иоффе, *Ответственность по советскому гражданскому праву*, стр. 209—210.

u_v входит в состав u_n и, следовательно, в u (убытки). u_v , являясь частью u , одновременно и часть размера ответственности должника, ибо убытки — одна из форм ответственности. Вместе с тем u_v — это лишь сумма неосновательного обогащения должника. Ее изъятие не создает для должника неблагоприятных последствий. Оно лишь восстанавливает *status quo ante* — положение, существовавшее до оплаты счета поставщика недоброкачественной продукции. Происходит своеобразная реституция: покупатель получает стоимость продукции — поставщик получает продукцию.

Другое дело u_d , оплата которых поставщиком действительно носит для него характер неблагоприятных последствий.

Возмещение u_v и u_d имеет для кредитора компенсационный характер. В этом аспекте они однозначны.

Упущенная выгода (B) может быть определена либо исходя из плановой «выгоды» (B_n), либо из «выгоды» расчетной (B_p), которая может быть равна плановой, быть меньше или больше ее. В практике принято исходить из B_p , если $B_p < B_n$, и из B_n , если $B_p = B_n$ или $> B_n$.

Мы не останавливаемся на анализе правильности такого подхода к решению вопроса. Обратим внимание лишь на то, что u (убыток) $= u_n + B = u_v + u_d + B$, причем неблагоприятными последствиями, воздействующими на коллектив предприятия-правонарушителя, являются только $u_d + B$.

Размер u_d легко доказуем, однако обычно эта величина относительно незначительная, не оказывающая сколько-нибудь серьезного воздействия на правонарушителя. Размер B , особенно B_p , доказать очень трудно, и иски о возмещении B в практике очень редки.

В итоге возмещение убытков сводится к u_n , из которой только исключительно малый размер u_d воздействует на правонарушителя (ответственность в полном смысле слова).

Неустойка

В соответствии со ст. 35 Основ одним из способов обеспечения исполнения обязательств является неустойка (штраф, пеня). Статья 187 ГК РСФСР понимает под неустойкой (штрафом, пеней) определенную законом или договором де-

нежную сумму, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства.

То обстоятельство, что закон наряду с неустойкой называет штраф и пеню, дало основание некоторым авторам попытаться найти различие между ними, определить все три понятия¹.

В литературе правильно отмечалось, что попытка разграничения отдельных видов штрафных санкций по существу обречена на неудачу². Однако даже стремление разграничить неустойку, штраф и пеню по техническим моментам также не увенчалось успехом.

Мы присоединяемся к мнению о том, что пени, штрафы и собственно неустойки являются разновидностями одной категории, которую принято именовать неустойкой³. Из такого широкого понимания неустойки, охватывающего штраф и пеню, мы будем исходить в дальнейшем.

Часть 2 ст. 36 Основ устанавливает, что если за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства установлена неустойка (штраф, пеня), то убытки возмещаются в части, не покрытой неустойкой (штрафом, пеней). Вместе с тем в соответствии с ч. 3 той же статьи Основ законом или договором могут быть предусмотрены случаи: когда допускается взыскание только неустойки, но не убытков; когда убытки могут быть взысканы в полной сумме сверх неустойки; когда по выбору кредитора могут быть взысканы либо неустойка, либо убытки.

Как отмечалось, в зависимости от возможности одновременного взыскания убытков и неустойки в литературе принято делить последние соответственно на зачетные, исключительные, штрафные и альтернатив-

¹ См. Л. И. Картужанский, Ответственность за исполнение договоров в социалистическом хозяйстве, «Вестник ЛГУ» 1950 г. № 4, стр. 94 и след.; Н. С. Малени, Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях, стр. 118.

² См. О. С. Иоффе, Ответственность по советскому гражданскому праву, стр. 285.

³ См. И. Б. Новицкий и Л. А. Лунц, цит. работа, стр. 235; О. С. Иоффе, цит. работа, стр. 285.

ные¹. Различное соотношение возможности одновременного взыскания убытков и неустойки определяет эффективность норм об ответственности, ибо по существу отражает преломление в той или иной конкретной норме (группе норм) компенсационной и штрафной функций гражданско-правовой ответственности.

Необходим последовательный анализ четырех приведенных видов неустойки с точки зрения выполнения указанных функций гражданско-правовой ответственности.

Возмещение убытков и неустойка	В литературе была предпринята попытка проанализировать, чем обусловлено установление неустойки. Такое исследование провел О. С. Иоффе и пришел к выводу о наличии пяти причин установления наряду с правом на возмещение убытков штрафных санкций ² .
--------------------------------------	--

Во-первых, пишет О. С. Иоффе, убытки взыскиваются только тогда, когда они действительно причинены, и, следовательно, при отсутствии убытков без применения штрафных санкций соответствующие правонарушения не повлекли бы за собой никаких юридических последствий. «В договорных отношениях, особенно в отношениях между социалистическими организациями, должны пресекаться и такие правонарушения, как бы редко они ни совершались. Этой цели и служат штрафные санкции».

Здесь О. С. Иоффе, ставя в один ряд (как меры пресечения) такие формы ответственности, как возмещение убытков и уплата неустойки, допускает неточность. По нашему мнению, цели этих форм ответственности разные.

¹ На проблеме деления неустоек на «оценочные» и «штрафные» мы не останавливаемся (см. А. В. Венедиктов, Договорная дисциплина в промышленности, Л., 1935, стр. 59—60; К. А. Граве, Договорная неустойка в советском праве, стр. 14—15; О. С. Иоффе, Ответственность по советскому гражданскому праву, стр. 285—291; Н. С. Малеин, Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях, стр. 119—120). Вместе с тем мы присоединяемся к О. С. Иоффе, который полагает, что оценить заранее убытки невозможно, и в этом смысле компенсационная неустойка вообще не существует (стр. 290).

² См. О. С. Иоффе, Ответственность по советскому гражданскому праву, стр. 292—293.

Мы отмечали, что взыскание убытков в их основной части (у_в) вообще не является ответственностью в прямом смысле слова. Это — не неблагоприятные последствия, вызванные нарушением обязательства, а неблагоприятные последствия, вызванные самой деятельностью должника. Убытки от изготовления брака должник несет независимо от того, поставит он его или нет. Возвращая стоимость поставленной недоброкачественной продукции, должник приводится в первоначальное положение. Он не несет дополнительного ущерба, а его лишают неосновательного обогащения, изъятие которого приводит имущество должника в должное состояние и, по существу, не ущемляет его. Возмещение убытков, в первую очередь, выполняет компенсационную функцию. Неустойки в первую очередь призваны выполнять функции «наказания».

О. С. Иоффе правильно подчеркивает необходимость пресекать и правонарушения, не влекущие убытков, что действительно возможно только путем применения неустойки.

Во-вторых, О. С. Иоффе полагает, что для взыскания убытков необходимо доказать их размер, а также, что кредитор принял все необходимые меры для их устранения. «Практически это ставит управомоченного в весьма сложное положение в процессе, — пишет О. С. Иоффе, — и в некоторых исключительных случаях могло бы привести даже к освобождению от ответственности правонарушителя. Во избежание таких последствий необходимо при всех условиях обеспечить управомоченному хотя бы в точно фиксированных размерах определенную сумму возмещения. Этому также служат штрафные санкции».

Правильно ли приведенное рассуждение? Думается, что нет.

Действительно кредитор должен принять все необходимые меры для устранения убытков. Иначе кредитор виновен в их образовании или увеличении и, следовательно, должника соответственно следует освободить от ответственности. Речь идет о встречной вине кредитора. Как устанавливает ч. 1 ст. 224 ГК РСФСР, суд, арбитраж или третейский суд вправе также уменьшить размер ответственности должника, если кредитор умышленно или по неосторожности содействовал увеличению

размера убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением, либо не принял мер к их уменьшению. Имеет ли в виду О. С. Иоффе возможность взыскания неустойки в случаях, когда нет оснований для возложения на должника ответственности? Вероятно, нет. Вторая причина не находит подтверждения в законе.

В-третьих, совершая правонарушение, правонарушитель может рассчитывать на то, что не причинит убытки и, следовательно, не будет нести ответственность, если с него подлежат взысканию только убытки. Установление штрафных санкций, как правильно отмечает О. С. Иоффе, с самого начала вносит полную определенность в этот вопрос: по крайней мере, в пределах этих санкций ответственность обязательно должна наступить.

В-четвертых, в момент правонарушения убытки либо еще не наступают, либо не получают достаточно осязательного выражения. Между тем кредитор уже в момент нарушения должен располагать мерами, побуждающими должника к исполнению обязательства. Такими мерами являются штрафные санкции.

В этом отношении вывод О. С. Иоффе бесспорен. Однако далее О. С. Иоффе утверждает, что вместе с тем штрафные санкции позволяют управомоченному получить и предварительное возмещение убытков. Либо, добавляем мы, получить «возмещение убытков», которые так и не возникнут. Ибо, если в неустойке заложены убытки, соответствующие суммы будут поступать кредитору независимо от того, возникают фактически убытки или нет. Думается, что не это имел в виду законодатель, вводя неустойки.

В-пятых, последняя причина, как нам представляется, является наиболее важной из всех приведенных ранее. О. С. Иоффе пишет: «...Убытки являются объективным результатом правонарушения, который не может быть дифференцирован в зависимости от народнохозяйственного значения соответствующих отношений, характера правонарушения и других обстоятельств. Государство заинтересовано в такой дифференциации, так как последняя позволяет стимулировать реально осуществление наиболее важных с общественной точки зрения отношений, позволяет снабдить их повышенными мерами

охраны. Эта задача также может быть решена на основе штрафных санкций, устанавливаемых заранее для отношений, которые государство считает целесообразным снабдить такими санкциями, и дифференцируемых соответственно значению этих отношений, характеру правонарушений и т. д.».

Полностью присоединяясь к приведенному высказыванию, мы хотели бы подчеркнуть, что возмещение объективного результата правонарушения путем взыскания убытков есть осуществление компенсационной функции ответственности. Элемент «наказания» во взыскании убытков хотя и присутствует, но не только не выражен достаточно ярко, а даже порой почти или совсем неуловим. Именно поэтому «стимулирование реального осуществления... отношений» требует «повышенных мер охраны» — штрафных санкций. Это — стимулирование со знаком минус, или «наказание». В «наказании» — цель санкций. Так из приведенной формулировки выявляются две разные задачи, стоящие перед двумя разными формами ответственности. Отсюда необходимость изучать стимулирующее значение отдельных видов неустоек.

Зачетная неустойка

Зачетная неустойка, при взыскании которой убытки возмещаются в непокрытой ею части, является наиболее распространенной. Это объясняется, во-первых, тем, что неустойка признается зачетной (по смыслу ст. 36 Основ) во всех случаях, когда законом или договором не предусмотрено иное. Во-вторых, в нормативных актах, регулирующих такие отношения, как поставка, подряд на капитальное строительство, зачетная неустойка традиционно применяется при нарушении большинства норм¹. В-третьих, принято считать, что в зачетной не-

¹ См. пп. 80 и 81 Положений о поставках продукции и товаров 1959 года; пп. 88 и 90 Положений о поставках продукции и товаров 1969 года. Ранее действовавшие Правила о подрядных договорах по строительству не исключали права заказчика или подрядчика требовать возмещения убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением договора, в части, не покрываемой пеней и неустойкой (см. абз. 1 п. «б» разд. V Инструктивного письма Госарбитража при Совете Министров СССР от 5 апреля 1951 г. № 1—12, «Сборник инструктивных указаний», вып. 3, Госюриздат, 1956, стр. 263; см. также п. 68 действующих Правил о договорах подряда на капитальное строительство).

устойке (в ее размере) заложены возможные убытки кредитора. Взыскание же их, как отмечалось, затруднено. Поэтому заинтересованные в подготовке соответствующих нормативных актов органы и участники договорных отношений охотно идут на установление зачетных неустоек.

Каков механизм воздействия зачетной неустойки? Если мы обозначим убытки «у», то размер зачетной неустойки (Н) может быть больше, меньше убытков либо равняться им: $H > u$; $H < u$; $H = u$. При $H > u$ разность $H - u$ составит некую величину Z, которая будет носить штрафной характер, характер наказания. При $H < u$ Z будет иметь знак «—», а при $H = u$ будет равно 0, т. е. в последних двух случаях (из трех) Н не будет носить характера наказания. При $H = u$ неустойка лишь обеспечит компенсационную функцию гражданско-правовой ответственности, а при $H < u$ не обеспечит полностью и ее. Для полного покрытия убытков в последнем случае кредитор должен предъявить требование о возмещении убытков.

Вместе с тем при $H > u$ величина Z может быть как очень мала, так и относительно велика. В первом случае воздействие Н как «наказания» будет ничтожно, а во втором — несоразмерно тому же воздействию при всех равных условиях, но тогда Z окажется незначительным.

Если мы будем исходить из посылки, что, чем больше убытки, тем больше должно быть «наказание» предприятия, причинившего убытки, посылки, с нашей точки зрения, единственно правильной, мы, анализируя применение действующих зачетных неустоек, придем к парадоксальному выводу: чем больше убытки, тем, оказывается, меньше «наказание». Проверим это утверждение на примере. Поставщик просрочкой поставки (до 10 дней) двух изделий стоимостью 1 тыс. руб. не причинил покупателю убытка. В этом случае в соответствии с п. 59 Положения о поставках продукции

$$H = \frac{1000 \cdot 3}{100} = 30 \text{ руб.}, u = 0 \text{ и, следовательно, } H > u.$$

Если же недопоставкой тех же изделий причинен убыток в одном случае 30 руб., а в другом — 60 руб., то неустойка остается неизменной и равна 30 руб. (несмотря на рост причиненных убытков).

Мы будем иметь: 1) $H=30$; $y=30$; $H-y=0$;
2) $H=30$; $y=60$; $H-y=-30$.

В связи со сказанным целесообразность применения зачетных неустоек вызывает серьезное сомнение, тем более, что их установлению не предшествуют даже приближенный расчет, в их основе не лежит какой-либо средний размер возможных убытков, причиняемых обычно правонарушениями того или иного вида.

Исключительная неустойка

Исключительная неустойка, при применении которой не допускается взыскание убытков, широко используется

транспортным законодательством¹.

В правовой литературе исключительная неустойка, как средство обеспечения исполнения обязательства, неоднократно критиковалась. Так, Б. С. Антимонов отмечал, что, поскольку установление исключительной неустойки за нарушение договора препятствует кредитору взыскать убыток с неисправного должника, положение кредитора оказывается менее обеспеченным, чем при полном отсутствии неустойки². Н. С. Маленн полагает, что «этот вид неустойки означает минимальную ответственность за нарушение обязательств»³.

Мы не будем останавливаться на характеристике исключительной неустойки, данной И. С. Перетерским, по мнению которого неустойка имеет черты отступного⁴, характеристике, разделенной Б. С. Антимоновым⁵. Нас, как и при анализе зачетной неустойки, интересует лишь механизм ее воздействия, оправданность ее применения.

¹ См., например, ст. ст. 143, 144, 156, 157, 161 УЖД СССР; ст. 92 ВК Союза ССР; ст. ст. 179, 180, 181, 182, 197 УВВТ СССР; ст. ст. 126, 127, 141, 142, 146 УАТ РСФСР.

² См. Б. С. Антимонов, Основания договорной ответственности социалистических организаций, стр. 92—93. Далее Б. С. Антимонов делает оговорку, что его высказывание относится ко всем тем случаям, когда кредитор может доказать размер понесенных им убытков.

³ Н. С. Маленн, Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях, стр. 119.

⁴ См. «Гражданский кодекс РСФСР. Научный комментарий», Юриздат, 1930, стр. 83—84.

⁵ См. Б. С. Антимонов, цит. работа, стр. 93.

Исключительная неустойка (Н) может быть равна убыткам (у), быть меньше или больше их ($H=y$; $H<y$; $H>y$).

Таким образом, размер Н не связан с величиной убытков, причиненных правонарушением. Но может быть при определении размера исключительной неустойки учитывается некий «средний убыток»? Нет. Почему же может быть избран именно этот вид неустойки? В чем ее смысл?

Единственным внешне приемлемым объяснением является ссылка на невозможность установления в том или ином конкретном случае величины причиненных убытков. Действительно, как можно определить размер убытков, понесенных железной дорогой от простоя данного вагона у конкретного получателя в определенный день и часы? Ведь этот убыток будет зависеть от множества неучитываемых факторов. Однако исключительная неустойка не единственный способ обеспечения исполнения обязательства, при нарушении которого определение размера убытков затруднено. Тем же целям, что и исключительная неустойка, могут служить и остальные три вида неустоек, ибо размер их в каждом конкретном случае не зависит от величины убытков. Следовательно, причина избрания исключительной неустойки в ином — в невозможности при ее взыскании возмещения убытков.

Если при установлении всех остальных видов неустойки можно повысить размер ответственности должника выше пределов неустойки, то здесь нет. Исключительная неустойка хотя и может в некоторых случаях превышать размер убытков ($H>y$), однако по существу она ограничивает объем ответственности должника, ставит его в привилегированное по отношению к кредитору положение.

Исключительная неустойка заранее предполагает локализацию убытков в сфере деятельности кредитора даже в тех случаях, когда такие убытки возникли по вине должника, определены и доказуемы.

Исключительная неустойка, как вид ответственности хозорганов за нарушение обязательств, на наш взгляд, противоречит принципу хозяйственного расчета. Применение ее в условиях хозяйственной реформы не оправдано, влечет за собой ущемление экономических интересов

кредиторов и мешает объективной оценке результатов хозяйственной деятельности должников, снижает стимулирующий эффект возложения ответственности в полном объеме.

Нам представляется, что в соответствующих нормах исключительная неустойка могла бы быть заменена неустойкой штрафной, к анализу которой мы и переходим.

**Штрафная
неустойка**

Штрафная неустойка — нераспространенный вид неустойки. В частности, она применяется при поставке продукции и товаров ненадлежащего качества и некомплектных. В литературе неоднократно высказывалось справедливое мнение, что штрафная неустойка наиболее эффективный вид неустойки, что нормы о штрафной неустойке должны получить дальнейшее развитие и применение¹.

Такая оценка штрафной неустойки объясняется тем, что она взыскивается сверх подлежащих взысканию убытков. В ней «наказание» путем ущемления имущественных интересов должника выступает «в очищенном виде». Размер штрафной неустойки не зависит от размера убытков. Он может быть установлен в зависимости от целей, преследуемых неустойкой. В то же время взыскание штрафной неустойки не препятствует предъявлению требования о возмещении убытков, т. е. достижению ответственностью ее компенсационных целей в полном объеме.

Применение наряду с взысканием убытков штрафной неустойки — это идеальное сочетание, необходимое для обеспечения эффективности ответственности, достижения двух ее целей: «наказания» и компенсации.

Вместе с тем нельзя не отметить, что в правовой литературе высказывалось мнение о необходимости усиления компенсационной функции неустойки, т. е. по существу предлагается расширить применение зачетных неустоек. Так, О. С. Иоффе признал необходимым существенно усилить компенсационную функцию штрафных

¹ См. А. Б. Годес, Правовое регулирование хозяйственной деятельности как форма руководства промышленностью, «Правовые проблемы науки управления», «Юридическая литература», 1966, стр. 143; В. К. Райхер, Правовые вопросы договорной дисциплины в СССР, изд-во ЛГУ, 1958, стр. 188; Н. С. Маленин, Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях, стр. 119.

санкций, рассматривать их как закономерный источник ликвидации прорывов, образующихся в оборотных средствах потерпевшего от правонарушения участника договора. Причем О. С. Иоффе связывает свое предложение с тем, что ответственность неисправного контрагента нередко ограничивается не потому, что убытки вовсе не наступали, а вследствие затруднительности доказывания их размера или по различным иным причинам¹. Таким образом мыслится заблаговременное «заложенне» возможных убытков в размер санкций.

Необходимо отметить, что О. С. Иоффе в этом случае противоречит собственному, с нашей точки зрения, верному высказыванию, приведенному выше: оценивать заранее убытки невозможно².

И другие авторы считают, что штрафные санкции должны покрывать возможные убытки. В. К. Мамутов, исходя из компенсационного значения санкций, приходит к выводу, что их размер должен устанавливаться на основе расчета среднего размера убытков³. М. И. Брагинский и В. С. Маврищев полагают, что особенности использования неустойки в настоящее время состоят в усилении ее компенсационной функции наряду с сохранением функции штрафной⁴.

Мнение, что штрафные санкции должны покрывать возможные убытки, как правило, базируется на том об-

¹ См. О. С. Иоффе, План и организация договорных связей в социалистическом народном хозяйстве, «Ученые записки ВНИИСЗ», 1967, вып. 10, стр. 52—53.

² См. О. С. Иоффе, Ответственность по советскому гражданскому праву, стр. 290.

³ См. В. К. Мамутов, Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях как средство экономического стимулирования производства, «Проблемы ответственности хозяйственных органов в новых условиях планирования и экономического стимулирования промышленного производства», Донецк, 1967, стр. 45—46.

⁴ См. М. И. Брагинский и В. С. Маврищев, О некоторых путях усиления экономической эффективности имущественных санкций в хозяйственных договорах, стр. 63. Примерно аналогичны (по смыслу) высказывания Ю. Х. Калмыкова («Принципы хозрасчета и договорные санкции», там же, стр. 95), М. Брагинского и И. Лесника («О принципах установления штрафных санкций в хозяйственных договорах», «Социалистическая законность» 1966 г. № 6, стр. 54), Л. М. Шора, Некоторые правовые проблемы укрепления хозрасчета в деятельности предприятий, «Материалы...», секция № 4, стр. 102).

стоятельстве, что определение размера убытков и их доказывание сложны. Сложность подсчета убытков относят к факторам, препятствующим применению имущественной ответственности¹. И действительно, при простоте установления объема убытков и их взыскания вряд ли можно было бы найти аргументы в пользу «компенсационного значения» санкций.

Однако подсчет убытков и их доказывание являются проблемой технической, которая может быть с успехом решена. Даже первые шаги по пути установления методов подсчета убытков дали значительные результаты².

Штрафной неустойке должно быть предоставлено преимущество не только в связи с приведенными выше соображениями, но и потому, что ее применение позволит отказаться от необъяснимого в социалистическом праве положения, когда суммы неустоек, превышающие размер фактических убытков, поступают кредитору и являются, по существу, его неосновательным обогащением. Если с точки зрения капиталистического оборота поступление неустойки в ее штрафной части в доход кредитора является чем-то само собой разумеющимся, приносит порой даже большую прибыль, чем исполнение договора в натуре, то в социалистическом обороте сохранение действующего порядка может быть расценено как дань прошлому и неразработанность проблем, связанных с методом оп-

¹ См., например, В. Я. Юдин, Факторы, препятствующие применению имущественной ответственности, «Проблемы ответственности хозяйственных органов в новых условиях планирования и экономического стимулирования промышленного производства», Донецк, 1967, стр. 76—77.

² См. Обзор практики госарбитражей по рассмотрению споров, связанных с возмещением убытков при нарушении договоров поставки (Инструктивное письмо Госарбитража при Совете Министров СССР от 30 октября 1968 г. № И—1—34), особенно «Рекомендации о порядке исчисления суммы упущенной выгоды при непоставке товаров торговым организациям и предприятиям»; В. В. Овсиенко и В. А. Скогорев, Определение размера причиненных предприятию убытков с помощью экономико-математических методов, «Проблемы ответственности хозяйственных органов в новых условиях планирования и экономического стимулирования промышленного производства», стр. 56—60; В. К. Мамутов, В. В. Овсиенко, В. Я. Юдин, Предприятие и материальная ответственность, Киев, 1971; В. А. Язев, Промышленность и торговля (правовые вопросы), «Юридическая литература», 1970, стр. 196—201.

ределения размера убытков. Неустойка в размере, превышающем убытки, являющаяся в этой части «наказанием», в связи с публичным характером меры такого воздействия должна поступать не хозоргану, а в бюджет.

Понятно, что определить удельный вес «наказания» при применении всех видов неустоек, кроме штрафной, невозможно. Штрафная же неустойка является «наказанием» в очищенном виде и может полностью взиматься в доход бюджета.

Кроме того, при определении размера штрафной неустойки проще выявить эффект ее воздействия на правонарушителя. Являясь только «наказанием», она не включает в себя убытки, составляющие суммы, выплаченные кредитором за предмет ненадлежаще исполненного обязательства (у_в), взыскание которых, как уже отмечалось, зачастую не носит характера возложения ответственности, а является осуществлением своеобразной реституции.

Только штрафная неустойка может быть использована в качестве средства воздействия на конкретных виновников, ибо только ее размер может быть снижен до минимума, обеспечивающего возможность переложения неустойки («наказания») на работников предприятий-должников. Снижение размера штрафной неустойки не затронет интересов кредиторов в компенсации убытков. Переложение же на фактических виновников нарушения обязательства иных видов неустоек в полном размере, как уже отмечалось, неприемлемо.

Переход на штрафную неустойку может быть осуществлен после тщательного и всестороннего анализа проблемы, после завершения разработки методов определения убытков. Переход на штрафную неустойку, как нам представляется, должен касаться только законных неустоек. При установлении договорных неустоек за сторонами следовало бы сохранить право выбора их вида.

Против широкого применения штрафной неустойки со взысканием соответствующих сумм в доход бюджета может быть выдвинуто, как нам представляется, лишь одно возражение: незаинтересованность кредиторов во взыскании таких неустоек¹. По-видимому, такое явление дей-

¹ В. Я. Юдин отмечает, что даже использование государственным арбитражем предоставленного ему права в некоторых случа-

ствительно может иметь место. Однако преодоление этого препятствия возможно. Проблема сводится к введению новых стимулов, к подключению к системе, если это необходимо, новых регуляторов.

**Альтернативная
неустойка**

При характеристике альтернативной неустойки обычно принято говорить, что в отношениях между хозорганами

она почти не применяется.

Н. С. Маленин в качестве примера альтернативной неустойки приводит правила ст. 189 УВВТ¹. Однако последняя часть ст. 189 УВВТ в связи с изданием постановления Совета Министров СССР от 27 октября 1967 г. № 988 утратила силу. Пунктом 21 указанного постановления установлено, что возмещение морскими и речными пароходствами ущерба, причиненного порчей груза вследствие просрочки его доставки, не освобождает пароходства от уплаты штрафа за просрочку доставки груза.

Какова идея предоставления кредитору права выбора между взысканием убытков или неустойки? По-видимому, в таком решении вопроса преследуются две цели: 1) предоставление кредитору возможности требовать неустойку в случаях, когда убытки правонарушением не причинены или когда они трудно определимы (доказуемы); 2) предоставление кредитору права выбора наибольшего размера ответственности (в результате сравнения размеров убытков и неустойки).

Для достижения первой цели установление альтернативной неустойки не требуется. Она может быть достигнута зачетной неустойкой. Достижение второй цели (при выборе альтернативной неустойки, а не убытков, если неустойка выше убытков) означает «наказание» в неопределенном заранее размере (заранее неизвестно, насколько неустойка будет больше убытков). Вряд ли

ях обращать в доход бюджета взыскиваемые с должников санкции «является сдерживающим фактором в применении имущественной ответственности, так как хозорганы-истцы утрачивают заинтересованность в возбуждении в органах государственного арбитража исков о взыскании пени, штрафов и неустойки» (В. Я. Юдин, цит. работа, стр. 73).

¹ См. Н. С. Маленин, Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях, стр. 119.

можно серьезно говорить об эффективности такого «наказания». Вероятно, поэтому альтернативная неустойка не нашла применения.

Заканчивая рассмотрение форм и видов ответственности, их воздействия, необходимо отметить, что эффективность ответственности может быть обеспечена только при ее соразмерности допущенному правонарушению, при ее соотносимости.

§ 4. Соразмерность и соотносимость ответственности

Одной из узловых проблем совершенствования механизма ответственности является ее соразмерность и соотносимость. Под соразмерностью мы понимаем соответствие размера ответственности характеру допущенного правонарушения, степени его общественной опасности. Под соотносимостью — соответствие объема ответственности за однотипные нарушения условий договоров различных видов единым принципиальным критериям.

Понятно, что размер ответственности должен устанавливаться в соответствии с тяжестью правонарушения, что ответственность за однотипные нарушения хозяйственных договоров различных видов также должна соответствовать единым критериям. Однако, к сожалению, в действующем законодательстве оба приведенных требования не находят должного отражения. Это в значительной степени снижает воздействие механизма ответственности на правонарушителей.

Как уже отмечалось, ответственность должна соответствовать характеру допущенного правонарушения, степени его общественной опасности, т. е. должна быть не только правильно определена форма ответственности, но и ее величина. Если форма ответственности зависит от характера правонарушения, то ее размер — от места правонарушения в ряду однохарактерных нарушений (по их тяжести).

Так, гражданско-правовая ответственность за поставку продукции ненадлежащего качества наступает в форме возмещения убытков и уплаты штрафной неустойки.

Размер же штрафной неустойки зависит от тяжести конкретного вида правонарушения: 1) если продукция забракована как не соответствующая государственным стандартам, техническим условиям или образцам — штраф 20% ее стоимости; 2) при обнаружении в поставленной продукции производственных недостатков, которые могут быть устранены на месте, — штраф 5% ее стоимости, а если изготовитель не устранит недостатки в установленный срок — 20%; 3) в случае обнаружения и неустранения в согласованный срок (при просрочке до 10 дней) конструктивных недостатков в продукции, поставленной в качестве опытного промышленного образца (партии), а также в машинах и оборудовании индивидуального исполнения, неустойка уплачивается в размере 3% стоимости продукции¹.

Если мы представим себе всю систему штрафных санкций как нечто целое, то размер штрафа, взыскиваемого за конкретное правонарушение (b), должен быть ниже, чем штраф за нарушение большей тяжести (a), и выше, чем за нарушение меньшей тяжести (c): $a > b > c$. Шкала штрафных санкций (по размеру) может быть представлена как $a > b > c > d > e \dots > x$, где a, b, c, d, e... x — размер ответственности за некие конкретные виды правонарушений. Не исключено, что размер ответственности за некоторые правонарушения будет одинаков ($a = a_1$; $b = b_1 = b_2$ и т. д.).

Построение шкалы размеров штрафных санкций должно иметь в основе какое-то правонарушение, неблагоприятные последствия которого входят в качестве основного элемента в неблагоприятные последствия важнейших правонарушений иных видов. Так, при анализе размеров ответственности за нарушения обязательств по поставке в качестве такого основного правонарушения может быть взята недопоставка. Неблагоприятные последствия недопоставки (отсутствие необходимой кредитуру продукции) являются составным элементом нарушений, связанных с поставкой недоброкачественной продукции, некомплектной, с устранимыми дефектами, с конструктивными дефектами.

Если мы представим себе неблагоприятные последствия недопоставки как q, неблагоприятные последствия

¹ См. пп. 61, 62, 65 Положения о поставках продукции.

поставки недоброкачественной продукции как P , мы можем сказать, что $P - q = Z$, где Z — дополнительные к q неблагоприятные последствия, в состав которых войдут безвозвратные потери для государства, выражающиеся:

в сфере поставщика (изготовителя) — затратой рабочей силы, сырья и материалов, электроэнергии на изготовление недоброкачественной продукции, амортизацией оборудования, расходами по перемещению продукции внутри предприятия-поставщика, расходами по ее упаковке, затариванию, погрузке в вагон и т. п.;

в сфере покупателя — расходами по разгрузке, приемке, хранению, реализации или возврату продукции;

в транспортных расходах, относимых на покупателя или поставщика в зависимости от условия франко.

Приведенный перечень дополнительных потерь не является исчерпывающим.

Мы можем сказать, что размер ответственности должен быть прямо пропорционален тяжести правонарушения, определяемой для общества в целом и для кредитора последствиями. Тогда размер ответственности за недопоставку должен относиться к возникшим в связи с ней неблагоприятным последствиям так же, как размер ответственности за поставку недоброкачественной продукции к возникшим из-за нее неблагоприятным последствиям. Иначе, если обозначить размер ответственности за недопоставку через y , а размер ответственности за поставку недоброкачественной продукции через v , мы получим отношение:

$$y : q = v : P$$

Вместе с тем правонарушение, положенное в основу шкалы размеров штрафных санкций, может являться неким эталоном для определения размеров ответственности и за другие правонарушения.

Так, если $p > q$ и, следовательно, $v > y$, то неблагоприятные последствия от поставки продукции в немаркированной таре (m), от поставки продукции соответствующей ГОСТу, но не соответствующей повышенным требованиям к качеству, предусмотренным договором (n), меньше, чем от поставки недоброкачественной продукции. Таким образом, $P > m$ и $P > n$. Вместе с тем $m < q$, а $n \leq q$.

Произведя распределение по шкале размеров ответственности, обозначив размер ответственности за m S , а за n T , получим $v > y \geq T > S$.

Дальнейшее построение шкалы размеров штрафных санкций должно вестись тем же методом.

Соразмерность
ответственности
за нарушение
обязательств
по поставке

Анализ действующего законодательства об ответственности за нарушения хозяйственных обязательств свидетельствует о неблагоприятии в этом вопросе. Сказанное относится и к соразмерности норм об ответственности хозорганов за нарушение обязательств по поставке. Для того чтобы в этом убедиться, достаточно сравнить размер санкций норм Положений о поставках с отрицательными последствиями, возникающими в связи с соответствующими нарушениями.

Первое, на что, по-видимому, следует обратить внимание, это несоразмерность ответственности по Положению о поставках продукции и Положению о поставках товаров. Они зачастую исходят из признания разной социальной опасности аналогичных правонарушений, допускаемых при поставке продукции и поставке товаров.

Например, за просрочку поставки или недопоставку продукции в установленный договором срок поставщик уплачивает покупателю за просрочку до 10 дней неустойку в размере 3%, а при просрочке свыше 10 дней — дополнительно неустойку в размере 5% стоимости недопоставленной в срок продукции по отдельным наименованиям ассортимента (п. 59 Положения о поставках продукции). Положение о поставках товаров за то же нарушение предусматривает неустойку соответственно в 2 и в 3% (п. 60 Положения о поставках товаров). В случае поставки без согласия покупателя продукции или товаров, не предусмотренных договором, неустойка установлена: по продукции — 3%, а по товарам — 2% (пп. 60 и 61 Положений о поставках продукции и товаров). При обнаружении в поставленной продукции производственных недостатков, которые могут быть устранены на месте, покупатель вправе взыскать с изготовителя (поставщика) штраф в размере 5% стоимости этой продукции (п. 62 Положения о поставках продукции). При поставке товаров в аналогичных случаях может быть взыскан

штраф лишь в размере 2% таких товаров (п. 63 Положения о поставках).

Установление в Положениях разных размеров неустоек за одни и те же правонарушения неоправданно. Как мы уже указывали, степень вреда, причиняемого невыполнением договора поставки, не определяется характером поставляемой продукции, а зависит от конкретных условий и последствий ненадлежащего исполнения обязательства. Это тем более очевидно, что отнесение изделий к продукции производственно-технического назначения или к товарам народного потребления не предрешает направления их использования: для промышленных нужд или для продажи населению. Вместе с тем поставка товаров народного потребления по вне-рыночному назначению производится в соответствии с Положением о поставках товаров народного потребления¹, и, следовательно, неустойка в перечисленных случаях должна взыскиваться в пониженном размере.

То обстоятельство, что степень общественной опасности нарушения обязательства не определяется отношением поставляемых изделий к продукции или товарам, подтверждается также и тем, что за правонарушения, в том числе и наиболее серьезные, Положениями установлена одинаковая ответственность.

Так, одинаковая ответственность установлена за поставку недоброкачественной² и некомплектной³ продукции и товаров, за неустранение недостатков изделий в установленный срок⁴, за поставку изделий более низкого сорта (качества), чем указано в документе, удостоверяющем качество продукции или товаров⁵.

Представляется, что несоразмерность ответственности по двум Положениям о поставках должна быть устранена.

¹ См. п. 2 Положений о поставках.

² См. пп. 61 и 62 Положений о поставках продукции и товаров.

³ См. пп. 64 и 66 Положений о поставках продукции и товаров.

⁴ См. пп. 62 и 63 Положений о поставках продукции и товаров.

⁵ См. пп. 66 и 67 Положений о поставках продукции и товаров.

Нельзя признать и наличие соразмерности ответственности по некоторым другим нормам обоих Положений. Говоря о несоразмерности, мы исходим из очевидных случаев. Ибо, к сожалению, ни правовая, ни экономическая науки еще не располагают точными методами определения соразмерности ответственности отрицательным последствиям, возникающим в результате правонарушения.

Штраф за поставку недоброкачественной и некомплектной продукции обоими Положениями установлен одинаковый — 20% стоимости недоброкачественной или некомплектной продукции (товаров). Однако последствия этих двух нарушений неодинаковы. Если поставка недоброкачественной продукции влечет за собой значительные отрицательные последствия, то поставка некомплектной продукции влечет эти последствия только в случае ее недоукомплектования. Поставка некомплектных изделий очень близка по своим последствиям к поставке продукции или товаров с устранимыми производственными недостатками. Поэтому штраф в размере 20% за поставку некомплектной продукции представляется несоразмерным отрицательным последствием, причиненным такой поставкой.

При определении размера ответственности за поставку некомплектной продукции следовало бы исходить из двухстадийной ответственности. Первая должна наступать в связи с поставкой некомплектной продукции. Вторая — с ее неукомплектованием в определенный срок (срок поставки). Первая по размеру должна приближаться к ответственности за недопоставку (полученная некомплектная продукция для покупателя, который не может ее использовать, является по существу непоставленной), вторая — к ответственности за поставку недоброкачественной продукции (в случае неукомплектования последствия для покупателя и государства примерно те же, что и при поставке брака).

Не может быть признана соразмерной ответственность за поставку продукции (товаров) более низкого сорта (качества), чем указано в удостоверении о качестве. Несмотря на то что эта продукция (товар) соответствует требованиям стандартов или технических условий, Положения предусматривают возможность взыскания за такое нарушение штрафа в размере до 20%, т. е.

такого же, как и за поставку нестандартных, недоброкачественных изделий. Несоразмерность ответственности в этом случае настолько очевидна, что дополнительные аргументы не требуются.

Какова может быть ответственность за приведенное нарушение обязательства? По нашему мнению, она должна приближаться к ответственности за недопоставку. В связи с тем, что штраф на основании п. 66 Положения о поставках продукции (п. 67 Положения о поставках товаров) взыскивается при отказе покупателя от оплаты и принятия продукции, для него наступают последствия, аналогичные с последствиями при недопоставке, но, кроме того, он должен принять и хранить, а затем передать (переотправить) ненужные ему изделия.

Для государства отрицательные последствия в этом случае также несколько больше. Один из его хозорганов не получил нужную продукцию (товар), кроме того, омертвлены на какой-то срок отгруженные материальные ценности, возникает необходимость дополнительной их перевозки.

Должно быть учтено и то обстоятельство, что за недопоставку продукции покупатель может взыскать зачетную неустойку, а в анализируемом случае — штрафную.

Соразмерность
ответственности
за нарушения
обязательств
по перевозке

Факты несоразмерности ответственности без труда могут быть обнаружены и в транспортном законодательстве.

Так, за неподачу перевозчиком и неиспользование отправителем транспортных средств ч. 3 ст. 181 УВВТ СССР и ст. 92 ВК Союза ССР предусматривают уплату штрафа в размере 25% провозной платы за непредъявленное или невывезенное количество груза. Статья 144 УЖД СССР устанавливает взыскание штрафа за неподачу или неиспользование транспортных средств не в процентах от провозной платы, а в твердой сумме (с тонны груза при перевозке в вагонах и с контейнера — в зависимости от его грузоподъемности). Таким образом, в указанных законодательных актах даже принцип определения ответственности разный.

Определение размера ответственности перевозчика за нарушения сроков доставки грузов различными видами транспорта строится неодинаково. Размер ответвен-

ности не имеет непосредственной связи с неблагоприятными последствиями нарушений обязательств¹.

Не говоря о разных принципах определения размера ответственности перевозчика за нарушение сроков доставки, следует обратить внимание на следующее обстоятельство. Наиболее быстрым средством доставки грузов является авиатранспорт. К его услугам прибегают именно тогда, когда необходима срочная доставка. Поэтому, казалось бы, что за нарушение сроков доставки авиатранспорт должен был бы нести наивысшую (по сравнению с другими видами транспорта) ответственность. Однако он уплачивает лишь 5% тарифа за каждые просроченные сутки, тогда как речной — 10%, а железнодорожный и автомобильный — 12% провозной платы. Предельный же размер подлежащего взысканию штрафа за несвоевременную доставку грузов авиатранспортом равен пределу, установленному УВВТ (50% провозной платы). Пределы ответственности железнодорожного и автомобильного транспорта выше (60% провозной платы).

Если мы обратимся к соразмерности ответственности, установленной отдельными законодательными актами, регламентирующими перевозки грузов, то и здесь найдем внутренние несоответствия.

Так, за повреждение вагона или контейнера грузоотправитель или грузополучатель уплачивает штраф в размере пятикратной стоимости поврежденных частей вагона или контейнера, а также обязан возместить железной дороге убытки, понесенные ею вследствие повреждения подвижного состава². Вместе с тем при повреждении железной дорогой подвижного состава, принадлежащего предприятиям, организациям или учреждениям, она лишь обязана его отремонтировать³.

Таким образом, за равные правонарушения, связанные с повреждением государственной собственности, влекущие за собой равные последствия, установлена неодинаковая ответственность.

Представляется неоправданной норма ст. 188 УВВТ СССР, в соответствии с которой, если срок доставки менее 6 суток, то размер штрафа за просрочку доставки

¹ См. ст. 106 ВК Союза ССР; ст. 153 УЖД СССР; ст. 137 УАТ РСФСР.

² См. ст. 162 УЖД СССР.

³ См. ст. 163 УЖД СССР.

груза снижается на 50%. Чем короче срок доставки, тем легче его соблюсти (меньшее расстояние нужно пройти). Чем короче срок доставки, тем больше клиентура рассчитывает на его соблюдение и тем скорее она воспользуется весьма медленным способом доставки — водным транспортом. Поэтому, казалось бы, что, чем короче срок доставки, тем большую (или хотя бы пропорциональную) ответственность за его нарушение должен нести перевозчик. Однако этот вопрос решен законом иначе.

Соразмерность
ответственности
за нарушения
обязательств
по подряду
на капитальное
строительство

Правила о договорах подряда на капитальное строительство также страдают несоразмерностями ответственности за нарушения обязательств. Например, если за просрочку передачи оборудования для монтажа заказчик уплачивает неустойку в размере 3% (за просрочку до 10 дней) и дополнительную неустойку в размере 5% (за просрочку свыше 10 дней) стоимости не переданного в срок для монтажа оборудования по отдельным наименованиям (п. 21 «а»), то за нарушение предусмотренных договором сроков выполнения этапов работ подрядчик уплачивает заказчику пеню в размере 0,05% за каждый день просрочки, а за просрочку свыше 30 дней — помимо пени неустойку в размере 2% сметной стоимости таких работ (п. 62 «б»). Суммы неустойки (пени), уплаченные подрядчиком за нарушение сроков выполнения работ, возвращаются подрядчику по окончании всех работ по объекту к установленному договором сроку (п. 68).

Таким образом, за однохарактерные нарушения установлены разные последствия.

Правила о договорах подряда на капитальное строительство предусматривают несколько случаев нарушений обязательств заказчиком, препятствующих строительству.

несвоевременная передача подрядчику разрешения на производство работ (п. 37);

несвоевременное переселение лиц, проживающих в зданиях, подлежащих сносу, переносу или реконструкции (п. 38);

несвоевременное получение разрешения на перенос сооружений, препятствующих строительству (п. 38);

несвоевременное производство работ по демонтажу

оборудования, механизмов и устройств, отключению действующих сетей водо-, газо-, паро- и энергоснабжения и других сетей на объектах, подлежащих сносу, переносу или реконструкции (п. 38);

несвоевременная передача подрядчику спецификации, чертежей на монтаж оборудования, технических условий и заводских инструкций по монтажу технологического, энергетического и другого оборудования и маркировочных схем, технических паспортов оборудования, актов ОТК изготовителя на контрольную сборку и заводские испытания оборудования (п. 41);

просрочка передачи подрядчику оборудования для монтажа (п. 61 «а»);

передача для монтажа некомплектного оборудования (п. 61 «б»);

просрочка передачи подрядчику материалов и изделий (п. 61 «в»).

Каждое из перечисленных нарушений мешает подрядчику своевременно завершить строительство. Казалось бы, что при определении размера ответственности за нарушения в основу должен быть положен единый принцип, например, определение размера неустойки в процентах к сметной стоимости задержанного строительством объекта, либо твердый размер неустойки в день, или иная общая для всех нарушений основа определения размера ответственности.

Однако в Правилах ответственность за нарушения, указанные в пп. 37, 38 и 41, определена в виде неустойки в размере 100 руб. за каждый день просрочки (п. 61 «г»); за нарушения, указанные в п. 61 «а» и «в», в виде неустойки — 3% за просрочку до 10 дней и 5% за просрочку свыше 10 дней со стоимости не переданного в срок для монтажа оборудования по отдельным наименованиям и стоимости не переданных в срок материалов и изделий (без указания, что расчет неустойки производится по отдельным наименованиям). За нарушение, предусмотренное п. 61 «б», установлен штраф 20% стоимости переданного некомплектного оборудования, включая стоимость недостающих частей.

Такое различие в размерах и порядке исчисления неустойки за правонарушения, влекущие сходные последствия, представляется недостаточно обоснованным. При этом необходимо учитывать, что:

стоимость оборудования, не переданного в срок для монтажа, не определяет размеры убытков, возникших у подрядчика в связи с этим нарушением. То же можно сказать и о стоимости не переданных в срок материалов и изделий. Поэтому исчисление неустойки в процентах к стоимости оборудования, материалов и изделий вызывает возражения;

передача для монтажа некомплектного оборудования равнозначна (для подрядчика) непередаче оборудования в срок. По аналогии с предлагаемым решением вопроса ответственности за поставку некомплектной продукции при передаче для монтажа некомплектного оборудования следовало бы исходить из двухстадийной ответственности. Первая должна наступать за факт передачи некомплектного оборудования, а вторая — за недоукомплектование его в срок (срок передачи).

Вместе с тем и стоимость некомплектного оборудования не определяет объем неблагоприятных последствий и, следовательно, не может быть положена в основу определения размера штрафа.

Соотносимость ответственности Как уже указывалось, под соотносительностью ответственности мы понимаем соответствие форм и размеров ответственности за нарушения однотипных условий договоров различных видов единым принципиальным критериям. Стремление установить такое соответствие четко прослеживается в Правилах о договорах подряда на капитальное строительство. Предусмотренный ими порядок исчисления неустойки за просрочку передачи оборудования для монтажа и за просрочку передачи материалов и изделий, а также ее размер полностью соответствуют порядку исчисления и размеру неустойки, установленному Положением о поставках продукции за просрочку поставки или недопоставку продукции¹. То же можно сказать о штрафе за передачу для монтажа некомплектного оборудования и штрафе за поставку некомплектной продукции².

¹ Ср. пп. 61 «а», 61 «б» Правил о договорах подряда на капитальное строительство и п. 59 Положения о поставках продукции.

² Ср. п. 61 «б» Правил о договорах подряда на капитальное строительство и п. 64 «в» Положения о поставках продукции.

В условиях социалистического планового хозяйства, когда плановые задания конкретизируются в договорах, невыполнение договора, как правило, означает и невыполнение планового задания. Учитывая взаимную зависимость и увязку плановых показателей, следует признать, что невыполнение одного планового показателя каким-либо конкретным хозорганом влечет за собой невыполнение плановых заданий другим или другими хозорганами в самых различных отраслях народного хозяйства. Несвоевременная доставка груза, несвоевременное окончание строительства в большинстве случаев влечет за собой нарушения сроков изготовления и поставки продукции. В свою очередь несвоевременная поставка продукции заказчику влечет нарушение сроков строительства, осуществляемого подрядчиком, и т. д.

Гражданско-правовые обязательства в народном хозяйстве не существуют изолированно, они связаны между собой. Поэтому за однохарактерные правонарушения договоров различных видов должна устанавливаться экономически обоснованная и по возможности одинаковая ответственность.

Соотносимость ответственности за нарушение сроков исполнения обязательств

Нарушение сроков исполнения обязательств хозорганами влечет за собой различную ответственность, хотя последствия этих нарушений, как правило, однохарактерны, а зачастую совпадают. Так, несвоевременная поставка и несвоевременная доставка (при равных нарушениях сроков) влекут за собой одинаковые для государства и покупателя (получателя) последствия. Несвоевременное окончание строительства промышленных объектов в большинстве случаев влечет за собой недопоставку либо отказ от выборки продукции.

Размер же ответственности за нарушение сроков исполнения определяется по-разному. За нарушение сроков исполнения:

по договору поставки с поставщика взимается неустойка в процентном отношении к стоимости недопоставленной (несвоеременно поставленной) продукции;

по договору перевозки с перевозчика за нарушение сроков доставки взимается штраф в процентном отношении к провозной плате, но не более 50—60% провозной платы;

по договору подряда на капитальное строительство с подрядчика за несвоевременное окончание строительства объекта взимается пеня в процентном отношении к сметной стоимости строительно-монтажных работ, но не свыше 500 руб. в день.

Таким образом, размер неустойки во всех случаях определяется исходя из стоимости основного обязательства по договору: продукции, подлежащей поставке, доставки груза, строительно-монтажных работ. Внешне такое решение вопроса представляется правильным. Однако, думается, что в основе определения размера неустойки должны лежать иные критерии: степень причиняемого ненадлежащим исполнением вреда, последствия, возникающие для государства и кредитора. В этом случае размер неустойки должен определяться не исходя из стоимости основного обязательства по договору, а из твердого, усредненного стоимостного показателя причиняемого ненадлежащим исполнением вреда.

Решение рассматриваемого вопроса должно быть найдено не юристами, а экономистами. Однако при всех условиях он должен быть рассмотрен в широком аспекте всех видов договоров, в их взаимосвязи, в том числе и экономической, для всего народного хозяйства и всех отраслей.

Необходимо отметить и следующее обстоятельство. Если ответственность за нарушение обязательств по срокам поставки не ограничена высшим пределом, то размер ответственности за несвоевременную доставку груза и за несвоевременное окончание строительства объекта ограничен: в одном случае процентным отношением к провозной плате, а в другом — твердой суммой в день. Оправдано ли такое разнообразие? Думается, что нет.

Признавая более правильным решение этого вопроса в нормах, регулирующих отношения по договору поставки, мы должны обратить внимание на следующее. **Ограничение ответственности за нарушение сроков доставки ведет по существу к освобождению от нее перевозчиков в случаях более грубого нарушения обязательств, наиболее длительной просрочки доставки.** Если за несоблюдение сроков доставки при просрочке от $\frac{1}{10}$ срока доставки до $\frac{4}{10}$ срока доставки морские пароходства уплачивают установленные штрафы в возрастающем

размере — до 40% провозной платы, то при более длительной просрочке они уплачивают штраф 50% независимо от того, на $\frac{5}{10}$, $\frac{6}{10}$, $\frac{7}{10}$ или $\frac{15}{10}$ срока будет просрочена доставка груза. Следовательно, перевозчик при длительных просрочках, влекущих за собой наиболее неблагоприятные последствия, не стимулируется к быстрейшему выполнению обязательства и не несет за его нарушение возрастающую ответственность.

Аналогичная картина наблюдается и при анализе размеров ответственности за нарушение сроков доставки грузов другими видами транспорта.

Ограничение размера пени за несвоевременное окончание строительства объекта (не свыше 500 руб. в день) приводит к тому, что меньше страдают от возложения на них ответственности подрядчики, ведущие строительство крупных объектов, сметная стоимость строительно-монтажных работ которых наиболее высока. Нарушение сроков строительства таких объектов влечет за собой более тяжелые последствия, чем нарушения сроков строительства объектов мелких, с меньшей стоимостью строительно-монтажных работ. Иначе говоря, приведенное ограничение ведет по существу к освобождению от ответственности подрядчиков в случаях наиболее тяжелых последствий нарушения обязательств. Как бы ни была высока стоимость строительно-монтажных работ, если она превышает 1,5 млн. руб., 2 млн. руб. или 5 млн. руб., размер ответственности подрядчика составит только 500 руб. в день. В то же время при стоимости строительно-монтажных работ до 1 млн. руб. размер ответственности подрядчика будет повышаться пропорционально увеличению стоимости работ.

Если бы мы продолжили анализ соотносимости ответственности за нарушение сроков исполнения обязательств по дополнительным условиям договоров разных видов (за несвоевременное представление спецификации с технической характеристикой или развернутым ассортиментом продукции¹, за несвоевременную передачу заказчиком подрядчику спецификации, чертежей на монтаж оборудования² и т. д.), то также легко бы убе-

¹ См. п. 78 Положения о поставках продукции.

² См. п. 61 «г» Правил о договорах подряда на капитальное строительство.

дились в неоднородном решении вопросов, связанных с определением ее размера.

Соотносимость
ответственности
за нарушение
качества

Как уже отмечалось, поставка недоброкачественной продукции — серьезное правонарушение, наиболее тяжкое из всех нарушений договора поставки. Однако безвозвратные потери

для государства и неблагоприятные последствия для кредитора возникают не только в случае поставки недоброкачественной продукции, но и при порче ее при перевозке, а также при допущении подрядчиком дефектов в работах и конструкциях.

Поставка недоброкачественной продукции по своим последствиям равнозначна ее порче при транспортировке. Однако, если поставщик несет ответственность за поставку недоброкачественной продукции или за порчу груза в процессе транспортировки по его вине в соответствии с п. 61 Положения о поставках продукции (возмещает стоимость недоброкачественных изделий, уплачивает штраф в размере 20% их стоимости, а также возмещает кредитору убытки, возникшие в связи с поставкой брака), то за порчу груза при перевозке перевозчик отвечает в размере той суммы, на которую понизилась его стоимость (ст. 151 УЖД СССР; ст. 195 УВВТ СССР; ст. 105 ВК Союза ССР; ст. 135 УАТ РСФСР). Штрафные санкции перевозчик не уплачивает. Не возмещает он и причиненные нарушением обязательства убытки (сверх суммы, на которую понизилась стоимость груза). Правильно ли это? Видимо, нет. Одинаковые последствия должны влечь за собой одинаковую ответственность. Как уже говорилось, критерием объема ответственности, ее размеров должна быть степень общественной опасности правонарушения. И этот критерий должен лежать в основе всех норм, устанавливающих ответственность за аналогичные правонарушения.

Какова же ответственность за допущение недоделок и дефектов в строительных и монтажных работах? В соответствии с п. 57 Правил о договорах подряда на капитальное строительство устранение всех недоделок и дефектов в строительных и монтажных работах, отмеченных в актах рабочих и государственных приемочных комиссий, в сроки, установленные этими актами, лежит на обязанности генерального подрядчика и организаций,

производивших монтажные и специальные строительные работы. За задержку устранения недоделок и исправления допущенных подрядчиком дефектов в работах и конструкциях против сроков, предусмотренных актами рабочих и государственных приемочных комиссий, подрядчик уплачивает заказчику штраф, предусмотренный п. 62 «в» Правил, в размере 100 руб. за каждый день просрочки. Кроме того, заказчик вправе задержать перечисление подрядчику средств на премирование за ввод в действие производственных мощностей, пусковых комплексов и объектов до устранения подрядчиком недоделок и дефектов.

Правила о договорах подряда не знают понятия «недоброкачественные работы». Все дефекты в работах могут быть устранены. Поэтому мы не будем сравнивать приведенную норму п. 62 «в» Правил с ответственностью, предусмотренной п. 61 Положения о поставках продукции. Однако, как нам представляется, есть все основания сравнить норму п. 62 «в» Правил с п. 62 Положения о поставках продукции, устанавливающим ответственность за поставку продукции с производственными недостатками, которые могут быть устранены на месте. При поставке такой продукции покупатель вправе:

а) устранить недостатки своими средствами, но за счет изготовителя (поставщика) или потребовать устранения недостатков изготовителем (поставщиком) в месте нахождения продукции;

б) впредь до устранения недостатков в продукции отказаться от ее оплаты, а если продукция уже оплачена, потребовать в установленном порядке возврата уплаченных сумм;

в) взыскать с изготовителя (поставщика) штраф в размере 5% стоимости этой продукции.

Если недостатки по требованию покупателя (получателя) подлежат устранению изготовителем (поставщиком); то такие работы по их устранению должны быть выполнены в кратчайший технически возможный срок, устанавливаемый по соглашению сторон.

Если изготовитель (поставщик) не устранит недостатки в установленный срок, он уплачивает покупателю (получателю) штраф в размере 20% стоимости продукции, в которой не устранены недостатки. При этом полу-

чатель (покупатель) имеет право отказаться от принятия продукции и потребовать ее замены.

Сравнение приведенных норм Правил и Положения о поставках свидетельствует о различном, причем принципиально различном подходе к факту допущения дефектов и к их неустранению в срок.

Во-первых, допущение недоделок и дефектов в строительно-монтажных работах не влечет за собой уплаты штрафа. При допущении дефектов в продукции такая ответственность наступает.

Во-вторых, при неустранении дефектов в срок подрядчик уплачивает лишь довольно незначительные штрафные санкции (100 руб. за каждый день просрочки независимо от характера дефектов). Поставщик же в этом случае несет повторную, максимальную ответственность (20% стоимости продукции, хотя дефекты носят относительно незначительный характер: могут быть устранены на месте).

В-третьих, в случае неустранения дефектов (работы подрядчика оплачены) заказчик может лишь задержать перечисление средств на премирование. Покупатель же, установив дефекты, вправе отказаться от оплаты продукции или потребовать возврата ее стоимости (впредь до устранения недостатков).

Возникает вопрос, оправдано ли такое различие в регулировании ответственности за однопорядковые нарушения? Действительно ли соответствующие отношения настолько специфичны, что в вопросах ответственности нет ничего общего? Думается, что нет.

В процессе применения законодательства выявляются наиболее и наименее эффективные методы воздействия на правонарушителей. Эффективность конкретного метода зависит не от использования его при нарушениях того или иного конкретного вида договора, а от совершенства самого метода, от степени его воздействия на интересы коллектива и конкретных виновников, от неотвратимости ответственности.

Многообразие форм и размеров ответственности, разные подходы к исчислению неустойки при нарушении договорных обязательств скорее свидетельствуют не о совершенстве правовой системы, не об оправданной дифференциации правовых рычагов, а о неотработанности принципиальных, основных положений, исходя из ко-

торых и должен строиться весь механизм ответственности.

До сих пор мы рассматривали лишь соотносимость размеров неустойки, останавливаясь на соотносимости ответственности в форме возмещения убытков лишь попутно. Однако, возвращаясь к сопоставлению ответственности за нарушения хозорганами отдельных видов договоров в форме компенсации убытков, мы должны еще раз констатировать различия, которые не могут быть оправданы соображениями, базирующимися на объективных, научно обоснованных данных.

Причины отмеченного явления несоотносимости размера ответственности по договорам различных видов, на наш взгляд, лежат в сложившихся традициях правового регулирования основных видов хозяйственных договоров. Кроме того, до последнего времени подготовка наиболее важных нормативных актов, регулирующих отношения по перевозке, капитальному строительству, поставке, велась одновременно, без учета их связи между собой. Разработкой единых экономических и правовых предпосылок ответственности хозорганов, анализом и сопоставлением существующих форм и размеров ответственности (с точки зрения их эффективности) никто не занимался.

Представляется, что перед экономистами и правоведами стоит задача теоретической разработки шкалы ответственности хозорганов за нарушения обязательств и, следовательно, ликвидации несоразмерности и несоотносимости ответственности.

* * *

Недостаточная эффективность законодательства об ответственности хозорганов, специфика регулирования отношений между ними, своеобразие субъектов этих отношений, недостатки исторически сложившегося построения хозяйственного законодательства, в том числе и законодательства об ответственности, а также другие, высказанные выше, соображения диктуют необходимость издания специального акта об ответственности предприятий и организаций за нарушения обязательств, который должен, в частности, обеспечить:

а) построение механизма ответственности хозорганов исходя из последовательной реализации лежащих

в его основе принципов с учетом характерных черт гражданско-правовой ответственности предприятий и организаций за нарушение обязательств;

б) единообразное решение общих вопросов ответственности хозорганов независимо от вида договорных отношений;

в) решение проблемы построения шкалы размеров ответственности и ее экономического обоснования;

г) соблюдение правила о соотносимости ответственности;

д) использование только штрафной неустойки и, следовательно, отказ от других видов неустоек;

е) тесную увязку воздействия ответственности на интересы юридического лица с воздействием ее на интересы конкретных виновников нарушения обязательства работников должника;

ж) в случаях, когда применение норм об ответственности является обязанностью кредитора, установление порядка, обеспечивающего неуклонное исполнение этой обязанности.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
--------------------	---

Раздел I.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ХОЗОРГАНОВ ЗА НАРУШЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ	8
---	---

Глава I

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ХОЗОРГАНОВ ЗА НАРУШЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ	8
§ 1. Определение понятий	8
§ 2. Цель и результат	16
§ 3. Методика исследования	20

Глава II

СПОСОБЫ СРАВНЕНИЯ И ИЗМЕРЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ НОРМ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ХОЗОРГАНОВ ЗА НАРУШЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ	30
§ 1. Способы сравнения	30
§ 2. Способы измерения	37
§ 3. Точность измерений и выводов	47

Глава III

ЭФФЕКТИВНОСТЬ НОРМ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ХОЗОРГАНОВ ЗА НАРУШЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ	53
§ 1. Общая эффективность норм об ответственности	53
§ 2. Эффективность отдельных норм об ответственности	68

Раздел II.

ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ХОЗОРГАНОВ ЗА НАРУШЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ	103
	213

Глава IV

МЕХАНИЗМ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ХОЗОРГАНОВ ЗА НАРУШЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ И ЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ	103
---	-----

§ 1. Принципы и характерные черты гражданско-правовой ответственности	104
§ 2. Анализ схемы механизма ответственности	117

Глава V

ВОЗДЕЙСТВИЕ МЕХАНИЗМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ХОЗОРГАНОВ ЗА НАРУШЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ И ПОВЫШЕНИЕ ЕГО ЭФФЕКТИВНОСТИ	142
--	-----

§ 1. Интересы, воля и ответственность	143
§ 2. Ответственность хозоргана и его работников	160
§ 3. Формы и виды ответственности и их воздействие на хозорганы	178
§ 4. Соразмерность и соотносимость ответственности	194

Петров И. Н.

ПЗ0 **Ответственность хозорганов за нарушения
обязательств, М., «Юрид. лит.», 1974.**

216 с.

От того, насколько хорошо налажен механизм ответственности хозорганов, в значительной степени зависит состояние договорной дисциплины, выполнение предприятиями своих обязательств.

В книге исследуются способы сравнения и измерения эффективности норм об ответственности хозорганов, механизм гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательств и др.

Петров Игорь Николаевич

«ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ХОЗОРГАНОВ ЗА НАРУШЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ»

Заведующий редакцией *А. А. Твердов*
Редакторы *Л. М. Лаврова, З. М. Перова*
Младший редактор *Н. В. Ковальчук*
Обложка художника *Э. Л. Эрмана*
Художественный редактор *Э. П. Стулина*
Технические редакторы *И. А. Сарыкова, Н. Л. Федорова*
Корректоры *Э. А. Чебыкина, В. А. Куликова*

Сдано в набор 19/XII 1973 г. Подписано в печать 18/IV 1974 г. Бумага типографская № 3, формат 84×108¹/₃₂. Объем: усл. печ. л. 11,34; учет.-изд. л. 11,58. Тираж 10 000 экз. А-08643. Заказ 7895. Цена 69 коп.

Издательство «Юридическая литература», 103064, Москва, К-64, ул. Чкалова, д. 38—40.

Областная типография управления издательств, полиграфии и книжной торговли Ивановского облисполкома, г. Иваново-8, ул. Типографская, 6.

69 KDH

48634

04

29481

~~3172~~
~~0022~~
0262

